

№ 7 АПРЕЛЬ 1977

СМЕТЫ

**ЧЕЛОВЕК.
ЗЕМЛЯ.
ВСЕЛЕННАЯ.**

ВЕЛИКИЙ
60
ОКТАБРЬ

ЛЕНИН. ОКТАБРЬ. МОЛОДЕЖЬ.

Владимир ДЕСЯТЕРИК

ХРОНИКА. Часть вторая

Год 1918-й

19 мая Владимир Ильич дарит двум сыновьям В. А. Обуха — Андрею и Николаю — по экземпляру своей книги «Государство и революция» — с дарственной надписью «Молодому другу тов. Обуху от автора 19.V.1918».

В конце июня Владимир Ильич поручает Я. М. Свердлову встретиться с активистами московской юношеской организации и обменяться с ними мнениями по поводу созыва Всероссийского съезда союзов рабоче-крестьянской молодежи. По свидетельству секретаря председателя ВЦИК Е. Я. Драбкиной, события развивались следующим образом:

«Однажды — это было в конце июня 1918 года — Я. М. Свердлов велел мне пригласить к нему работников Союза рабочей молодежи «III Интернационал».

— Мы с Владимиром Ильичем вчера толковали, — сказал он. — Пора созвать Всероссийский съезд Союзов молодежи, выработать Программу и Устав, избрать Центральный Комитет, превратиться в настоящую организацию молодежи».

Тогда же было создано Оргбюро по созыву Всероссийского съезда. Члены Оргбюро не один раз имели возможность в процессе работы встречаться и с Я. М. Свердловым и с В. И. Лениным. «И Ленин и Свердлов, — вспоминает Е. Я. Драбкина, — разговаривали с нами всегда как равные с равными. Они с нами советовались, спрашивали наше мнение о настроениях в стране, учили нас смотреть на вещи не с узкой, «молодежной» точки зрения, а с точки зрения интересов всего народа.

И Владимир Ильич и Яков Михайлович с замечательным искусством проводили ту линию по отношению к молодежи, которая была сформулирована VI съездом партии: не допускать мелочной опеки, но в то же время неустанно воспитывать, помогать, наставлять, указывать правильный путь». А секретарь Оргбюро Н. Н. Пеньков в своих воспоминаниях добавлял, что Надежда Константиновна «систематически беседовала с нами, помогала в работе, отвечала на все вопросы, а иногда говорила: «Подождите, по этому вопросу я посоветуюсь с Владимиром Ильичем и тогда вам отвечу».

Позднее, 8 июля, Владимир Ильич при необычных обстоятельствах встречается с членами молодежного патруля г. Москвы. Это произошло сразу же после подавления в столице контрреволюционного эсеровского мятежа. Как свидетельствует Н. К. Крупская, В. И. Ленин захотел посмотреть особняк в Трехсвятительском переулке, ставший на время штаб-квартирой восставших эсеров. После осмотра, хотя уже и вечерело, Владимир Ильич решил проехаться по Сокольническому парку. И вот в это время члены молодежного патруля задерживают его машину. «Когда мы подъезжали к проезду под железной дорогой, — рассказывает Надежда Константиновна, — мы наткнулись на комсомольский патруль. «Стой!» Остановились. «Документы!» Ильич показывает свой документ: «Председатель Совета Народных Комиссаров — В. Ульянов». «Рассказывай!» Молодежь заарестовала Ильича и повела в ближайший участок милиции. Там тотчас узнали Ильича и расхохотались. Ильич вернулся — поехали дальше. Повернули мы в Сокольнический парк... Когда ехали назад, опять ехать надо было мимо молодежного поста. Но ребята, увидев издали машину, куда-то моментально скрылись».

17 июля Владимир Ильич оставляет записи на следующем письме в Совнарком, подписанном руководящими работниками Наркомпроса М. Н. Покровским и Н. К. Крупской: «Отдел внешкольного образования Народного комиссариата по просвещению, прилагая при настоящем списке инвентаря и белья, первого на сумму четырнадцать тысяч рублей, а второго на сумму восемь тысяч сто пятьдесят шесть рублей, просит Совет Народных Комиссаров отпустить бесплатно инвентарь и белье (принадлежащее Военному ведомству) для трудовой коммуны детей-подростков, не имеющих заработка и направляющихся в трудовые колонии-коммуны в Елецкий уезд, Орловской губернии. Отдел просит этот разрешить сегодня же». В. И. Ленин делает подсчеты на письме, выводит общую сумму расходов в 22 156 рублей и ниже пишет: «Утверждено 17 июля 1918».

30 июля Владимир Ильич председательствует на заседании Совнаркома, где обсуждался вопрос об увеличении продовольственного пайка детям до 5 лет до размера пайка взрослых.

2 августа Владимир Ильич подписывает постановление Совнаркома о преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства. В тот же день он подписывает декрет Совнаркома о правилах приема в вузы. «На первое место безусловно, — подчеркивает В. И. Ленин, — должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии».

«Когда Наркомпрос проводил через Совет Народных Комиссаров декрет, снимавший всякие рогатки на дороге в высшую школу, — вспоминал заместитель комиссара по народному просвещению в те годы М. Н. Покровский, — де-

лал ее юридически доступной для любого рабочего, перед Лениным тотчас же встал вопрос: а как же фактически пролетариат сможет там учиться? И проект Наркомпроса был дополнен обязательством: обеспечить стипендиями «студентов из среды пролетариата и беднейшего крестьянства». В этом было зерно будущих рабфаков».

Как свидетельствует бывшая секретарь Совнаркома М. Н. Скрыпник, во время выступления М. Н. Покровского на этом заседании Владимир Ильич спросил его:

— А сколько это будет стоить? Михаил Николаевич уверенно оглашает смету, где предусмотрены все статьи по содержанию рабфака.

— Речь идет ведь о товарищах рабочих, — замечает Владимир Ильич, — которых мы снимем с производства. Следовательно, мы должны им в какой-то мере компенсировать их зарплату. Вот я и спрашиваю — сколько же это будет стоить?

Докладчик растерянно молчит. Владимир Ильич подытоживает:

— Отправляйтесь, товарищ Покровский, в Наркомпрос и подсчитайте все, после этого приходите вновь.

9 августа под председательством Владимира Ильича Совнарком обсуждает вопросы о взятии на учет манной крупы, какао, шоколада и распределении их между детьми по особым детским карточкам, а также об усилении пищевого пайка для детей в местностях, охваченных голодом.

16 августа в речи на заседании Московского комитета РКП(б) Владимир Ильич говорит об организации групп, сочувствующих Коммунистической партии, и подчеркивает: «Чувствуется большой недостаток сил, а в массе силы есть, силы, которые можно использовать. Надо оказать большое доверие рабочей массе и суметь черпать оттуда

силы. Меры для этого: привлечение к партии сочувствующих из молодежи, из профессиональных союзов... Молодежь надо брать из рабочей среды, так, чтобы был контроль рабочей массы... На место старых надо дать новые силы — молодежь».

20 августа Владимир Ильич знакомится с заявлением вдовы земского врача, погибшего во время борьбы с эпидемией сыпного тифа, А. Л. Шатерниковой, обращается к наркому финансов Н. Н. Крестинскому и рекомендует оперативно рассмотреть ее просьбу об оказании содействия в получении из Московского банка денег, отпущенных земством после смерти мужа на воспитание детей.

28 августа Владимир Ильич выступает с речью на I Всероссийском съезде по просвещению, в которой высоко отзывается о роли народного образования для строительства новой жизни. Слушавший ленинскую речь А. В. Луначарский вспоминал позднее: «Я тогда заметил Владимиру Ильичу: «Уж очень вы крепко насчет школы сказали, пожалуй, чересчур», — и получил ответ: «Я хотел этим сказать, что воспитанием будущих поколений закрепляется все, что завоевано революцией».

Характерно, что в этом выступлении В. И. Ленин, отвечая на упреки в том, что-де Советская власть строит классовую школу, развенчивает ханжеский характер школьного образования в эксплуататорском обществе, выводит прямую связь между воспитанием молодого поколения в буржуазном духе и империалистическими войнами.

В. И. Ленин подчеркивает, что наша школа является классовой, но она преследует интересы исключительно трудовых слоев населения. Она не может быть использована врагами трудового народа в своих целях. Освобожденная от цепей рабства народом, советская школа пойдет по пути социализма, братства и равенства.

Летом по предложению Владимира Ильича руководство строительством Каширской ГЭС было поручено Г. Д. Цюрупе. Перед этим назначением В. И. Ленин принимал Георгия Дмитриевича в Кремле. Вот какой разговор состоялся между ними. Г. Д. Цюрупа вспоминает: «Услышав от В. И. Ленина о намерении послать меня на строительство Каширской станции, я пробовал возражать, ссылаясь на молодость и недостаток опыта.

Выслушав мои возражения, Владимир Ильич улыбнулся, подумал и сказал:

— Молодость — не помеха в любом, даже очень ответственном деле. Важно, чтобы было желание взяться за это дело и выполнить его во что бы то ни стало, а также энергия и знания... Энергия и знания у вас, насколько мне известно, есть. А как насчет желания потрудиться на Каширстрое? Не спешите. Имейте в виду — задача не из простых. Трудности будут очень серьезные.

Я ответил, что желания работать у меня более чем достаточно, трудностей не боюсь.

— Тогда, — заключил беседу Ленин, — будем считать вопрос решенным. Желаю вам успеха».

Летом, проявляя заботу об установлении памятников в Москве выдающимся борцам всех народов, Владимир Ильич особо подчеркивает их значение для воспитания молодого поколения. «Нам нужно изобразить и Марата, и Дантона, Бабефа, Бакунина и многих других революционеров старых времен, — говорил он в беседе с В. Д. Бонч-Бруевичем, — чтобы наши экскурсии по

В. И. ЛЕНИН.
РИСУНОК ЗАСЛУЖЕННОГО ХУДОЖНИКА РСФСР БОРИСА ЛЕБЕДЕВА.

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 7 (1197) АПРЕЛЬ 1977

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
космонавты Петр КЛИМУК
и Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
в московском
планетарии.

Фото
Сергея ПЕТРУХИНА

1 К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ.
Владимир ДЕСЯТЕРИК. «ЛЕНИН. ОКТЯБРЬ. МОЛОДЕЖЬ».
Хроника.

4 СЕРВИС И МОЛОДЕЖЬ.
УРОКИ ЖИЗНИ. Диалог бригадира комсомольско-
молодежной бригады автоматно-механического цеха
Львовского автобусного завода Николая СОБОЛЯ
и метрдотеля львовского ресторана «Высокий замок»
Ярослава САЛО.

6 Михаил ПОЛЯЧЕК. «СВЕТ И ТЕНИ ТОРГОВОГО ЗАЛА».

8 «В УДОБНОЕ ДЛЯ ВАС ВРЕМЯ».
Фотоочерк Владислава ЯНЕЛИСА и Юрия УСТИНОВА.

11 Стихи Михаила АКСЕНОВА, Льва ОЗЕРОВА,
Юрия АДРИАНОВА.

12 Евгений РЯБЧИКОВ.
«КОСМОС, дом №...».

15 Рассказ Владислава БАХРЕВСКОГО «СИГИРИЯ».

18 ПРОШУ СЛОВА!
«НЕВЕСЕЛОЕ ВЕСЕЛЬЕ». Письма читателей.

20 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
«ЯСТРЕБИНАЯ ОХОТА».

22 ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНИ».
Александр ВАМПИЛОВ. «ПРОГУЛКИ ПО КУТУЛИКУ».

24 ПУТЕШЕСТВИЕ БЕЗ ПУТЕШЕСТВИЯ.
«ЗЕЛЕНый АРХИПЕЛАГ».

25 Стихи Владимира КАРПЕЦА.

28 Повесть Анатолия ЖАРЕНОВА «ВЫСТРЕЛ ИЗ ПРОШЛОГО».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, С. А. АБРАМОВ, А. П. КУЛЕШОВ,
В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕН-
КО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖ-
ДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САОУШЕВ, Г. В. СЕМЕ-
НОВ, А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1977 г.

Москве, которые мы будем постоянно устраивать и с рабочими, и со школьниками, переходя от памятника к памятнику, могли получать сведения из истории революционной борьбы, слушая рассказы о революционерах вот здесь, у подножья памятников».

16 сентября Владимир Ильич знакомится с письмом, написанным Григорием Наумовичем 26 августа 1918 года от имени группы учащихся, которые просили В. И. Ленина прислать автограф. Молодежь заверяла своего вождя: «...Помните, что мы любим Вас, надеемся следовать Вашим идеям». Владимир Ильич тут же направляет ответное письмо «Григорию Наумовичу, для группы учащихся, интересующихся коммунизмом».

«Дорогие товарищи. Очень рад был получить ваше письмо,— пишет В. И. Ленин.— От души желаю вам быстрых успехов в деле изучения коммунизма, усвоения его и перехода к практической работе в рядах Российской Коммунистической партии».

Владимир Ильич пристально следит за тем, как молодое поколение усваивает марксистскую науку. В одном из докладов Н. К. Крупской передается ее разговор с В. И. Лениным об изучении марксизма в Свердловском университете. «Я читала отчет Свердловского университета, в котором рассказывалось, с каким увлечением студенты изучают теорию стоимости. Рассказывалось там, как студент, проспориивши всю ночь, как надо определять, что такое стоимость, до такой степени обалдел к утру, что выскочил на улицу, схватил какого-то прохожего и стал спрашивать, как он определит, что такое стоимость. Когда я рассказала это Владимиру Ильичу, он говорил о том, что это не марксизм, что при изучении Маркса гнаться лишь за точностью определений, формулировок по всем правилам науки, уходить в детали не следует. Главное при изучении марксизма— это понимание духа марксизма, понимание основных идей, умение приложить марксизм к действительности».

Ранее 18 сентября Владимир Ильич, еще больной после ранения, у себя на квартире в Кремле принимает группу работников культуры— коммунистов, около пятнадцати человек. В Брюсов во время этой встречи показал В. И. Ленину только что сверстаный сборник стихов замечательного русского поэта-песенника Ивана Сурикова, подготовленный к выпуску в Госиздате. Полистав сверстанную книгу, Владимир Ильич на первой странице увидел стихотворение «Детство» и прочитал из него начальные слова:

*Вот моя деревня;
Вот мой дом родной...*

— Нашим поэтам нужно бы научиться так писать о детях и для детей,— сказал он.— А бумага-то для такой книги, особенно для детей, не годится...

23 сентября Владимир Ильич подписывает постановление Совнаркома о создании на местах Фонда детского питания и об ассигновании Народному комиссариату здравоохранения пятидесяти миллионов рублей на организацию столовых и питательных пунктов для детей.

Ранее 29 октября Владимир Ильич присутствует на концерте в Колонном зале Дома союзов, организованном бюро по созыву Всероссийского съезда союзов рабочей-крестьянской молодежи. В воспоминаниях Е. Я. Драбкиной сообщены подробности организации и проведения этого вечера. Чтобы собрать дополнительные средства для проведения съезда, рассказывает Е. Я. Драбкина, наше Оргбюро затеяло «коммерческое мероприятие»: оно сняло Колонный зал Дома союзов и устроило там концерт. Финансистами мы оказались аховыми, и ничего, кроме убытков, из этого дела не получилось. Но в последний день, видя, что три четверти билетов остались не-

проданными, мы распределили их бесплатно по районам среди рабочей молодежи. Зал был набит битком. Большинство пришедших юношей и девушек впервые попали в этот зал дворянского Благородного собрания, как назывался раньше Дом союзов. Каков же был наш всеобщий восторг, когда к концу первого отделения на концерт пришел Владимир Ильич! В антракте Ильича обступила молодежь. Сначала шел долгий разговор, а потом мы устроили хоровод... Принял участие в игре и Владимир Ильич.

В конце беседы Владимир Ильич спросил, что это за концерт, кто его устроил, с какой целью. Не скрою: мы были смущены, но рассказали всю правду. А дня два спустя нас вызвали в ЦК партии и вручили нам чек на получение дополнительной суммы денег на созыв Первого съезда комсомола.

29 октября. Поскольку после ранения Владимиру Ильичу были запрещены частые публичные выступления, он не смог прибыть на открытие первого Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской молодежи. Но ленинское напутствие было передано делегатам. Газета «Правда» сообщила 2 ноября 1918 года: «На съезд прибыла т. Кржижановская, представительница Комиссариата Просвещения, приветствовавшая съезд от имени т. В. И. Ленина...»

Делегаты съезда на своем первом заседании принимают первое решение— избрать В. И. Ленина почетным председателем съезда. Владимиру Ильичу была направлена записка с просьбой принять нескольких представителей съезда.

«Съезд постановил...— читаем в воспоминаниях одного из делегатов,— послать к нему делегацию для того, чтобы познакомиться Владимира Ильича с организацией нашего всероссийского объединения...»

1 ноября Владимир Ильич пишет записку в Управление имуществом московских народных дворцов с предписанием удовлетворить просьбу отдела детских домов Наркомсобеса. Ленинское распоряжение дано на письме заведующей отделом детских домов Наркомсобеса А. И. Ульяновой-Елизаровой, в котором содержалась просьба выделить подушки, одеяла и белье для нужд детских приютов, эвакуируемых в связи с голодом из Москвы в хлеботорные губернии. Требовалось— 600 штук простыней, 600 штук наволочек, 1200 штук полотенец, по 120 штук байковых одеял и подушек. Предписание В. И. Ленина было выполнено.

4 ноября Владимир Ильич беседует с делегацией I Всероссийского съезда союза рабочей и крестьянской молодежи. На встречу в Кремль пришли члены президиума съезда. В своих воспоминаниях участник этой встречи поэт А. И. Безыменский рассказал о том, как один из делегатов сообщил Ленину, что съезд постановил, чтобы Союз молодежи именовался коммунистическим.

В. И. Ленин ответил:

— Дело не в названии...

И когда у обескураженных таким ответом делегатов, с жаром отстаивавших на съезде это название, вырвалось:

— Но мы оправдаем его!— Ленин слегка задумался и, улыбувшись, промолвил:

— Вот тогда будет хорошо...

Дело не в названии, не в словах. Надо быть на деле коммунистами. Таков был первый ленинский наказ посланцам от делегатов I Всероссийского съезда союза рабочей и крестьянской молодежи.

Далее А. И. Безыменский вспоминал: «Нельзя было не обратить внимание на то, что любое сообщение о каком-либо недостатке или вредном явлении воспринимается В. И. Лениным только с одной точки зрения: а что сделано для искоренения этого недостатка или зла? Наличие препятствия вызывало в нем немедленную реакцию— действовать! Не хватает керосина в избе-читаль-

не? Добудьте! Кто-то не выполняет советских законов? Сообщите, разоблачите, добейтесь снятия, ареста, наказания! Обнаружен враг? Скажите чекистам! Иные родители недопонимают значения Союза молодежи? Соберите их или пойдите к ним, докажите, вовлеките в общественную деятельность! Нет лодок? Найдите старые, почините, оборудуйте! Нужна помощь Совета депутатов? Идите в Совет! Нужна помощь партии? Идите в партийный комитет. Но действуйте, помогайте, информируйте, разоблачайте, советуйте, изобретайте, искореняйте, доводите все до конца!»

Другой участник этой встречи свидетельствовал: «К концу беседы с нами, длившейся около 10—15 минут, Ленин предложил нам пользоваться в любое время его помощью и библиотекой, в которой мы сможем найти, как он сказал, книги и, главное, журналы юношеского революционного движения на Западе, в особенности издания швейцарского и германского союза молодежи.

Затем Ильич присел за свой письменный стол и на отрывном листочке из блокнота черкнул несколько слов тов. Свердлову с просьбой оказать нам «наивозможное» материальное содействие из средств партии. Эта записочка Ленина принесла нашему Центральному Комитету десять тысяч рублей, которые были на первых порах достаточной суммой для союза».

5 ноября Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома о дополнении декретов «Об усилении детского питания» и о «Фонде детского питания».

6 ноября Владимир Ильич в речи о годовщине революции на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде Советов подчеркивает: «...у нас есть теперь готовые кадры новобранцев, молодых крестьян, которых мы должны привлечь к работе, и они помогут нам довести дело до конца».

18 ноября Владимир Ильич подписывает мандат С. И. Мицкевичу на право вывоза петроградских и московских детей из местностей, занятых белочехами. В документе дается предписание всем соответствующим учреждениям оказывать С. И. Мицкевичу помощь в обеспечении детей питанием, помещением, лечением и пр.

19 ноября Владимир Ильич пишет проект постановления Совнаркома о детских домах. В тот же день он подписывает постановление Совнаркома о порядке и сроке передачи детских домов (приютов) и подобных учреждений из ведения Народного комиссариата социального обеспечения в ведение Наркомпроса.

7 декабря Владимир Ильич направляет следующую телеграмму Тамбовскому губисполкому: «Получил жалобу Ивана Богданова на арест его сына Владимира, 17 лет, больного бронхитом, за саботаж. Пересмотрите дело, проверьте болезнь, неопытность, молодость арестованного, особенно расследуйте, не были ли настоящими саботажниками 30 служащих земельного комиссариата, которые отказывались от работы, взвалив ее на Богданова. Результат проверки телеграфируйте».

25 декабря Владимир Ильич знакомится с письмом о необходимости трудоустройства вдов с детьми и оказания им помощи.

26 декабря Владимир Ильич шлет телеграмму Родниковскому исполкому Иваново-Вознесенской губернии, в которой просит объяснить, на каком основании Чрезвычайной комиссией этого города реквизируются личные книги у бывшего члена социал-демократической фракции III Государственной думы П. И. Суркова, проживавшего в то время в деревне Кутилове. К В. И. Ленину

поступила от него жалоба. Возражая против перевода своей библиотеки в Родники, П. И. Сурков соглашался передать книги для обучения молодежи в своей деревне. К этому вопросу Владимиру Ильичу пришлось возвращаться еще несколько раз. И 10 января 1919 года судьба библиотеки была решена. Она перешла в ведение Родниковского отдела народного образования, а часть книг была возвращена владельцу.

26 декабря на имя Владимира Ильича нарком просвещения А. В. Луначарский направил телеграмму, в которой сообщал о возникших трудностях в работе школ в связи с занятием войсками школьных помещений. «Полномочия, данные армии, реквизируют безапелляционно учебные заведения и вводят к выбрасыванию на улицу сотен детей и прекращению просвещения», — писал он и просил, чтобы при обсуждении вопросов по реквизиции школьных помещений были даны паритетные условия органам Наркомпроса и комиссиям улучшения быта красноармейцев. В разрешении этой острой в то время проблемы он неоднократно принимает участие и в последующие годы. Когда А. В. Луначарский говорил о ней в докладе на VII сессии ВЦИК 26 ноября 1920 года, Владимир Ильич среди своих записей о трудностях, стоящих перед советской школой, пометил также: «занятие военными».

27 или 28 декабря Владимир Ильич пишет записку Г. В. Чичерину о подготовке международной конференции для основания III Коммунистического Интернационала и список групп внутри социал-демократических партий, которые более или менее близко стоят к большевизму, где есть запись: «левые и молодые в Швейцарской с.-д. партии». С представителями революционной швейцарской молодежи у В. И. Ленина установилось тесное сотрудничество в период его последней эмиграции в годы первой мировой войны.

В декабре Владимир Ильич по телефону связывается ночью с дежурным Краснопресненского райкома партии. В это время дежурила секретарь райкома комсомола Е. Н. Логинова. Позже в своих воспоминаниях она так передавала состоявшийся тогда разговор с Владимиром Ильичем: «Возьмитесь-ка вот за какое дело: через два дня у вас должна быть беспартийная конференция. Так вот, — продолжает В. И. Ленин, — вам персонально поручается подобрать из членов Союза молодежи товарищей постарше и посерьезнее. Им поручить обойти завтра же все заводы, фабрики, мастерские, рабочие общежития, солдатские казармы, хорошо оповестить о конференции. С помощью партийных товарищей вывезите всех, кто чем-нибудь недоволен, ворчит по поводу трудностей. Каждому такому рабочему или красноармейцу вручить пригласительный билет лично и убедить, чтобы пришел на конференцию. Сделайте?»

— Сделаем, товарищ Ленин! — Ну и хорошо. Об исполнении сообщите дежурному в Совнарком...» Комсомолцы сделали все, о чем просил Владимир Ильич.

В декабре Владимир Ильич навещал Н. К. Крупскую, отдыхавшую в лесной школе в Сокольниках на бывшей даче московского фабриканта. Интересуясь системой обучения и воспитания детей в этой школе, В. И. Ленин нередко высказывал суждения о тех или иных сторонах процесса воспитания детей и подростков в Республике Советов. В. Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях передает, в частности, содержание одной из таких ленинских бесед. «...Почему в школах, везде и всюду, не пропагандировать обязательное насаждение деревьев, приурочив это дело к какому-нибудь дню, например, к Первому мая?.. Почему не воспитать в детях любовь к

природе, к которой они всегда так чувствительны? Посмотрите, в Сокольниках, в школах на открытом воздухе, — ведь там детей невозможно отогнать от их уголков природы. Чего только они там не наделали? У них и животные, и растения, и птицы, и наблюдения над муравьями. Они издают собственные журналы, делают научные открытия и все так радостно, с таким энтузиазмом, что прямо не хочется уходить от них. Опыт сокольнических школ необходимо распространять везде и всюду. Посмотрите, как дети ухаживают за садом и парком, который отведен той школе, где живет Надежда Константиновна. Там не только никто не ломает деревьев — там стремятся поддержать каждое маленькое деревце, дать ему лучшие условия жизни, если оно почему-либо чахнет, насаждают новые деревья, все живут в общении с природой, радостные, довольные и веселые. И вот такими детьми должны быть все дети... В школах необходимо прививать все эти культурные привычки. Я повторяю, они перейдут в жизнь к новым поколениям в огромном расцвете, да и старое поколение они начинают перевоспитывать». И дальше Владимир Ильич высказывает свои сокровенные желания: «Так бы хотелось, чтобы наша Москва, да и все другие города были веселыми, радостными, солнечными, чтобы везде и всюду кипела жизнь, чтобы можно было отдохнуть рабочему и его семье после тяжелого трудового дня».

В конце 1918 или начале 1919 года Владимир Ильич в статье «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов» высоко оценивает книгу Александра Тодорского «Год — с винтовкой и плугом», в которой описывается годовой опыт строительства Советской власти в Вельском уезде. В. И. Ленина особенно заинтересовало, как в уезде позаботились о том, чтобы не оставить «безработными» «купеческие руки», а побудить их «взяться за работу». В цитируемом В. И. Лениным отрывке говорится о привлечении советскими работниками к созидающей деятельности молодых представителей нетрудовых классов. «...В этих целях были призваны в исполком три молодых, энергичных и особенно делных промышленника, Е. Е. Ефремов, А. К. Логинов, Н. М. Козлов, и... привлечены к созданию лесопильного и хромового (кожевенного) заводов, к оборудованию которых сразу же и было приступлено.

Советская власть не ошиблась в выборе работников, а промышленники, к чести их, почти первые поняли, что имеют дело не с «двухнедельными случайными гостями», а с настоящими хозяевами, взявшими власть в твердые руки». Далее в отрывке, который приводит В. И. Ленин, сообщается, что лесопильный завод уже работает и обслуживает всю потребность местного населения, а на заводе по выделке хрома идет установка оборудования, и его намечается пустить в ход через полтора-два месяца. Приведя эти факты, автор замечает: «Оборудование двух советских заводов «несоветскими» руками служит хорошим примером в том, как надо бороться с классом, нам враждебным».

Владимира Ильича обрадовала описанная А. Тодорским реальная картинка из настоящей гущи жизни. Она помогла преодолевать бытовавшие в то время среди преданных делу революции работников настроения пренебрежительного отношения к использованию буржуазных специалистов на всех участках народнохозяйственного строительства. И потому так восторженно отзывался В. И. Ленин о выводах автора книги: «Это превосходное и глубоко правильное рассуждение следовало бы вырезать на досках и выставить в каждом совнархозе, продоргане, в любом заводе, в земотделе и так далее. Ибо то, что поняли товарищи в захолустном Вельском, сплошь да рядом упорно не понимают советские работники столиц».

НАГРАДА «СМЕНЕ»

СЛОВАЦКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СОЮЗА ЧЕХОСЛОВАЦКО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ДИРЕКЦИЯ СВЯЗИ СЛОВАЦКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В БРАТИСЛАВЕ В ЧЕСТЬ 25-ЛЕТИЯ КУРСОВ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЗА АКТИВНОЕ СОДЕЙСТВИЕ ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА НАГРАДИЛИ РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «СМЕНА» ПАМЯТНОЙ ЮБИЛЕЙНОЙ МЕДАЛЬЮ.

В СЛОВАЦКИХ ШКОЛАХ СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПЕЧАТЬ СТАЛА ХОРОШИМ ПОДСОПОРЬЕМ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА. «СМЕНУ», НАПРИМЕР, ВЫПИСЫВАЮТ БОЛЕЕ ЧЕМ 7 ТЫСЯЧ ЧИТАТЕЛЕЙ. НАШИ ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ДРУЗЬЯ-ЧИТАТЕЛИ СООБЩАЮТ, ЧТО МАТЕРИАЛЫ, ПУБЛИКУЕМЫЕ В ЖУРНАЛЕ, НЕ ТОЛЬКО ПОМОГАЮТ ЛУЧШЕ ИЗУЧАТЬ РУССКИЙ ЯЗЫК, НО И БЛИЖЕ ЗНАКОМИТ С ЖИЗНЬЮ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ, ЕЕ ПРОБЛЕМАМИ. НЕ РЕДКО МАТЕРИАЛЫ «СМЕНИ» ВЫЗЫВАЮТ ОЖИВЛЕННЫЕ ДИСКУССИИ. ИХ ОБСУЖДАЮТ В МОЛОДЕЖНЫХ КЛУБАХ, В КРАСНЫХ УГОЛКАХ, В КРУЖКАХ ДРУЗЕЙ СССР, В ПЕРЕДАЧАХ ШКОЛЬНОГО РАДИО.

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «СМЕНА» БЛАГОДАРИТ ВСЕХ СЛОВАЦКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ ЗА ДОБРЫЕ СЛОВА, ВЫСКАЗАННЫЕ В АДРЕС РЕДАКЦИИ, ДРУЖЕСКИЕ СОВЕТЫ И ПОЖЕЛАНИЯ, БЛАГОДАРИТ СЛОВАЦКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СОЮЗА ЧЕХОСЛОВАЦКО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ И ЦЕНТРАЛЬНУЮ ДИРЕКЦИЮ СВЯЗИ СЛОВАЦКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В БРАТИСЛАВЕ ЗА НАГРАЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА ЦК ВЛКСМ «СМЕНА» ПАМЯТНОЙ ЮБИЛЕЙНОЙ МЕДАЛЬЮ.

В чем главное социальное предназначение сферы услуг? Оно не только в облегчении условий быта, но и в том, что люди получают больше возможностей для духовного роста, для разумного, обогащающего досуга, наконец, для воспитания детей.

На предприятиях торговли и бытового обслуживания работают миллионы тружеников, в их числе немало комсомольцев и молодежи. Их задача состоит в том, чтобы сфера сервиса, как намечено XXV съездом КПСС, стала отраслью высокого качества работы, развивалась динамично и плодотворно. Об успехах на этом пути, о проблемах и недостатках, существующих в сервисе, о роли молодых работников торговли и бытового обслуживания в повышении уровня услуг рассказывается в этом номере «Смена».

Уроки жизни

...ПЛЮС ХОРОШЕЕ

Н. СОБОЛЬ. Не скажу, что я отнес бы себя к завсегдатаям ресторанов. Но вот с «Высоким замком» у меня связано по-настоящему доброе воспоминание. Мы принимали в вашем ресторане гостей из Ульяновска, города-побратима. Приезжал тогда Володя Творогов с товарищами. Он начальник комсомольско-молодежного участка Ульяновского автомобильного завода, моя бригада с его участием соревнуется. Ну, и твои ребята, Слава, красивый стол приготовили, работали внимательно, приветливо, с душой. Словом, перед гостями краснеть не пришлось.

Я. САЛО. Спасибо. Так и должно быть.

Н. СОБОЛЬ. Должно-то должно. Но вот почему не всегда и не везде так?

Я. САЛО. Очень сложный вопрос. Двумя словами на него не ответишь.

Н. СОБОЛЬ. А если не двумя?

Я. САЛО. Попробую... Общественный престиж службы сервиса — вот, по моему, ключ к проблеме. Представь себе хорошего парня, комсомольца, «обдумывающего житье», выбирающего путь. Разве потянет его к профессии, о которой и говорить-то вроде бы неловко? Помести рядом слова «официант» и, скажем, «металлург» или «нефтяник». Есть разница? Вот и выходит, что шансов «заполучить» на работу в сферу услуг парня или девушку не просто с комсомольским значком, но и с комсомольским сердцем, несравнимо меньше, чем почти в любой профессии группы «А»... Скажи, как бы ты сам отнесся в восьмом или девятом классе к предложению стать продавцом или официантом?

Н. СОБОЛЬ. Если откровенно, то я бы, наверное, сказал: разве это профессия для молодого здорового парня?

Я. САЛО. К сожалению, ты был бы в этом суждении не оригинален. А ведь между прочим, труд официанта в городском ресторане не прост. Сколько ценителей поднимешь за смену, сколько километров прошагаешь с подносом! И все это профессионал должен делать легко, с улыбкой. Впрочем, чисто физические нагрузки не самое главное. Куда тяжелее нагрузки на психику, на нервную систему. Официант не должен на работе давать волю собственным настроениям. Бывает, кошки на душе скребут, но разве ты вправе сваливать

собственные неприятности на плечи гостя, который пришел отдохнуть, повеселиться, отметить какое-то событие? У него праздник, и ты помоги создать праздничное настроение. Сунуть под нос меню, а потом равнодушно выставить на стол заказанное — это, понятно, не эталон хорошей работы. Нужно быть хозяином — гостеприимным, доброжелательным, умелым. В нашей профессии, как и в любой другой, можно выучиться ремеслу, но так никогда и не стать настоящим мастером. Для этого и талант и, если хочешь, увлеченность, даже одержимость нужны. Главное — не забывать, что работаем с людьми и для людей.

Н. СОБОЛЬ. В одном из наших львовских продуктовых магазинов я видел вывешенную на стенке «Заповедь продавца». Там речь шла о том, что работники торговли должны учитывать настроение и характер покупателя, обслуживать (я этот текст дословно записал) «усталых — терпеливо, стеснительных — заботливо, раздражительных — предупредительно, обидчивых — особо тактично, грубых — выдержанно».

Я. САЛО. Смысл, по моему, верный. Думаю только, что у продавца продуктового магазина, каким бы «сверхпсихологом» он ни был, времени не хватит разобраться в характере покупателя. Их общение, хотя и ежедневное, по времени очень коротко. Они едва успеют обменяться двумя-тремя фразами. По моему опыту (а я после торгово-кулинарного училища три года работал в продуктовом магазине) для продавца, вероятно, главное — не только хорошо обслужить и не обидеть покупателя, но и уметь не обидеться, если грубо и бестактно ведет себя покупатель. Вежливый, предупредительный продавец — пропагандист культуры общения, это ясно. У официанта ситуация куда более многоплановая, чем у продавца. Он целый вечер общается с гостем. И тут уж гораздо больше возможностей — и для взаимного доброжелательства и для конфликта. Стиль и формы общения зависят и от профессионального уровня официанта и особенно от его отношения к своему делу. Не каждый способен сделать так, чтобы вечер был не дузлой, а диалогом с гостем... Я убежден: хорошему официанту необходимы специальные знания по пси-

хологии. Но это пока слабо организовано.

Помню, собрали нас однажды в Киеве — метрдотелей и официантов, участников республиканского конкурса. Читали лекции по товароведению, по кулинарии и так далее. Одна была по психологии. Много общих слов, мало «привязки» к нашей профессии. Подробно, например, о четырех типах нервной системы по Гиппократу — о холериках, сангвиниках, флегматиках, меланхоликах. Мы сказали: «Это мы знаем. Объясните, посоветуйте, как нам, официантам, вести себя с тем же холериком, если он, как говорится, из колеи вышел? Как найти с ним контакт? Как разобраться в мотивах его поведения? Ведь, вероятно, когда готовят врача, ему говорят: больной ведет себя так-то и так, реагировать нужно таким и таким образом»...

Н. СОБОЛЬ. Ну, тебе все-таки придется иметь дело со здоровыми людьми...

Я. САЛО. Конечно. Но сколько разных характеров, неожиданных ситуаций! Все предусмотреть невозможно. Я тоже не родился официантом, сколько было ошибок! Постепенно опыт приходил, но искал-то я бессистемно, наугад. Можно, конечно, учиться только на собственных ошибках, но разве это целесообразно? Опыт — это, наверное, осмысление того, что сделано до тебя и делается вокруг тебя...

Н. СОБОЛЬ. На производстве сейчас, как ты знаешь, широко распространена практика наставничества. А в вашем ресторанном деле?

Я. САЛО. Не везде одинаковое положение. Есть наставники и «наставники». Есть замечательные мастера, у которых можно многому поучиться: и профессиональным «секретам», и творческой выдумке, и добросовестности во всем. Есть и такие, у кого богатый опыт всевозможных трюков, как «охмурить» гостя. Горе, когда они себя утверждают в качестве образца для подражания.

Н. СОБОЛЬ. Ты секретарь комсомольской организации. Что вы сделали, чтобы так не случилось?

Я. САЛО. Если говорить о «Высоком замке», то у нас вот какое положение: из 80 работников 35 — комсомольцы. В их числе почти все официанты. В основном ребята пришли из армии и обучались здесь. Коллектив сложился креп-

кий, атмосфера товарищеская. Работают ребята на хорошем уровне, друг другу помогают, разговор на тему «мое-твое» у нас не в ходу. А с «чемпионами длинного рубля» мы попросту расстались.

Н. СОБОЛЬ. Это вы. А там, где такие продолжают «воспитательную работу»?

Я. САЛО. Тут мы с тобой возвращаемся к исходному пункту — вопросу о кадрах. Нужны, очень нужны в сфере обслуживания хорошие ребята-комсомольцы. Кто способен отстаивать свои взгляды, свои жизненные принципы.

Н. СОБОЛЬ. К сожалению, сейчас отношение к труду продавца или официанта у многих связано с неприятными эпизодами в очереди и за столиком.

Я. САЛО. Ты прав. Но ведь это то же самое, что судить о любой профессиональной группе, взяв за точку отсчета бракодела. А таковые, как известно, имеются не только в сфере услуг... Важно достойно отметить работу лучших. Их мастерство.

Н. СОБОЛЬ. У нас каждого лучшего работника в цехе видно. И по фотографии на доске почета, и по «молниям» с результатами соревнования, и по вымпелам, прикрепленным к станку: «Лучший токарь завода», «Лучший фрезеровщик Львова»... Как вы своих лучших представляете?

Я. САЛО. Практически никак. А польза от этого была бы несомненная. Ленту через плечо не наденешь, когда идешь обслуживать в зал. Но думаю, можно что-то придумать. Например, нашивку, аксельбант... Или даже специальную форму для победителей конкурсов. Гостю небезразлично будет узнать, что его обслуживает, скажем, лучший официант Львова или республики. Ну, а для ребят это, понятно, и моральное поощрение и дополнительная ответственность: покажи, что ты умеешь и как умеешь!

Н. СОБОЛЬ. Я, знаешь, о чем подумал? Ведь, строго говоря, каждая работа в широком смысле — сфера обслуживания. Вот моя, к примеру... Вся страна ездит на автобусах из Львова. Когда на завод приходят письма с благодарностью, приятно. Бывают, к сожалению, и другие письма. Качество — это для нас, как и для всех, вопрос вопросов. И мы заботимся о том, чтобы и на заводе и в городе знали наших лучших людей, на-

Николай СОБОЛЬ,
бригадир комсомольско-молодежной бригады автоматного-механического цеха Львовского автобусного завода, лауреат премии Ленинского комсомола, кавалер ордена Трудовой славы III степени, секретарь комсомольской организации цеха, депутат горсовета

Ярослав САЛО,
метротель, лауреат всесоюзных и республиканских конкурсов официантов, кавалер Знака ЦК ВЛКСМ «Мастер—золотые руки», секретарь комсомольской организации ресторана «Высокий замок» (гор. Львов)

НАСТРОЕНИЕ

ших передовиков, новаторов. Естественно, стараемся воспитывать чувство гордости за свою продукцию. У нас в заводском дворе стоит автобус с надписью на ветровом стекле «12 апреля 1961 года». Точно в таком автобусе, сделанном на нашем заводе, ехал к старту Юрий Гагарин... Львовские автобусы и сегодня доставляют космонавтов к стартовой площадке Байконура. Разве такое кого из ребят оставит равнодушным!

Я. САЛО. Превосходно, что мы поднимаем на щит знаменитого токаря и заслуженную ткачиху, что их имена известны и популярны. Но мне, честно говоря, очень хотелось бы, чтобы знали, уважали и ценили также и виртуоза-повара и мастера-официанта. И, поверь, это не вопрос «цехового» тщеславия...

Н. СОБОЛЬ. Ты упоминал о конкурсах профессионального мастерства. Они, как я знаю, регулярно проводятся и наверняка способствуют повышению престижности служб сервиса.

Я. САЛО. Верно, такие конкурсы очень полезное дело. Никогда не забуду, как я оформлял на всесоюзном конкурсе тематический стол, посвященный Дню рыбака. Скатерть я выбрал бледно-голубую—это тон грустный, и я оживил стол горячими «пятнами» салфеток, подсвечником, похожим на маяк, плетеной корзинкой с цветами... Результаты конкурса официантов жюри выводит по нескольким пунктам: внешний вид, составление меню, сервировка стола, техника обслуживания, теоретические знания. Я, когда вышел на обслуживание, очень беспокоился: своего черного костюма у меня не было тогда, а у того, который мне одолжил товарищ, рукава все время превращались в гармошку. Наволновался же я... К счастью, все обошлось... Для каждого участника любой конкурс—будь то районный, городской, республиканский или всесоюзный—и соревнование и учеба. Но скажи, что об этих конкурсах люди узнают? В лучшем случае прочтут короткую заметку в газете или увидят несколько кадров в информационной программе телевидения. А вот если бы, к примеру, появилась специальная телевизионная серия, в которой слово получил бы «человек из ресторана»—повар, официант, кондитер? Наверное, это мог бы

быть разговор и о вкусных блюдах, и о бюджете питания, и об оригинальной сервировке, и о культуре поведения за столом. Убежден, что такие передачи нашли бы широкую аудиторию и принесли немало пользы. Мне рассказывали, что телевидение ГДР в свое время предоставило экран «гроссмейстеру» рыбной кухни Рудольфу Кроботу. Прежде в республике, за исключением северных, приморских районов, за рыбу признавали только карпа да форель. И вот чудо-повар начал рассказывать и показывать, какие чудо-блюда можно готовить из никому прежде не известных сортов океанской рыбы. Статистика подтвердила: его передачи пользовались огромным успехом и помогли преодолеть консерватизм немецких хозяек... Мне кажется, лучший способ поднять общественный интерес к профессии сферы обслуживания, а стало быть, и качество работы в этой сфере—это вести прямой диалог мастеров сервиса с теми, кто является для них посетителями, гостями, покупателями и так далее. То есть практически со всеми группами населения.

Н. СОБОЛЬ. Диалог с использованием всех средств массовой информации...

Я. САЛО. И непосредственный, живой разговор—тоже. Я в свое время пришел в горком комсомола, предложил: давайте пойду в школы, буду рассказывать ребятам о своей профессии. Какое-то время мы это делали, и я с удовольствием вспоминаю, сколько было вопросов, как активно и заинтересованно ребята реагировали на мои рассказы. Но потом это дело как-то заглохло.

Н. СОБОЛЬ. А жаль, что заглохло. Я вот тебя слушаю и представляю себе заводское общежитие, в котором немало времени прожил. И кино там иной раз показывают и танцы организуют. Но как часто случаются пустые вечера, когда ребята не знают, как время убить. Не сомневаюсь, многие пришли бы послушать интересный разговор о традициях национальной кухни, о том, что нового появилось в сфере обслуживания города, о правилах поведения за столом... Найдутся, конечно, и такие, кто скажет: «А зачем мне все это? И сам разберусь, как вилку держать...»

Я. САЛО. Во многом, наверное, можно самому разобраться. И как стол праздничный сервировать, и какой галстук к

какому костюму подходит, и как красивый букет сложить. Но не стоит ли посоветоваться с профессионалом? Ведь воспитание вкуса—процесс нескончаемый. Жить мы стали богаче, требования выросли и будут расти. Слово «качество» произносится с большой буквы не только в индустрии. Недавно в Будапеште состоялся первый международный смотр специалистов общественного питания стран—членов Совета Экономической Взаимопомощи, и там весьма достойно выглядели повара из Ленинграда, официанты из Таллина, кондитеры из Вильнюса. Все они—победители всесоюзных конкурсов. И все, по авторитетному мнению экспертов, продемонстрировали высший класс изобретательности, вкуса, эlegantности в работе—всего того, что называется профессионализмом.

Н. СОБОЛЬ. Ленинград, Таллин, Вильнюс... Случайная география?

Я. САЛО. И да и нет. В советской делегации могли бы оказаться молодые мастера из любой республики, из многих крупных городов. Например, комсомол Таджикистана объявил шефство над сферой обслуживания и достиг уже немалых успехов. Но не секрет: три города, которым выпала честь представлять страну, имеют особые заслуги в организации «службы хорошего настроения», как часто называют сервис. Одна из примет возросшего уровня жизни—то, что люди стали больше ездить. Скажи, из какой поездки они не увозят впечатления, как их обслуживали? Сервис относится к самым запоминающимся «визитным карточкам» города. Я думаю, что гостям Ленинграда, Таллина, Вильнюса всегда есть за что поблагодарить хозяев.

Н. СОБОЛЬ. Когда сегодня говорят о нашем городе, то, как правило, вспоминают о комплексной системе управления качеством. Многие изделия львовских предприятий отмечены государственным Знаком. А как тебе, профессионалу сервиса, видится в этом смысле Львов?

Я. САЛО. Аттестация на Знак качества предусматривает в числе прочих такое обязательное условие: соответствовать уровню лучших отечественных и зарубежных образцов или превосходить их. И хотя Знак присуждается изделиям, а не службам, это условие

нам всем надо постоянно помнить. Равняться на лучшее, что накоплено мировым опытом, на самое современное и прогрессивное—это, мне кажется, в равной степени касается человека, занятого как в машиностроении или радиотехнике, так и в сфере обслуживания. Конечно, нам всем приятно, что Львов в стране пользуется репутацией одного из «правофланговых» хорошего качества. Но просто гордиться этим мало—надо спросить себя, а что ты лично, на своем месте для этой репутации сделал и делаешь. Наверное, те, кто во Львове побывал—я уж не говорю о горожанах,—вспомнят о приятном времени, проведенном в наших кафе «Под львом», «Ватра», «Вечерний Львов», «На рынке»... Кафе эти молодежными не называются, но в основном туда ходит молодежь. Заводские ребята, студенты. Пожалуй, чего нам во Львове не хватает, так это кафе, так сказать, «специализированных». Таких, где, скажем, могли бы встречаться рыбаки, книголюбы, филателисты, охотники, собаководы... Что-то вроде клубов по интересам. Или вот еще... Как-то на одной из наших центральных площадей снимали для фильма сценку, происходившую в начале века в Париже. Перекрыли движение, выставили на площади столы под зонтиками—и так это было живописно и уютно, что, право же, жалко стало, когда съемки закончились и все убрали. Гейне в свое время писал: «Когда богу скучно, он проделывает пальцем дырку в облаке и смотрит на парижские кафе»... Я думаю, что нам—во Львове и не только во Львове—стоило бы подумать о пешеходных зонах с уличными кафе. Это и город сделал бы более нарядным и приветливым и проблему «посадочных мест» легче было бы решить.

Н. СОБОЛЬ. По-моему, дельно говоришь. Надо узнать, что в горсовете по этому поводу мыслят, есть ли такие планы.

Я. САЛО. Я вот из чего исхожу... Чем интенсивнее, напряженнее человек работает, чем большей отдачей требует его труд, тем разнообразнее должны быть формы отдыха. Свободное время—его невозможно и не нужно регламентировать. Но подготовить и предложить варианты—это, вероятно, то, что требуется. И я убежден, что в этих вариантах обязательно найдут свое место час, проведенный за чашкой кофе с друзьями, или вечер в уютном, гостеприимном ресторане. Самый нелепый расход времени—очередь перед кафе или рестораном. Социологи не раз прикидывали, сколько миллионов человеко-часов теряется в таких очередях, но попробуй передать цифрами, во что обходится испорченное настроение! Наша обязанность, обязанность всех, в сервисе занятых,—помочь организовать свободное время как можно рациональнее, помочь избежать того, что человека удручает, что создает дополнительные перегрузки. Наверное, самое естественное состояние человека—когда он улыбается. И меня как коммуниста очень радует, что в документах XXV съезда я читаю слова о хорошем настроении советских людей. Обеспечить такое настроение—для этого мы работаем. Но самостоятельно, без внимания и поддержки общественности службы сервиса эту задачу не решат. И тут еще предстоит многое сделать. Очень много.

Н. СОБОЛЬ. Согласен. И прежде всего поскорее избавиться от взгляда на сферу обслуживания как на некую, что ли, «дань потребительскому духу». Чем активнее и конкретнее будет обсуждение проблем сервиса, его нужд и его «болячек», тем скорее сфера обслуживания станет, как это точно сказано, службой хорошего настроения. К удовольствию и на благо каждого. Каждого!

СВЕТ И ТЕНЬ ТОРГОВОГО ЗАЛА

Михаил ПОЛЯЧЕК

В одном городском универмаге на Вологодчине сошлись воедино отпуска: очередные и учебные, декретные и еще бог весть какие,—такое случается. Пришлось директору универмага самой встать за прилавок. Подошла старушка покупательница, остановилась, в раздумье оглядела шерстяные шарфы.

— Для кого шарф-то ищете, мамаша?

— Дак сыну. На лесоповале он, пишет, горло застудил.

— Тогда надо потеплее да длинный, обмотать горло-то. И немаркий, ему не красоваться там, в лесу.

Подобрали шарф какой надо. И недорогой.

— Ой, девка, ты меня как хорошо-то обслужила, дай-ко я тебе благодарность запишу в книгу.

— Спасибо, мамаша, не надо. Я не продавец, я директор магазина, за прилавком временно.

— Дак ты директор?! Ну-ко, давай книгу, жалобу стану писать.

— За что жалобу-то?

— А за то. Сама умеешь работать, дак почему свистушек своих не выучила так-то?

Покупатель всегда прав. И в данном случае тоже. Личность руководителя, стиль и нравственный климат коллектива проявляются в сфере услуг, пожалуй, заметнее, чем в любой другой отрасли народного хозяйства.

С услугами, с торговлей в первую очередь, сталкиваются все и постоянно: даже тот, кто сам сегодня

стоит за прилавком, завтра — покупатель. Здесь и больше всего противоречий, конфликтов, взаимных обид. Что ж, попробуем разобраться в происходящем спокойно, непредвзято и доброжелательно.

ПРОДАВЕЦ — РАБОЧАЯ ПРОФЕССИЯ

Во всяком случае, несколько лет назад это признали авторитетные люди — социологи. В самом деле, магазин все больше похож на своеобразный торговый цех. Даже такая совсем уж производственная функция, как фасовка товаров, отошла к торговле. Подъемники, транспортеры, холодильники и другое торгово-технологическое оборудование требуют от продавца определенных навыков не в меньшей степени, чем от рабочего — конвейер.

Потому нашла широкое распространение в торговле такая сторона жизни рабочих коллективов, как конкурсы на звание лучших по профессии. Притом специфика отрасли позволяет придать им необычные формы. В одном из магазинов Свердловского горпромторга организовали конкурс, призвав в жюри всех покупателей. У входа в магазин им вручали талон, на котором значилось: «Вручить лучшему продавцу». Почти 800 таких талонов только до обеда роздали покупатели продавцам этого комсомольско-молодежного магазина.

...Многострадальная, много ругаемая сфера услуг меняется, ее развитие стремительно опережает сложившееся о ней представление. Пора уже говорить о явлении новом — о производстве услуг, — своеобразном, специфическом, но именно производстве, которое требует грамотных, энергичных работников. И они уже приходят в торговлю. За годы прошедшей пятилетки только в систему Министерства торговли РСФСР принято 826 тысяч молодых людей, из них почти каждый четвертый — по комсомольской путевке.

Но, между прочим, намечалось-то направить в торговлю по путевкам комсомола вдвое больше молодежи. И каждый третий пришедший поспешил уволиться (из тех, кто пришел по направлению комитета комсомола, — каждый пятый). Так что есть все основания для беспокойства, ведь текущая кадров губительно сказывается на эффективности и качестве труда, а нередко — и на судьбе ушедших. Добро бы уходили только те, кто к торговой профессии вовсе не приспособлен. Но и таких немало, кому снятся потом по ночам торговые залы...

В Казани мы разговаривали об этом с молодым и энергичным директором универмага «Детский мир». Он увлеченно рассказывал, что магазин, сегодня старый и перегруженный, очень скоро переедет в другое здание, раскинет по городу свои филиалы.

Выйдя из директорского кабинета, я остановился у доски объявлений. На ней соседствовали два приказа. И если первый из них был посвящен соблюдению законодательства о труде женщины (так сказать, в общем и целом), то другой вполне конкретно объявлял (разумеется, в связи с производственной необходимостью и с согласия профсоюзного комитета) два подряд выходных дня рабочими.

Вовсе не хочу именно в данном случае поставить под сомнение производственную необходимость. И профсоюзный комитет учел, несомненно, многие обстоятельства, в числе которых и то, что заработок продавцов прямо зависит от выполнения плана. Но все-таки это значит, что у какой-то молоденькой продавщицы сорвется свидание, другая не поедет с друзьями за город, третья... И свою досаду, свое раздражение они сорвут непременно на нас, покупателей, на ком же еще? А четвертая подаст заявление об уходе, и не остановит ее ни тот радостный факт, что благодаря сдельной оплате труда заработок продавцов универмага возрос на столько-то процентов, ни прекрасные перспективы магазина. Уже недостаточно обеспечить этих сегодняшних модных девочек приличным заработком. Они требуют и условий и режима работы, отвечающих их жизненному уровню. У них есть свой круг потребностей и интересов, круг широкий, далеко выходящий за рамки первой необходимости, — как видим, здесь те же проблемы, что и у всей рабочей молодежи. Но вот специфических трудностей (их пытаются иногда именовать «объективными») в торговле больше чем достаточно.

— Трудная молодежь, — жаловалась мне жи-

лая заведующая магазином.— Все-то у них претензии, вопросы.

А вопросы они задают такие, что ответить на них непросто. Почему возникают переработки в конце месяца? Почему в первых числах на полках магазинов было пусто, в торговых залах безлюдно, хоть воздух пинай, а в последней пятнадцатке не знаешь, то ли принимать непрерывно поступающие товары, то ли обслуживать нахлынувших людей? Почему они, продавцы, должны перед лицом покупателей нести ответственность и за неритмичную работу поставщиков и за бессилие коммерческой службы?

Другая серия «почему»: с какой стати они, продавцы, должны разгружать машины или подметать пол в торговом зале? Ведь все это не входит в их обязанности, тому свидетель Кодекс законов о труде. Опять продавец расплачивается за чью-то нерадивость: тех, кто спроектировал неудобный магазин, не установил подъемники и транспортеры, не позаботился о них, продавцах, да и о нас, покупателях.

И, да простят меня работники отделов кадров, эти девчонки правы в своем недовольстве. Можно ли долго любить работу, приносящую неудобства и неприятности? Конечно, испытания закаляют любовь, но все хорошо в меру. К тому же испытания испытаниями рознь.

...Разговор закончился тем, что Лариса расплакалась. Одно дело, когда ругает начальство, совсем другое, когда все самое неприятное высказывают свои же девчонки. Тем более, что работу Лариса любит, даже в свободное время нет-нет да и забежит в магазин, поможет подарки комплектовать, на базу за товарами съездит. И жалоб на нее не было. Так что разговор завели девчонки сами, по собственной инициативе.

Поводом послужил вот какой инцидент. Пришел в секцию галантереи Псковского универмага, где работает Лариса, покупатель. Стоит у прилавка, электробритву рассматривает, ощупывает, чуть не на вкус и на запах пробует. Попросил покупателя показать другую бритву. И то ли он неловкое движение сделал, то ли нарочно так, но полетела коробка через прилавок.

Лариса бритву придержала, положила на место, а другой футляр с бритвой таким же резким движением послала покупателю. Он аж отшатнулся от неожиданности. А Лариса говорит:

— Неприятно? Мне тоже неприятно было...

Покупатель смешался и ушел.

Вот об этом и был разговор. Что сдержанность и вежливость — обязательные профессиональные качества продавца.

Отдадим должное требовательности молодых продавцов Псковского универмага. Зададимся вопросом: а на самом-то деле почему мы, покупатели, столь снисходительны к себе, к своему поведению в торговом зале? Да, нас обязаны обслужить, притом непременно вежливо и терпеливо, снисходя к нашим капризам и требованиям. Но не приносим ли мы сами порой в отношения между нами и продавцами такое пренебрежение к людям «услужившим»? Не сказанные нами «спасибо»; резкий тон, в обидной форме выраженная и неверно адресованная претензия (чем виноват продавец, если нет в продаже нужной нам вещи?) — все это накапливается, суммируется... И к концу дня прорывается раздражением, казалась бы, ничем конкретно не спровоцированным. Если покупатель нагрубил продавцу, кто и у кого потребует жалобную книгу?

Примите также к сведению, что магазин не космический корабль, людей для него специально не отбирают, психологическая тренировка в курсе подготовки продавца тоже отсутствует — между прочим, совершенно напрасно.

И все-таки большинство продавцов главное профессиональное испытание — общением — выдерживает. Но если бы оно было единственным!..

ИСПЫТАНИЕ НЕДОВЕРИЕМ

Наташа и Люда закончили Московский институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова и, получив специальность экономиста, приехали в... Назовем его просто Новый город на Волге. Им сказали:

— Вот, девчата, какие дела. Вы экономисты, а нам позарез нужны заведующие и заместители заведующих отделами в продовольственные магазины. Сами понимаете.

Наташа и Люда, действительно, сами понимали, что это в полном смысле слова Новый город. И, все понимая правильно, они согласились пойти на ту работу, которую им предложили. Очень скоро — года не прошло — им пришлось выплачивать по тысяче с лишним рублей недостачи, хотя никто и не заподозрил их в присвоении государственных средств. Просто таковы условия договора о материальной ответственности в торговле: допущенная недостача должна быть возмещена. Они возместили. И уволились. И зареклись: чтобы мы когда-нибудь пошли работать в торговлю!

К сожалению, не могу привести точную цифру, сколько молодых специалистов — выпускников торговых вузов, техникумов и училищ — ежегодно меняют профессию после подобных историй. Ведь очень часто недостача, поскольку она погашена, ни в каких отчетах не фигурирует, а в заявлениях об увольнении написано просто «по собственному желанию». Разумеется, далеко не всегда дело доходит до крупных недостач, но, согласитесь, вкладывать ежемесячно «всего лишь» десятку-другую из не слишком роскошной зарплаты тоже не сладко.

Откуда же берутся недостачи?

— Во многом, конечно, сами мы виноваты, — рассказывала мне одна из пострадавших. — Вот пример. Утро, самое напряженное время. Подает одному шлюпу, другому панаму, третьему очки, четвертый возвращает полотенце, пятый просит завернуть еще что-то и протягивает деньги, нужно отсчитать сдачу, а в это время шестому непременно нужно узнать, почему и так плохо загорела и куда собираюсь в отпуск. Голова кругом. И вот в такой обстановке мы сами работали нечетко. Поначалу стеснялись пересчитать деньги, вежливо попросить подождать, пока освободимся. Чрезмерно доверяли. Много суетились, отвлекались, позволяли себе посторонние разговоры. За это и пришлось расплачиваться.

Что ж, признаем мужество и самокритичность моей собеседницы. И переведем ее слова на язык, доступный каждому из нас, покупателей. Попросту: это мы с вами, пользуясь профессиональной незрелостью молодых продавцов, пользуясь их неопытностью и невнимательностью тоже, сунули в карман кто очки, кто платок, кто еще какую пустяковую безделушку. На общую сумму в данном конкретном случае семьсот с лишним рублей.

Нас с вами не поймали за руку. Девушки за нас расплатились.

Вы не испытываете, читатель, раздражения и чувства протеста? Лично вы ничего в карман не прятаете? Я, между прочим, тоже. Но признайтесь: приходилось вам говорить нечто вроде: «Уж эти продавцы, все они...» Ну, значит, и мы с вами так же точно ответственные за всех покупателей. Так вот, «уж эти покупатели»...

Часто и справедливо пишут о том, как недопустимы в магазинах самообслуживания второй контроль, обыски покупателей сумок. Виновных наказывают более или менее сурово. Во всяком случае, осуждают. Но кто знает о наказании или публичном осуждении покупателя, позарившегося на магазинный товар? Случай такие крайне редки. Жулик-продавец идет под суд, и об этом все знают. «Забывчивому» покупателю грозят пальчиком, хотя вред, им причиненный, несоизмерим со стоимостью неоплаченного носового платка или кулечка дешевых конфет.

Покупательская «забывчивость» приносит огромный моральный вред. Значительно больший, чем материальный. Она к тому же учтена; запланирована. Можно утверждать и то, что если в магазине порядок, то и покупатель там «незабывчив». Многие зависят здесь и от профессиональной выдумки продавца, — впрочем, об этом речь пойдет ниже. Чаще всего продавцам, особенно молодым и малоопытным, приходится расплачиваться за недобросовестность своих коллег, а то и руководителей. Практика подсказывает: если продавец вообще освобожден от материальной ответственности, если ее приняли на себя самые опытные — заведующие магазином и секциями, их заместители, — недостач вообще не бывает.

Именно так вот уже тридцать лет работает в магазине № 56 Центрального пиццеторга Воронежа Мария Григорьевна Кобзарева. Ответственность за товары здесь разделяют 5 из 48 сотрудников. И никто ни у кого над душой не стоит, даже когда идет приемка товаров. При мне в кабинет директора заглянул рабочий магазина.

— Мария Григорьевна, семнадцать ящиков приняла без двух бутылок.

Кобзарева пометила что-то у себя на листочках, подписала протянутую ей накладную, пояснила:

— Пиво привезли.

На этом все формальности по количественной приемке товара были закончены. Всем своим работникам директор безоговорочно доверяет.

А ведь сюда приходят на работу люди самые разные. Испытания на честность им никто не устраивает. Иной девчонке и соблазнительно покажется пару-тройку плиточек шоколада сунуть в кармашек, а то и позаимствовать рублей пять из кассы. Но в коллективе, особенно женском, тем более торговом, ничего не скроешь. Мария Григорьевна, однако, милицию вызывать не спешит, коллективных «проработок» не устраивает. Разговор по душам, считает она, может получиться только с глазу на глаз. И наглость поначалу, и слезы, и раскаяние видел крохотный директорский кабинет, но никого не изгнали отсюда с позором, никому и не предложили уйти «тихо». Не было случая, чтобы Марии Григорьевне пришлось пожалеть о такой своей терпеливой доброжелательности.

Что это, случайное стечение благоприятных обстоятельств?

Но вот во всех овощных магазинах Кемерово продавцов освободили от материальной ответственности. И недостачи и сопутствующую им текучесть кадров как отрезало. А в овощной торговле, кстати сказать, текучесть кадров наиболее высока.

Здесь пора сказать об одной тонкости. Форму материальной ответственности каждый коллектив избирает по собственному усмотрению. Но чаще всего перед продавцами никакого выбора не ставят, а просто предлагают им подписать заранее составленный договор о всеобщей ответственности.

...И все-таки самые честные люди работают в торговле. Не удивляйтесь непоследовательности автора. Рассудите здраво. За день через руки продавца, порой совсем еще юного, проходят огромные деньги, которых он и за несколько лет не заработает. К тому же вокруг него столько соблазнительных, дефицитных товаров — за всю жизнь не купишь. И так все просто: протяни руку — и возьми. Подающая большинство не только преодолевает этот великий иску, но как бы и не замечает его. Юная продавщица втолковывала мне, что деньги в кассе для нее не деньги вовсе, а лишь отчетные документы, которые она обязана сохранить и сдать.

К сожалению, обо всем этом знают мало, говорят и думают того меньше: неловко как-то, постыдная тема. Много раз приходилось мне разбираться в недостачах, возникших у молодых продавцов, и ни разу не слышал, чтобы заинтересовался этим вопросом комсомольский комитет. Райком и горком с удовольствием пришлют своего представителя на конкурс молодых продавцов и провести его помогут, и это нужно и правильно. А вот при разборе недостачи где-нибудь в торге представители райкома не бывают. И в судебных заседаниях, если доходит дело до суда, комсомольские работники, как правило, не участвуют.

Характерный пример. В Ялту каждое лето приезжают несколько десятков бойцов студенческих строительных отрядов и несколько тысяч практикантов из торгово-кулинарных училищ. У студентов — свой лагерь, свой штаб, им — внимание и забота горкома комсомола. Но очень мало заботит горком, как живут на частных квартирах, в каких коллективах и как работают сотни юных девушек, совсем девчонок, принимающих на свой отпущенный широкие плечи обслуживание отдыхающих.

Да не помыслил читатель, что практика учащихся торговых техникумов и училищ в курортной зоне имеет значение лишь для автора, избравшего местом командировки Крым. В системе Укркурортторга каждое лето работает около десяти тысяч практикантов. Без них отдыхающие оказались бы и голодными, и разутыми, и раздетыми. Так что о них самих тоже следовало бы подумать и беспокоиться.

ЧТО ДЕЛАТЬ С МАРИНОЙ?

Вот стоит она в торговом зале влоборота к окну, а в окне интересного нет ничего: крыши мокрые, антенны телевизионные, даже улицы не видно. Вокруг покупатель суетятся, друг друга по ходу дела сами консультируют, Марина на них — ноль внимания.

Ее спросят — повернется медленно, нехотя, не сразу поймет, о чем речь, ответит сквозь зубы, лишь бы отвязались.

Сдержим наше вполне естественное покупательское раздражение. Мы уже знаем, о чем задумалась Марина.

О том, например, что вот он, конец квартала. Нарастает напряжение. Снова хлынут в магазин товары, которых ждали два предыдущих месяца, придется все это разгружать, перетаскивать. Что скоро инвентаризация, и как бы не пришлось снова ползарплаты за здорово живешь выкладывать: поди разберись, то ли завсекцией обманула, то ли покупательли постарались... Что всю неделю — работа до вечера, и в воскресенье, уже предупредили, рабочий день. Так времени не выберешь укладку и маникюр перед праздниками сделать.

— Скажите, девушка, а у вас не найдется...

— Глаз нет, что ли? Сами смотрите...

Что с ней делать, с Мариной?

...Не могу себе простить, что так и не узнал подробностей. Только имя слышал мельком — Тания. Работала она (а возможно, и сейчас работает) в маленьком продовольственном магазине возле казанской гостиницы «Волна». Неказистый такой магазинчик в полуподвале жилого дома. Зашел пачку чая купить, встал в небольшую очередь. Вот тогда эту самую Танию и увидел. Она была не просто вежлива, но активно доброжелательна. Большинство покупателей, — видно, постоянных, живущих в окрестных домах — знала по имени-отчеству. С пожилой уставой женщиной поговорила по-татарски, другой напомнила, что надо мужу «Беломор» захватить, третьей отсоветовала брать какие-то консервы: «Они острые, а у вас ведь желудок...» И вдруг резко переменилась в лице и категорическим тоном, не допускающим возражений, отказалась продать подвыпившему парню бутылку вина. И снова — вежлива, доброжелательна, улыбочка.

А был конец рабочего дня. Утром, проходя мимо, я видел Танию снующей за прилавком, стало быть, весь день отработала. Однако усталость вроде бы никак на ней не отразилась.

Вот ведь какая любопытная деталь. Если продавец нам нагрубил, обслужил небрежно, мы его про себя отмечаем, стремимся узнать фамилию, как-то выразить свое недовольство. И краски найдем, чтобы живописать безобразную работу. А об отличном, внимательном, добром продавце и рассказать нечего. Не правда ли, именно так всегда и бывает? И так должно быть, потому что сердце, желудок и прочие наши внутренние органы мы начинаем чувствовать лишь тогда, когда они заболевают. А прежде — как будто и нет их вовсе, неощутимы.

Не потому ли, читатель, мы с вами можем составить длинейший список продавцов, которые нам не понравились, зато едва ли наскребем столько положительных примеров, чтоб занять все пальцы на руках? Да к тому же рассказы о продавцах «хороших» будут весьма однообразны: все хорошие продавцы похожи друг на друга, плохие — плохи каждый по-своему...

Их не подбирают специально, не готовят отдельно. Все зависит от условий, в которых приходится работать. В Вышнем Волочке два коллектива, называемых комсомольско-молодежными. И это лучшие торговые коллективы. Универмаг «Кострома», застрельщик многих хороших дел, известных не только в самой Костроме, но и торговым работникам всей страны, также носит звание комсомольско-молодежного. Не стоит продолжать этот список, но он достаточно велик. И если уж отвечать всерьез на вопрос, что делать с Мариной, ответ будет однозначным: создать ей условия для работы.

Такие, например, как в ордена Трудового Красного Знамени Винницком универмаге. Здесь продавцам не угрожают удержания из зарплат: материальная ответственность возложена на руководителей комплексов и секций. Конфликт в торговом зале там невозможен уже потому, что в любой момент продавец может (и обязан!) вызвать администратора. На каждом рабочем месте — специальная сигнализация, и премия администратору положена за то, чтобы продавец ни в коем случае не участвовал в конфликте, буде он все-таки возникнет.

Освобожденный от этих самых тягостных забот, продавец имеет возможность заниматься своим делом: быстро и вежливо помочь покупателю в выборе нужных товаров. За это он получает свою

зарплату — сдельно, за проданный товар, а не за то, что украшает собою торговый зал.

Но нет, украшение зала своим присутствием — тоже обязанность продавца. Перед началом рабочего дня продавец обязан посетить созданную при универмаге парикмахерскую, где ему бесплатно сделают прическу и маникюр. Ибо, считает директор универмага Михаил Михайлович Мальшенко, аккуратно причесанный, опрятно одетый продавец внушает покупателю большее уважение, чем неряха с облезлым маникюром.

И в поликлинике универмага врачи стоят не только на страже здоровья продавцов, но и настроения покупателей, потому что трудно потребовать вежливости и доброжелательности от человека, у которого болят зубы.

Есть при универмаге и кафе. Во время обеда здесь звучит музыка (подбирали по советам психологов), бесшумно движутся приветливые официанты (все мы друг друга обслуживаем). По вечерам, после рабочего дня, в этом же кафе — встречи с коллегами из других магазинов, с молодыми рабочими промышленных предприятий города.

— А как же, — говорит Михаил Михайлович, — надо помочь девушке устроить личную жизнь. Человек с неустроенной личной жизнью не может быть не только доброжелательным, но и вежливым.

Так что можно, не отрываясь от родного коллектива, познакомиться, полюбить и даже свадьбу сыграть. В этом случае универмаг и квартиру предоставит в одном из своих домов, а позже — и место в детских яслях.

Вот такой рай для продавцов организован в Виннице. Стоит ли удивляться, что здесь любое новшество принимают без робости, о жалобах понятия не имеют. И что особенно любопытно: здесь, в Винницком универмаге, люди охотно покупают те же товары, которые по соседству не пользуются спросом.

Но ведь всех продавцов не переведешь на работу в Винницу, Кострому или Вышний Волочек. Не переведешь даже новоиспеченных, только что вышедших из училищ. Сфера услуг призывает в свои ряды все больше выпускников средней школы. И, стало быть, ответственность за их судьбы тесно переплетается с заботой о развитии производства услуг. Ибо известно, что к товарам нужны еще и услуги, причем если товары можно завезти, с места на место перебросить, то услуги, увы, нетранспортабельны. Их не законсервируешь, не запасешь впрок. Решающий фактор здесь — люди. Вот почему строятся новые и новые торговые училища, разрабатываются для них новые программы. И все больше молодых людей избирают торговую профессию не по стечению обстоятельств, а по призванию. Ведь дети играют в продавцов ничуть не реже и не менее самозабвенно, чем во врачей, машинистов и даже космонавтов.

Но выбор профессии — только начало, и обучением все не кончается. Трагично, когда молодые люди, малоопытные и безусловно честные, попадают в коллектив не торговый, а торгашеский. Притча о паршивой овце имеет зловещий смысл: здоровьем никого не заразишь, болезнью — проще простого.

Не случайно среди лучших торговых коллективов страны оказываются в большинстве комсомольско-молодежные магазины. И может быть, пришлось создать при участии комсомольских комитетов учебно-производственные магазины нового типа, где продавцы — учащиеся ПТУ; заведующие отделами и секциями, их заместители, товароведы, директор — студенты или выпускники техникумов и вузов. Пусть рядом с ними будут опытные, квалифицированные наставники, которые чем ближе к выпуску, тем больше инициативы уступают своим питомцам. Закончен курс — и сложившийся, сработавший коллектив примет вновь открывшийся магазин или такой, где требуется полная смена состава.

Право же, это не прекраснорудное мечтательство, а насущная необходимость. Разумно ли, рационально ли растворять молодых специалистов в таких «коллективах», где моральный климат оказывается не слишком благоприятным, а накопленный профессиональный опыт требует пристального внимания ОБХСС?

Сфера услуг, торговля выходят в число ведущих отраслей народного хозяйства. Растут наши запросы, растет наша требовательность. И тем обостреннее мы реагируем на свет и тени в торговом зале.

Владислав ЯНЕЛИС
Фото Юрия УСТИНОВА
Специальные
корреспонденты
«Смены»

Очевидная истина: чем больше государственных предприятий бытового обслуживания берут на себя заботы о сохранении нашего времени, тем производительнее мы используем это время в интересах своего общества. Избавление от мелких забот дает людям возможность сосредоточивать свои жизненные силы на основном — работе, воспитании детей, собственном духовном обогащении.

Сегодняшний день объединений, именуемых в различных городах и областях по-разному: «Бюро бытовых услуг», «Зарей», «Восходом» или «Радугой» — это неустанный поиск новых форм обслуживания населения, стремление не просто облегчить нашу жизнь, но и украсить ее. Я бы сказал, усовершенствовать. Если несколько лет назад ваше районное «Бюро бытовых услуг» предлагало (и тогда это считалось за благо) ассортимент чисто домашней помощи — уборку квартиры, настройку пианино, мойку окон и так далее, то сегодня в арсенале передовых предприятий есть услуги, о которых мы не могли прежде и мечтать. «Бюро» за очень умеренную плату пришлет к вам домой специалиста-повара, может взять на себя заботу о музыкальном воспитании вашего ребенка, порекомендует фильм из кинорепертуара города, научит вас подстригать газоны на дачном участке, приобретет для вас билеты на концерт приезжей знаменитости и т. д.

Это, правда, не значит, что рекомендуемый фильм вам понравится, что билеты на концерт будут не на последний ряд, что вызванная по телефону няня удивит вас знанием теорий Спока. В любом новом деле, особенно в том, о котором мы говорим, есть немало проблем, и не считаться с ними невозможно. Но о проблемах чуть позже. А пока познакомимся с одним из старейших в РСФСР предприятий, взявших на себя частичную заботу о нашем времени и настроении.

Новосибирское многоотраслевое объединение «Радуга» существует второй десяток лет. Я не случайно называю его предприятием. «Радуга» имеет свой финансовый план, довольно сложную систему планирования, обязана бороться за расширение ассортимента «выпускаемой продукции» и ее качество. Что же это за продукция? Хорошее настроение и высвобождение личного времени тысяч заказчиков. Качество работы «Радуги» оценивает не отраслевое ОТК, а непосредственно потребитель, и понятно, любой брак тут же наносит и материальный и моральный ущерб предприятию. Ибо вы наверняка не рискнете обращаться в «Радугу», если ее работники накануне вместо 10 дырок на кухне просверлили 3 и то не там, где надо. Это значит, что предприятия типа «Радуги» могут процветать лишь при условии, если все виды предлагаемых ими услуг будут выполняться на высоком профессиональном уровне. Судя по тому, насколько быстро растет популярность «Радуги» у жителей Новосибирска и ее доход, можно с уверенностью сказать, что объединение преуспевает.

Для начала мы провели целый день в одном из представительств «Радуги».

В УДОБНОЕ ДЛЯ ВАС ВРЕМЯ...

Сюда, как в штаб воинского соединения, сходятся нити управления сложнейшим хозяйством фирмы, задается тон взаимоотношениям «Радуги» с заказчиками. Оказывается, для положительного решения всех проблем, возникающих даже в процессе телефонного разговора диспетчера «Радуги» и заказчиков, для первого недостаточно быть просто вежливым. Нужно обладать: а) силой убеждения, б) знанием человеческой психологии, в) эрудицией в самых разных отраслях, г) олимпийской выдержкой и еще очень многими качествами.

Как правило, в «Радугу» звонят и приходят по обыкновенным житейским делам. Скажем, кому-то требуется обить дверь. «Пожалуйста, назовите ваш адрес и удобное для вас время. Работа займет тридцать—сорок минут. Какой цвет обивки вы предпочитаете?»— вот примерный стандарт разговора диспетчера. Коротко, исчерпывающе, по-деловому. Весь диалог полторы—две минуты. Кстати, разговорные стандарты составлялись администрацией «Радуги» совместно со специалистами-психологами. Благодаря их со-

НА РАБОТУ.

ЕСЛИ У ЮНЫХ АВТОЛЮБИТЕЛЕЙ ЧТО-ТО НЕ ЛАДИТСЯ, СОТРУДНИК АТЕЛЬЕ ПРОКАТА ТУТ ЖЕ ПРИДЕТ ИМ НА ПОМОЩЬ.

БУДУЩАЯ СОТРУДНИЦА «ПРАЗДНИЧНОГО ЗАЛА» ОБЯЗАНА ВЛАДЕТЬ ИСКУССТВОМ СЕРВИРОВКИ СТОЛА.

СФЕРА УСЛУГ ТОЖЕ НУЖДАЕТСЯ В РЕКЛАМЕ...

там диспетчер, усвоивший нелегкую науку телефонного общения, может в максимально короткое время обменяться с клиентом необходимой информацией и угодить людям с самым придирчивым вкусом.

Общий стиль работы диспетчерской довольно точно, на мой взгляд, определяется таким примером. Заказчик просит обить ему дверь двойным слоем ваты. Диспетчер отвечает, что такой работы нет в прейскуранте фирмы (что соответствует действительности). Заказчик настаивает: у них на лестничной площадке все время бренчит гитара, и он не может отдохнуть после работы. Что ж, человека можно понять. Я с интересом слежу за разговором: как выйдет из положения Ася Павловна Гнетова? Она просит перезвонить ей через десять минут, связывается с заместителем директора «Радуги» Юрием Ефимовичем Шитиковым и объясняет ему ситуацию. Через десять минут она предлагает готовому негодовать заказчику вместо второго слоя ваты специальный звукопоглощающий материал.

Теперь о другом — о серьезности самих заказов, об этике, наконец, о курьезах. Я был свидетелем того, как некий «шутник» раз пять интересовался по телефону, какой нынче год и в каком городе он живет. И все пять раз он получал вежливый исчерпывающий ответ. Я спросил — нельзя ли этому шутнику «вправить мозги», пусть даже по телефону? «Нельзя», — ответили мне, — запрещено внутренними правилами «Радуги».

Кстати, правила этой чисто профессиональной этики, по поручению руководства «Радуги», выработывались в основном комсомольской организацией объединения во главе с ее бессменным секретарем Ольгой Стативой. Именно молодежи предложила при подведении итогов социалистического соревнования учитывать прежде всего такие факторы, как качество обслуживания заказчиков, вежливость в общении с ними. Комсомол «Радуги» был организатором соревнования на «лучшего по профессии», перенятого впоследствии молодежью большинства бытовых предприятий города. И уж если за ваш туалет берется победитель соревнования среди портных комсомолка Ольга Лалина, то будьте уверены — лучше нее вас не оденет никто в объединении.

О такой форме обслуживания, как организация и проведение «Радугой» разного рода торжеств, следует рассказать подробнее. К примеру, о свадьбах. Возьмем такой случай: приглашенных — сто человек, дома эту массу не разместить, в ресторан идти не хочется, потому что вас не устраивает его кухня и ограниченное время работы. Был директор «Радуги» Екатерина Антоновна Иванова уредила горисполком отдать фирме одно из помещений, предназначенных для кафе. Его назвали «Праздничным залом» и ввели в его штат должности высококвалифицированных портных, повара-консультанта, официантов, фотографа, швейцара, музыкантов, распорядителя.

Итак, портниха подгонит или сошьет платье и фату для невесты, повар-консультант поможет составить меню, приготовить основные блюда, украсить их. Благодаря его советам вы не купите на 100 человек 100 килограммов картофеля, ибо больше 40 все равно не съедят, и вообще не совершите ни одной крупной кулинарной ошибки. Официанты накроют столы, а затем вымоют посуду. Так что можете беззаботно поселиться до утра: и танцевальная площадка и кухня в вашем распоряжении с 10 до 10 утра следующего дня.

Признаюсь, для меня оставалась неясной роль распорядителя торжества. Но лишь до тех пор, пока я не увидел

Владимира Ахнина в работе. То, что он делал, не имело ничего общего с тем, что делает конферансье или массовик-затейник. Он не управлял, а направлял торжество, причем без всякого нажима, незаметно и деликатно. Что греха таить, не каждая свадьба бывает праздником имени молодых, нередко после нескольких тостов за их счастье и дежурного «горько» начинается обычное шумное застолье, в котором центром внимания становится какой-нибудь громкоголосый дядя. Так вот Ахнин здесь и для того, чтобы этого не случилось, чтобы свадьба запомнилась молодоженам на всю жизнь как самое красивое, яркое, величественное событие.

Не буду описывать весь ее ритуал, он достаточно обширен, причем над созданием его работали не только сотрудники «Радуги», но и местные журналисты. Здесь и преподношение хлеба-соли, и стихотворное поздравление молодых, и вручение памятных медалей, и бал... Правда, накануне Ахнин проводит с родственниками новобрачных специальную работу. Все его требования подчинены одной главной идее — царить на торжестве должны его виновники. И поэтому «Радуга» еще за много дней до свадьбы просит проследить за тем, чтобы никто из приглашенных не повторял молодоженов ни в стиле одежды, ни прическами; чтобы не злоупотребляли традиционным «горько», чтобы не опаздывали к торжеству.

Организация торжества далеко не единственная форма, так сказать, нетипичных услуг. Хотя нетипичны они, конечно, до поры до времени. Да и зачем ограничивать ассортимент добрых услуг врезанием замков, обивкой дверей или ремонтом квартир? Опыт «Радуги» показал, что от расширения ассортимента добрых дел выигрывают не только заказчики, но и государство. Заказчики — потому что «Радуга» освобождает их от множества неприятных хлопот, государство — потому что фирма дает немалый доход.

Возьмем, к примеру, лодочные стоянки. Те, кто знаком с проблемами маломерного флота, прекрасно понимают, сколько преимуществ сулит владельцам лодок оборудованная всем необходимым стоянка, да еще расположенная в черте города. До недавних пор новосибирцы лишь мечтали об этом. И не то, чтобы не было места на берегу Оби, просто не доходило до стоянок руки у городских органов. Иванова добила выделения фирме нескольких участков на берегу реки, договорилась со строителями, и через несколько месяцев была открыта первая платная стоянка. Доброе дело? Бесспорно. Тем более что стоянка очень быстро оправдала средства, затраченные фирмой на ее строительство.

Примерно то же случилось и с пригородной базой отдыха, построенной фирмой близ поселка Мачища. На первых порах у Ивановой было немало противников: почему за строительство должна браться «Радуга», а не другая организация? «А почему нет?» — возражала Иванова. — Разве решение проблемы отдыха для сотен жителей Новосибирска не та же, в сущности, добрая услуга для них, только в большем масштабе?», и «Радуга», чей годовой доход к тому времени уже перевалил миллион рублей, построила на свои средства сто шестьдесят летних домиков и несколько зимних корпусов, в которых сейчас отдыхают передовики труда городских предприятий и их семьи.

..Пожалуй, как-то непривычно: «Бюро добрых услуг» — и вдруг лодочные стоянки и базы отдыха. Но, с другой стороны, все это продиктовано спросом, тем самым, что рождает предложения. Так почему эти предложения не могли исходить от организации, чей прямой обя-

занностью является максимальное удовлетворение насущных требований людей? Именно поэтому при фирме «Радуга» организовывались специализированные детские прокатные пункты, где малыши могли выбрать любой вид транспорта; открывались музыкальные классы, где и дети и взрослые могли научиться играть на любых инструментах; появился переплетный цех, где тысячи людей «лечат» свои библиотеки.

Наверное, «Радуге» повезло. Родившись одной из первых в стране среди предприятий подобного рода, она почти сразу была возглавлена человеком, глубоко заинтересованным в порученном ему деле, имевшим огромный организаторский и партийный опыт. Ивановой удалось создать дружный, очень работоспособный коллектив, воспитать энтузиастов своей отрасли. Многие из них, такие, как секретарь парторганизации «Радуги» Татьяна Бакотина, комсомольский вожак Ольга Статива, юрист-консульт объединения Людмила Колоколова и другие, начав с работы в прокатных пунктах, выросли в высококвалифицированных специалистов, руководителей. Я не сторонник напрасного расходования эмоций и не согласен с теми, кто чуть ли не обожествляет людей, добросовестно отремонтировавших электробритву, в конце концов они профессионалы и получают за это зарплату, но без обостренного чувства доброты в «Радуге» долго не проработаешь. Это дело нужно любить, потому что даже самая высокая зарплата не возместит душевной теплоты, которую отдают домашние няни, работающие в «Радуге», чужому ребенку, нервы, которые тратит портниха праздничного зала на то, чтобы убедить невесту не делать открытого свадебного платья, если оно ей не идет. Нужно любить делать людям добро. И как-то уж так получается, что в «Радуге» человек либо приживается надолго, либо уходит почти сразу после первых же контактов с заказчиком. Это значит, что он не нашел в себе душевных сил изо дня в день отдавать щедро другим свое человеческое тепло.

Не так давно Новосибирский горком ВЛКСМ заслушал комсомольскую организацию «Радуги» по вопросам качества работы и организации соревнования среди молодежи. Полезный опыт, накопленный комсомольцами объединения, рекомендован другим бытовым предприятиям города; были намечены меры для дальнейшего привлечения в «Радугу» молодежи. Но вполне естественно, что только комсомольские органы не в состоянии решить всех накопившихся вопросов.

Проблемы, с которыми сталкивается развивающаяся отрасль бытовых услуг, можно разделить на общие, то есть внешние, и частные — внутренние. Что же это за общие проблемы? Прежде всего — ограниченность ассортимента услуг. Он не мал, но, увы, затрагивает преимущественно коммунальные стороны жизни. А ведь нам нужно не только это. В Новосибирске сделали попытку организовать музыкальные классы, попытку удачную. Так почему бы не отдать в ведение фирм бытовых услуг все репетиторство? Сейчас эта сфера совершенно неуправляема. Вам нужно дополнительно позаниматься математикой накануне вступительных экзаменов в институт, и вы ищете педагога по объявлению горсправки или еще как-то. Гарантии, что вам повезет и вы будете иметь дело с высококвалифицированным специалистом, нет, а плата за частные уроки немалая. Теперь представьте, насколько удобнее было бы позвонить в бюро услуг и, посоветовавшись с диспетчером, выбрать именно такого преподавателя, который вам нужен. О том, как это будет выглядеть

организационно в самой фирме, можно подумать.

Но разве нужда возникает только в репетиторстве! Почему бы не ввести в штатное расписание фирм должность дизайнера, специалиста, который бы помог вам профессиональным советом — как лучше, сообразуясь с вашим собственным вкусом, требованиями моды, промышленным ассортиментом мебели, наконец, рекомендациями психологов, обставить новую квартиру? Почему бы не ввести должности консультантов молодых матерей, специалистов по организации летнего отдыха, людей, к которым можно было бы запросто обратиться по любому житейскому вопросу, независимо от того, касается это мойки окон или художественного оформления квартиры. Важно то, что совет или практическая помощь специалиста избавит вас от непроизводительных мытарств, неоправданных денежных расходов, сохранит время.

Вероятно, то, о чем сейчас говорилось, когда-нибудь будет. Повторяю: отрасль добрых услуг молода, и ей предстоит развиваться и совершенствоваться. Однако в общих интересах — смелее и быстрее внедрять новые формы. А пока для того, чтобы расширить прейскурант услуг даже на один пункт, нужно соответствующее решение Министерства бытового обслуживания населения РСФСР, добиться которого не так просто.

Существуют в этом деле и внутренние проблемы, так или иначе влияющие на качество работы отрасли в целом. Главная — проблема подготовки кадров для предприятий бытовых услуг. Со специалистами высокой квалификации проще: портных, поваров, столяров, электромонтеров, официантов готовят учебные заведения. А вот как быть с нянями, диспетчерами, распорядителями, специалистами по ведению домашнего хозяйства? Конечно, всему этому можно научиться, попав под персональную опеку к опытному работнику. Но опять же научиться чему-то одному, например, обивке дверей или уходу за детьми, натирке полов или переплетному делу. А ведь насколько удобнее предприятию службы быта пополнять свои кадры дипломированными специалистами, чем принимать на работу людей случайных в надежде, что у них вдруг получится. И еще: в бюро услуг не очень охотно идет молодежь, потому что квалификация даже опытной няни с соответствующей записью в трудовой книжке не устраивает женщин по чисто моральным соображениям.

Как-то я разговаривал с одной из девушек, работающих в «Радуге». Имени ее называть не буду. Она была откровенна. Да, работа ее устраивает, несложная, даже веселая, неплохой зарплатой, но почему-то некоторые из тех, кого она обслуживает, — взвешивает на весах, — относятся к ней неуважительно. «Считают, что если я стою на улице рядом с весами, то со мной можно позволить любую вольность. А ведь моя работа так же необходима, как и любая другая, и ее кто-то выполнять должен!»

Да, должен. Кто-то должен помогать людям следить за своим весом, украшать наше жилье, делать радостными наши праздники. Так почему бы тем, кто взял на себя эту ответственность, после соответствующего обучения не выдавать, скажем, диплом «Специалист бытовых услуг» такого-то разряда? Во-первых, это повысит авторитет профессии; во-вторых, под руководством опытных преподавателей будущие мастера хорошего настроения овладели бы целым спектром так называемых бытовых специальностей. И третье, самое главное, — неизмеримо возрос бы приток молодежи в сферу, которой предстоит развиваться.

Михаил АКСЕНОВ

Памяти Владимира Комарова

С 1942 по 1945 год я учился вместе с космонавтом Владимиром Комаровым в 1-й Московской спецшколе ВВС, которая во время войны была эвакуирована в Тюменскую область.

Неба синь мы в петлицах носили
И солдатский ремень со звездой.
Вспомнил я наш поселок в Сибири,
Год тяжелый—год сорок второй.
Мы на карту России смотрели,
На цветные флажки у реки...
Бой на Волге!

Туда мы хотели,
Неокрепшие паренки.
Мы не ждали. Взрослели. Мужали.
И в сибирский трескучий мороз
Из вагонов дрова разгружали.
Пели песни.

До неба. До звезд!
— Третья рота, а ну-ка, шаг тверже!
Мы поем. И напев наш суров.
Ты поешь, как и все... Ну, а позже
Мы узнаем,
что ты—Комаров!

Быково

Гул несется от Быкова,
Где аэропорт.
И ко мне приходит снова
Сорок первый год.
Помню, снегопад был страшный
В сорок первом том.
И пошла вся школа наша
На аэродром.
Снег мы дружно разгребали.
Слышались слова:
«В том большом, вон в том ангаре,
Там стоит «Пе-2».
Может, не «Пе-2», кто знает,
Но не в этом суть...
Дом мальчишка покидает,
Неба чтоб глотнуть!
Было так всегда от века.
Помните: Икар!
А пока мы комья снега
Возим за ангар.

Потрогать высоту

Ручьи сошли сегодня—
Судачат день-денской.
А мне угодно, мне угодно—
По кочке, по другой—
Бежать за грязными ручьями
До самой до реки,
Где рыбаки сидят часами.
Удачи, рыбаки!
Иду проверить, как там утро!
Все разузнать, взять в толк.
Зиме осталось жить минуты—
Снег тяжело намок!
Весна ударила из пушек!
Весенний артобстрел.
Ей прошлогодний снег не нужен.
Нисколько! Надоел!
От снега лишь остались клочья.
А на сухом мосту
Стоит малец. И палкой хочет
Потрогать высоту!

Лев ОЗЕРОВ

Пришел я из лесу с лукошком,
полным строк.
Я не искал их, а нашел в траве их.
Качался лес, и весь он был на реях,
И весь он был и зорок и высок.
И весь дышал добром, и отвечал
На все мои вопросы тишиною.
И ветви, что шумели надо мною,
Мне были как надежда и причал.
И все, что насаждала мне листва,
Как будто дробно хлопая в ладошки,
Само собой сложилось в те слова,
Что я домой едва донес в лукошке.

Какая сегодня погода?
Ветер еще не притих?
В смене времен года—
Смена циклов моих.

Блестки на дне колодца,
Солнце в проеме ворот.
Скоро ли дождь прольется?
Скоро ли дождь пройдет?

Мох облепил колоду.
Журавли пролетели, трубя...
Вглядыванье в природу—
Познаванье себя.

Нет, не стремился я к покою,
Чтоб жить от жизни вдалеке.
Но эти ветлы над Окою,
Но эти облака в Оке...

Мне не хотелось в полудреме,
Все позабыв, витать в нигде.
Но этот парусник на Деме,
Но тот двойник его в воде...

И в мыслях не было ухода
От дела, что не терпит слов.
Но этот странный зов удода.
И отзыв издали на зов...

Мне незачем бежать от друга
И другу избегать меня.
Но это солнце среди луга,
Да в самой середине дня...

Вспоминя ваш горький час,
Добавляя, что был он отважен,
Кто теперь не пишет о вас,
Не клянется именем вашим?
А на Мойке метет метель,
Заворачивая на Невский,
Как отогнутая шинель,
Повторившая жест ваш резкий.
Кто теперь не встанет на снег
И под дуло того пистолета?
Возвращается прошлый век
Не покойником с того света,
Он виденьем входит в наш дом,
Словно Германн к старой графине.
Все чужое, как пыльный том,
Мелкий шрифт, и всё по-латыни.
Но одно в том виденье есть
Неподвластное исчезновению:
Осень, Болдино, творчество, честь.
Только это уже не виденье...

На опушенную снегом ольху
Тучный садится флегматик снегирь.
Шубка его на багряном меху
Так оживляет садовую ширь.

Зябка на стуже наохлился он.
Миг—и подсели к нему снегири,
Словно меж веток послышался звон—
Просыпались наземь осколки зари.

Из волжских записей

Столько Волги в себя вдохнул,
Столько воли в себя вобрал!
Ночью слышится водный гул,
В полдень видится блеск зеркал.

Ночью дыбом встают валы,
В полдень тихо плывут плоты.
Мне мои берега малы,
Я широкой хочу широты,
Я высокой хочу высоты.

Дорога, и лес, и поляна
Охотно встречают зарю.
Заречье. Гора Левитана.
Сейчас на нее я смотрю.

Домишки по ней, багровея,
Карабкаются едва,
И мягко пылают над нею
Червоная синева.

Как будто не десятилетия
Прошли с той далекой поры,
Как будто могу углядеть я
В распадке вот этой горы—

С этюдником тихо идет он,
И смотрит, и смотрит вокруг:
Помост, и откос, и болото,
В ромашках и лютиках луг.

Всем этим наполняя до края,
Всем этим душевно богат,
Он видит, что сам догорает,
А вовсе не этот закат.

Он видит, что сам он печален,
Что сам он захвачен тоской,
А вовсе не эти вот дали
И вовсе не этот покой.

За березами—бритвенная гладь
Волги срединного лета.
От счастья зажмуришься—благодать,—
Видя это,
Видя кипящие ветви берез,
Шелестящие клены.
То там, то тут каменистый взвоз,
Зеленые склоны.
Сюда пришел я, взвинчен, тосклив,
Стою, забыв о себе.
Волга внушила мне свой мотив,
Свою мысль о судьбе,
Свою молчаливую думу, свою
Уверенность в завтрашнем дне.
Забыв о себе, с нею пою
В вечерней тишине.

Рисунки Оксаны КРИВОНОГОВОЙ

Юрий АДРИАНОВ

Дождливый вечер

Не Ока сегодня, а Угрюм-река,—
Сыплет дождь,
И весь запал пропал
В беспокойном племени культурников—
Самых вдохновенных зазывал!
Значит, наступил для всех покой,
Музыка затихла над Окой.
И не надо, струнами звеня,
Развлекать назойливо меня.
Только вечер, запахи реки,
В комнате сиреневые тени...
А когда смолкают остряки—
Разум ощущает пробужденье.
— Здравствуй, мой приятель, брат и друг—
Неорганизованный досуг!
Дождиком исхлестанная тьма—
Отдых для спокойного ума.
...Капли вторят, вторят о своем:
«Мы вдвоем, вдвоем, вдвоем, вдвоем!»
И который год меня опять
Заставляют прошлое листать:
Две фигуры... Мокрые плащи...
И слова без грусти, без досады:
«Ты меня не надо, не миши,
Не миши, прошу тебя, не надо.
Не проси мой адрес у подруг,
Все, что было, предавай покою...»
Неорганизованный досуг:
Разговор с собою и судьбою.
В капельках дождя пришел мой друг—
Неорганизованный досуг.

Через двадцать лет, не налегке,
А мерцая первой сединою,
Я вернулся к медленной Оке,
К мирному полдневному покою.
Выскользнув из-под крыла Орла,
Града с геральдическим названием,
На ладонь ты ласково легла,
Прозвенея серебряным журчаньем.
Не узнала мальчика во мне,
Молвила: «Будь счастлив, человек!»
Если пред тобой простерта вечность,
Можно быть приветливой вдвойне!
Но плывут все те же берега,
Те же острова, леса и нивы.
Ты бессмертна, но наверняка
Я, Ока, богаче и счастливей.
Пусть я просто бранный человек,
Жизнь про те напоминает грустно,
Но за эти годы сотни рек
Увидал я, бранный человек,
Ты—лишь этот брег и это русло.

Матерь человечья

Как стебель ржи из черных недр земных,
Как луч рассвета из небесной сини,
Так из глубинных городков своих,
Из малых городков пошла Россия.

Рождала в них великих сыновей,
Что стали ее гордою судьбою...
Здесь нет больших парадных площадей,
А есть овраги с буйной бузиною.

Столицам славу не скупясь отдав
И требуя себе совсем немного,
Они напоминают женский нрав,
Нрав матерей, глядящих на дорогу.

Они стоят.
Их горбит тяжесть рук.
Их взор—высокий.
В нем застыла вечность...
На Север дальний, за Полярный круг
Все дети поразехались беспечно.
Но почему беспечно?
Подошла,
Нет, даже незаметно подбежала
Пора птенцов, почуявших крыла.
Зачем в гнезде ютиться обветшалом?

И серой пылью задымился тракт,
И над крестами крикнул ворон вещей...
Вот почему в глубинных городах
Я всматриваюсь в лица старых женщин:
Спокойный лик без всплеск суеты,
Святого ожидания бесконечность.
При русском слове «матерь человечья»
Я вижу их высокие черты!

КОСМОС, ДОМ №...

Евгений РЯБЧИКОВ
Фото космонавтов
Владимира АКСЕНОВА
и Валерия БЫКОВСКОГО

Почтовый адрес «Космос, дом №...» сегодня может показаться фантастическим, но со временем он станет вполне реальным и к нему привыкнут даже филателисты.

Прежде чем заглянуть в будущее, поинтересуемся историей и демографией. В XXI веке, по подсчетам ООН, население Земли достигнет 8 миллиардов человек. Естественно, всем этим миллиардам потребуется жилищная площадь. Но наша планета Земля, в сущности, совсем небольшое небесное тело. Его общая поверхность составляет всего 500 миллионов квадратных километров. Если взглянуть на нашу планету со стороны — из космоса, то бросится в глаза, что три четверти ее поверхности заняты морями и океанами. Так что земной шар вовсе и не земной, а водяной: планета Океан. Что же касается 149 миллионов квадратных километров суши, то оказывается, что земли, пригодной сейчас для жизни человека, совсем немного: на две пятых эта суша — пустыни, болота, вечная мерзлота тундр, обледенелые горные массивы.

Конечно, когда-то земли вполне хватало людям. Но это было очень давно. Проследим за динамикой заселения Земли. В историческом прошлом процесс этот протекал следующим образом: человечеству понадобился миллион лет для заселения 149 миллионов квадратных километров суши со средней плотностью 2 человека на квадратный километр. Потом картина резко изменилась: 1000 лет назад на Земле было уже 350 миллионов человек, 500 лет назад — 450 миллионов. С головокружительной быстротой развивается человечество: в 1950 году на земном шаре жили 2,5 миллиарда человек, а в 1970-м — 3,6 миллиарда, в 1975 году — почти 4 миллиарда человек. Демографы предсказывают: близится время, когда вся без исключения суша земного шара будет заселена с плотностью 6500—7000 человек на квадратный километр территории.

Уже сегодня со всей остротой возникает проблема жилплощади для человечества, обеспечения его чистым воздухом, водой, продуктами питания и, конечно, сырьем, энергетическими ресурсами. А где их взять?

Есть «теоретики», которые доказывают, будто спасение человечеству несут... войны! Дескать, они освободят планету от «лишних ртов». Каждый нормальный человек с презрением отвергает человеконенавистнические «теории» поборников войны.

Но есть ли возможность получить дополнительные территории, источники энергии, сырья и продуктов питания без войн и насилия?

Наша страна заняла ведущее место в решении этой «задачи задач» XX века. Позволю себе сослаться на некоторые свои личные наблюдения. Сравнительно недавно территория Арктики представлялась грандиозным «белым пятном», за гранями которого — все тайна. Так вот, более сорока лет назад мне довелось участвовать в необычайной по тем временам Арктической воздушной экспедиции летчика Виктора Гальщикова, во время которой мы пролетели около ста тысяч километров над Арктикой — над Таймыром, Ямалом, Чукоткой, и всюду я видел безлюдный край. Мне запомнилась заснеженная долина и поднявшаяся над ней темная гора Шмидта — в том месте мы совершили вынужденную посадку, а ныне именно там, охватив всю долину и завладев горами, раскинулся «чудо-город XX века» Норильск. В памяти осталась одинокая избушка на берегу Ледовитого океана с оборванной ураганом антенной и сорванной крышей. Ныне там сверкает огнями арктический порт Тикси.

КОСМОНАВТ ВЛАДИМИР АКСЕНОВ РАБОТАЕТ С МНОГОЗОНАЛЬНОЙ ФОТОАППАРАТУРОЙ, СОЗДАННОЙ СПЕЦИАЛИСТАМИ ГДР В СССР.

ВАЛЕРИЙ БЫКОВСКИЙ В СПУСКАЕМОМ АППАРАТЕ КОРАБЛЯ.

ТАКОМ ВИДЕТ НАШУ ПЛАНЕТУ КОСМОНАВТЫ

И еще помнится, как мы провожали отважных папанинцев на вершину планеты. Впервые в истории люди обосновались на Северном полюсе. В мировой печати было тогда немало высказываний о бесплодности исследований и тем более освоения Арктики — «страны льдов и смертельной ночи». Однако разработанные партией стратегия и тактика освоения Арктики принесли замечательные результаты. На месте «белых пятен» появились города, порты, промышленные предприятия. Наша страна получила дополнительные источники энергии, сырья и базы для жизни человека.

Теперь перенесем наш взор на другую сторону планеты — в Антарктиду. Ее открыли более 150 лет назад русские мореплаватели Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев, но затем на протяжении многих десятилетий Антарктида как бы вновь исчезла за ледяной дымкой Южного полярного круга. О ней говорили как о «земле белой смерти», ее страшились.

Но вот двадцать лет назад счастливая судьба привела меня и в Антарктиду. В неведомые края, окутанные дымкой легенд, отправилась тогда первая советская антарктическая экспедиция. Я видел, как наш корабль «Обь» пробивал себе путь сквозь «ледовое ожерелье» Антарктиды, принимал удары «черных бурь» и атаки айсбергов. Порой и мне казалось, что в адских условиях Антарктиды жизнь человека невыносима. Но шли дни, недели, и выяснилось: человек может все! Люди стали привыкать к суровым условиям шестого континента.

В наши дни только в советской зоне исследований Антарктиды возникли такие станции, как Пионерская, Молодежная, Восток, Оазис, Мирный, Лазаревская, Беллинсгаузен, Ленинградская, Дружная, причем станция Восток утверждена на полюсе холода нашей планеты. Сейчас приступила к работе 22-я советская экспедиция, в составе которой около 500 ученых, авиаторов, связистов, строителей, моряков.

По инициативе советских ученых Антарктида объявлена зоной мира. На ее территории запрещены оружие и применение силы при решении спорных вопросов. На этой основе происходит единение ученых разных стран. Теперь уже не кажутся далекими от жизни проекты добычи из-под ледяного панциря, толщиной в ряде мест до четырех километров угля, золота, никеля, вольфрама. Не вызывает возражения также идея превращения Антарктиды во всемирный холодильник, где на ледниках можно будет сохранять резервные запасы продовольствия человечества. Надо ли говорить, что подобное предложение могло родиться лишь в условиях мирной жизни и веры в длительное мирное сосуществование.

Обледенелый материк, некогда считавшийся недоступным и абсолютно непригодным для жизни, уже в наши дни включен «в номенклатуру» земель, подвластных человеку. Тысячи людей, живущих в обсерваториях и на станциях в Антарктиде, начинают заселение шестой части света.

На смену эпохе великих географических открытий пришла эпоха полного — до последнего километра! — освоения планеты. Но при этом мы не должны забывать, что все же наша планета водяная и перед людьми стоит задача огромной важности — осваивать Мировой океан.

В далеком прошлом жизнь вышла на сушу из океана, и вполне логично, что, став разумной, она устремляется в глубины вод морей и океанов. Советские люди первыми поставили на Каспии острова на стальных опорах — Нефтяные Камни и тем самым положили начало наступлению людей на море по его

поверхности. А сейчас люди обстраиваются и в водных глубинах. Подводная колония Жака-Ива Кусто, в которой исследователи длительное время жили с комфортом в подводных домах и вели научные исследования, не покидая морского дна, послужила доказательством реального создания подводных городов и подводных промышленных предприятий.

Окинув взором всю свою Землю и взяв на учет под застройку и эксплуатацию Арктику и Антарктиду, пустыни и тундры, проникнув до глубин подводного мира, человек устремился и в таинственное небо, в космос.

С космосом, как и с Арктикой и Антарктидой, связана моя писательская судьба. Все началось с того, что в 1933 году я, тогда молодой журналист, встретился в Калуге с Константином Эдуардовичем Циолковским. Старый, больной человек сидел в потертом кресле и перебирал сухими пальцами страницы раскрытой книги. А сам в задумчивости глядел куда-то в угол темной комнаты. Потом, словно очнувшись, Циолковский громко, как это делают глухие или полуглухие люди, заговорил со мной об авиационных событиях той поры. Иногда ученый приставлял к своему уху самодельный «слухач» — жестяной растроб, позволявший ему лучше слушать собеседника.

Для Циолковского важнейшей темой была судьба человечества. Земля — небольшое небесное тело, и она, как и человек, смертна и проходит через неизбежный цикл: молодость — зрелость — старость — смерть. Думая о возможных трагических ситуациях в жизни нашей планеты, Циолковский предлагал в своей «Программе космоса» отбуксировать силой ракет Землю поближе к угасающему светилу, а в случае крайней необходимости вывести ее в другую «Солнечную» систему. В «Программе космоса» есть и вариант создания искусственного Солнца. Все эти предложения основаны на безграничной вере в талантливость, силу и могущество человеческого разума. Убеденный в том, что Человек вечен и рожден для счастья, радости, творчества и торжества над породившей его природой, Циолковский видел реальную возможность бесконечного продолжения рода человеческого в его выходе в космос, в заселении околосолнечного пространства.

Моя встреча с К. Э. Циолковским проходила в то время, когда страна только расправляла крылья, за летчиками по улицам бегали толпы мальчишек, а тут вдруг — разговор о ракетах, «эфирных островах», на которых люди будут жить в космосе, создание искусственных поселений на астероидах, переселение людей на другие планеты... Все это, признаться, казалось мне тогда необузданной фантастикой. Но мысли о «чудах» гения пошатнулись, когда я увидел запуски первых жидкостных ракет под Нахабином и в подвале дома № 19 по Садово-Спасской улице Москвы познакомился с энтузиастами ГИРДА — Группы изучения реактивного движения. Так началось вхождение в космическую тему. После Великой Отечественной войны я опубликовал серию очерков и репортажей «Железный спутник», в которых рассказывалось о будущем искусственном спутнике Земли. Очерки были перепечатаны зарубежными газетами и журналами, причем с сакраментальными примечаниями — что, дескать, все это означает: необузданную фантазию московского литератора или, что казалось тогда невероятным, рассказ о реальных советских планах?

Работа над фильмами и книгами о полетах советских космонавтов вызвала во мне твердую убежденность в том, что человек, конечно, будет жить и трудиться в космическом пространстве.

Я наблюдал, как менялись космические корабли — на смену «Востоку» и «Восходу» появился «Союз», затем увидел на ступенях космической верфи первую в мире орбитальную станцию «Салют». Это был настоящий «звездный дом»! Но я не «охнул», а неожиданно для моих спутников рассмеялся: смеялся над самим собой. Дело в том, что, когда я был в гостях у Константина Эдуардовича Циолковского и слушал его рассказ об «эфирных островах» — то есть об орбитальных станциях, — то не только не поверил в мечту гения, но счел думу его о жизни людей вне Земли сущим абсурдом. Как же я посмеялся над самим собой, когда увидел уже не спутники и не космический корабль, а первый жилой дом на орбите!

Советские ученые, конструкторы, архитекторы создали первую в истории внеземную станцию — «звездный дом». Так началось изменение миссии Человека во Вселенной: раньше он был лишь наблюдателем движения небесных тел, теперь учится создавать их. Здесь его подстерегает множество трудностей. Если задача земной архитектуры — создавать искусственную пространственную среду для жизни и деятельности человека, для материальной организации пространства, то в космосе все иное — там нет ни верха, ни низа, нет силы притяжения, не нужны ни котлованы, ни фундаменты, ни водостоки, ни лифты, нет необходимости в мощных перекрытиях и лестницах — короче говоря, все иное.

Отсутствие силы тяжести и атмосферы, глубочайший вакуум и вечный холод создают принципиально новые условия для космической архитектуры. Замечательный архитектор Ле Корбюзье писал: «Дом — машина для жилья». Это определение особенно точно для «звездного дома» — в этой «машине для жилья» необходимо оградить человека от смертельно опасного вакуума, излучений, создать условия для преодоления коварного воздействия невесомости и при этом обеспечить жильцов чистым воздухом, водой и продуктами питания.

Миллионы людей видели на экранах своих телевизоров, как жили и трудились в течение 23 дней на станции «Салют-1» Г. Добровольский, В. Волков и В. Пацаев. Беспилотная станция «Салют-2» показала свои высокие качества, и снова на орбите появились космонавты. На борту «Салюта-3» жили и работали П. Попович и Ю. Артюхин.

Один факт — только факт, лишь сумма фактов становится основой для научных выводов и конструктивных решений. В полет направлялась станция «Салют-4». В этом «звездном доме» сначала жили в течение месяца А. Губарев и Г. Гречко, затем им на смену прилетел второй экипаж. П. Климук и В. Севастьянов провели на станции два месяца. Знаменательно, что в то время, когда в полете находилась станция «Салют-4» и на ней работали П. Климук и В. Севастьянов, была создана в результате стыковки советского корабля «Союз» и американского «Аполлон» первая международная орбитальная станция с международным экипажем.

Наконец, на орбите появилась станция «Салют» с номером 5. В ней жили и работали сначала Б. Воинов и В. Жолотов, затем В. Горбатко и Ю. Глазков. Пять советских орбитальных станций, международная станция «Союз» — «Аполлон» и плюс к этому большой опыт американских астронавтов, работавших на станции «Скайлэб», образовали надежную базу для оптимистических научных выводов о комплексном использовании космоса в интересах человечества. Начальник Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина дважды Герой Советского Союза Г. Т. Береговой сказал по этому поводу: «Чудес вне сказок и легенд, как изве-

стно, не бывает, и если уж человек научился покорять космос, он уже «не разучится» это делать, пока не освоит всей Вселенной».

Быстрые и масштабные успехи в исследовании и освоении космоса породили на Западе различные фирмы и конторы, занявшиеся скоропалительными проектами космических городов. Американский ученый, профессор Джерард К. О'Нейл предложил проект космической колонии на тысячу жителей, утверждая, что сооружение «звездных домов» могло бы быть начато не позднее чем через 7—10 лет и закончено через 15—20 лет. По мысли ученого, жители подобных колоний будут иметь в своем распоряжении комфортабельные дома, кинотеатры, сады, магазины, школы и спортивные сооружения. Проект О'Нейла вызвал серьезные возражения, главным образом связанные с тем, что, пока не будут найдены надежные и простые средства преодоления невесомости, не может быть и речи о создании космических городов. Однако, несмотря на авторитетные возражения, появился другой проект космического города на 10 тысяч жителей. Это означает, что сама логика жизни уже сейчас требует заблаговременного расчета поселений для людей вне Земли, тем более что орбитальные станции уже прекрасно зарекомендовали себя в качестве форпостов науки и опорных баз техники.

Еще недавно парадоксально звучали слова академика М. А. Садовского о том, что пути проникновения в глубины Земли так трудны, что более легким может оказаться способ получения сведений о ее строении из космоса. Ныне наблюдения и съемки со станций открыли новую эпоху в геологии. Они позволяют обнаруживать структуры, перспективные для поисков полезных ископаемых. Оказалось, что сквозь чехлы рыхлых отложений в разломах проглядываются строения более глубоких горизонтов земной коры. С появлением орбитальных станций неограниченную помощь получили метеорологи и картографы, гляциологи и океанологи. Космонавты, находясь на борту станции, помогают также работникам сельского хозяйства и строителям, таксаторам лесов и рыболовцам флотилиям. Космос уже надежно служит народному хозяйству.

Что же касается науки, то тут достаточно одного примера: станции, став внеземными обсерваториями, совершили подлинную революцию в астрономии. В бескрайних просторах Вселенной извечно происходили и происходят невероятные события — рождаются и умирают звезды, разбегаются галактики, раздаются чудовищные взрывы, сопровождаемые ярчайшими вспышками, но их свет всегда утопал в густой атмосфере Земли. Астрономы ничего толком не знали о грандиозных событиях во Вселенной. Но все изменилось с выносом астрономических инструментов за пределы земной атмосферы. Теперь ученые получили возможность проводить исследования в полном спектре электромагнитного излучения.

Проведенные на станциях технические эксперименты приоткрыли завесу над будущим космической промышленности. В невесомости не сказывается разница в удельных весах различных веществ, и если на Земле жидкий алюминий и твердый вольфрам обязательно разделяются, то в невесомости этого не происходит. Капля расплавленного металла весит в космосе столько же, сколько и... газовый пузырь. Если перемельчить жидкий металл и газ и эту смесь охладить, то получится необычайный материал: пористая губчатая сталь! «Вспененная сталь» очень легка — она может плавать в воде, сохраняя при этом прочность стали. Подобные композиционные материалы с определенным образом сформированной структурой

могут обладать уникальными электрическими, акустическими и другими свойствами, недоступными в земных условиях. Ультравысокий вакуум и невесомость предоставляют необычайные возможности для создания металлических и полупроводниковых материалов, необходимых электронной, электротехнической промышленности и приборостроению. В невесомости будут образовываться необыкновенные по величине кристаллы полупроводниковых материалов и идеальные шарики из расплавленных металлов для любого вида подшипников. Невесомость и вакуум позволят получать идеальной формы сферы и сплавы с уникальными свойствами. При помощи электрических полей можно придавать расплавленному металлу практически любую форму. Естественно, в космосе будут созданы огромные энергетические установки, которые смогут трансформировать солнечную энергию в высокочастотное излучение и передавать его на Землю, где оно будет преобразовано в реки обычной электрической энергии.

Вынос опасных и вредных для окружающей среды промышленных предприятий за пределы земного шара очистит биосферу, улучшит условия жизни человечества.

Подобно тому, как люди подчиняют себе Арктику и Антарктиду, пустыни, джунгли и тайгу, как вторгаются в подводные глубины морей и океанов, так осваивают они и космическое пространство. Во многом волю людей будут выполнять автоматы. Но с годами люди все увереннее станут выходить в космос и жить в нем. Этот процесс неизбежный и неотвратимый, он подготовлен всей историей развития науки, техники и культуры. Он вызван материальными потребностями производства, внутренней логикой развития естествознания и техники. Не следует забывать, что под гром и грохот стартующих кораблей космос стал для всех нас реальностью, властно вторгшейся в нашу жизнь, он изменил не только наш способ видеть, ощущать, слышать, но и нас самих. У миллионов людей пробудился широкий интерес к науке, технике, точным знаниям. Увидев с помощью кино и телевидения нашу землю из космоса, люди задумываются над тем, как лучше сохранять ее природу, не захламлять леса и моря, не загрязнять реки. Думы о космосе и месте нашей планеты во Вселенной делают людей чище, возвышеннее, убеждают их в необходимости жить в мире, достигая мирного сосуществования государств с разными социальными системами. И очень важно, что принято решение объявить космос, как и Антарктиду, зоной мира.

А что же с почтовым адресом «Космос, дом №...»? Станция «Салют-5» и сейчас продолжает свой полет над земным шаром. А это не только лаборатория, но и настоящий дом на орбите. Значит, космострой начался. Важны первые дома, а там уже пойдут проспекты и улицы. Когда они появятся? Возможно, через 10—20 лет, но при столь бурном развитии науки и техники, которым характеризуется наше время, сроки могут резко измениться. Не будем забывать, что после запуска первого в мире искусственного спутника Земли не прошло и 20 лет, а в космосе уже побывало две тысячи спутников, люди ходили по Луне, их летательные аппараты обследовали Венеру и Марс. Между тем темпы исследований ускоряются. И тут молодым талантам открывается широчайшее поле деятельности.

Однажды после затянувшейся беседы академик Сергей Павлович Королев, хитро улыбувшись, с нарочито заговорщицким видом сказал мне:

— А жить в космосе будем. Обязательно будем.

Будем!

СИГИРИЯ

РАСКАЗ

ети спали.

Васенька, подобрав колени к груди,—калачом, Индра, раскинув руки и ноги,—по-богатырски, даже похрапывала.

— Уголечек ты мой!—Анна наклонилась над съемом и ладонью коснулась лба, темного, покато, блестящего, как голыш: тронула черное плечико, вынырнувшее из-под простыни, тронула розовую пятку.

— Индрушка, доченька!

И тоже прикоснулась к белому, не только природой, но даже солнцем не тронутому лбу, к белому плечу и к розовой пятке.

Дверь, в детской скрипнула, из-за нее глянуло желтое круглое лицо няни. Анна приложила палец к губам, няня закивала, заулыбалась, удивляя белыми, как молоко, росшими как попало зубами.

Анна отступила от двери, поглядела издали на детишек, вздохнула и пошла через весь большой свой дом к выходу в сад.

В саду ее поджидали обезьяна Чичи и бурундук Ванька. Чичи тотчас протянула ручку и получила утреннюю конфету. Бурундук ничего не получил. Он подкачек не брал и любил хозяйку совершенно бескорыстно.

Зеленым, низко подстриженным газоном Анна прошла к гаражу, села в свою прекрасную «Сонию», слуга тотчас отворил ворота, и она поехала.

*Помню, помню нежный
Безмятежный лен.
Да далеко где-то
Зацветает он.*

Вспомнились вдруг чьи-то стихи, шевельнулись в душе. «Чьи? Господи, чьи?»—мучилась до самого аэропорта Анна.

На стойке она опустила стекло, сняла голубоватые марсианские очки и затаилась.

Тропическое солнце ударило в глаза, влажный жар рванулся в кабину, взламывая искусственную атмосферу кондиционера.

Бог с ним, с цветом лица, бог с ними, с морщинками, которые брызжут солнышком от уголков прищуренных глаз. Из аэропорта выходили ошеломленные жаром, пальмами и одним только сознанием, что это остров Цейлон, они. На руках—пальто, на головах— меховые шапки, женщины и мужчины, щеголеватые и неряшливые, но все-таки похожие, одинаково неловкие. И у каждого на лице глуповатая улыбка. Теснились, озирались, посмеивались сами над собой и друг над другом: надо же такому приключиться—остров Цейлон, Шри Ланка!

Спихавшись—здешние почти все босиком,—стаскивали шапки, расстегивали пиджаки, отирали ладонями пот. Это, конечно, мужчины. Женщины терпеливей. Немножко поудивлялись, и теперь каждая занята собой: вписывается ли в пейзаж?

Появился тоненький гид-сингалец, показал автобус. Они повалили гурьбой, штурмуя двери, как дома, на бойкой остановке где-нибудь в центре Москвы.

Самолет приходил раз в неделю, и у Анны вошло в привычку приезжать к аэропорту—глядеть на русских. Издали, не выходя из прекрасной «Сони».

Анна жила на острове десять лет. За все эти годы она ни разу не была на Родине. Имела право на посещение, у нее были деньги, но она боялась себя...

Русские поехали, и Анна тоже. Она мысленно пересаживала себя в их автобус и старалась глядеть их глазами.

Пальмы! На пальмах— кокосовые орехи! Вот бы один орешек привезти домой! Дорогие они здесь? О, нет! Цена ничтожная: рупия за орех, но таможенники отберут. Всякую зелень, цветы вывозить запрещено. Не перенести бы тропических вредителей на восприимчивый Север. Но хоть отведать—то можно? Сколько угодно. Еще и надоеет.

Анна поморщилась. Ей молоко кокосовых орехов не нравилось, даже со льдом.

Гид—этаким живчиком—воплощенная радость. Еще бы, получил работу, да не какую-нибудь, с иностранцами. Его рассказ вдохновенен.

Пальмы плодоносят каждые двадцать дней. Каждая дает до сорока орехов. Из цветов пальмы делают пальмовое вино—брр, оделоко. Пальма идет на строительство хижины, на листьях пальмы написаны древние книги Шри Ланки. Пальма—это одежда... Пальма, пальма, пальма!!!

Анна вздрагивает, в детстве у нее сабака была Пальма. Анна, которую звали Анютой, а по злобе и Нюшкой, запрягала свою Пальму в санки... А ведь теперь декабрь, самое время...

Анна прислушивается к сердцу. Сердце стало пошаливать. На Цейлоне и в декабре 36 градусов, как и в июле. Цейлон—земной рай.

Господи, забылась! Надо же глянуть на дорогу девственными глазами туристов.

Итак, мы видим католический храм. Вот и богородица к вашим услугам. На острове религий много, но уживаются. Из-за богов теперь не режут, эти

времена миновали. Все помыслы о хлебе насущном, хотя, с другой стороны, на Шри Ланке очень высокий процент людей с высшим образованием. А работы мало. Ох, эта экономика, экономические трудности! Отвоевать метр земли у джунглей стоит пять-шесть тысяч рупий. Бриллиантовая земля.

Ну вот, а это Коломбо.

Сколько людей! Безумство лавочек. Дешевый блеск. Кто же покупает всю эту мишуру? Вот они—представители торгового капитала. Босые, в измученной от стирок одежде.

Ох! Спят на тротуаре. Дети, мать.

А полицейские—здоровые ребята.

Отель «Ренука». Приехали.

— Океан далеко?

— Потом, потом... Океан в ста метрах. Сейчас завтрак. Обед в час. Часы переведите на два с половиной часа вперед... Сегодня у вас свободный день. Завтра поездка по стране, потом вернетесь и будет знакомство с Коломбо.

Гид, коверкая ударения, говорит быстро, радостно.

Русские выходят из автобуса медленно. Жарко. Влажно. У них была бессонная ночь. Садилась в Тегеране, Карачи. Кто в детстве любил географию, тот не уснет. О, эта любовь к географии!.. Не она ли завела Анну в сказочные края?

Русские вошли в холл отеля; удивлены. В холле—микроклимат, микромир. Комфорт, прохлада. Слуги чуть ли не во фраках. Таким ли чемоданы таскать? Русские отмахиваются, пытаются нести сами. В России слуг не держат. Для советских слуги—явление униженное. Этого до сих пор не могут понять ни на Западе, ни тем более на Востоке.

Анна тоже все еще не может примириться с обязанностью иметь слуг.

Представила себя в Москве, на Курском вокзале, беспомощно окруженной чемоданами и коробками... Рассмеялась.

О, какие проворные!

Трое русских—двое совсем молодые, в рубашечках нараспашку—вынырнули из отеля и тихой улочкой ринулись к океану.

Анна наконец вышла из машины, прошла в отель, спустилась в ресторан. Стол для русских накрывали возле оркестра. Анна села поблизости, чтобы видеть и слышать.

Они скоро пришли.

Умытые, бритые, надушенные. Все успели. Даже проголодались. Кто-то сказал:

— Интересно, подают ли в тропиках к обеду хлеб?

С другого конца стола ответили:

— Конечно, подают! В тропиках полно хлебных деревьев.

— Мы будем есть деревянный хлеб?—заволновалась женщина в розовом.

Все засмеялись. И принялись за салат.

— Ничего? Съедобно!

— А супы протертые! И сюда Европа добралась.

— Братцы, это же самый натуральный бифштекс! И чай с молоком. Английская кухня... А хотелось что-нибудь местного.

— Купи бетеля и пожуй.

— Смотрите не покупайте! Я уже купила, попробовала—живот так и сводит.

— А ведь вчера только было тридцать градусов ниже нуля—дома-то!

— Перепад температур в 65 градусов.

— Вы знаете, у меня стучит сердце. Я уже приняла валидол.

— Завтра мы увидим джунгли! Выезжаем в десять?

— В семь! Едем в Сигирию—и моя мечта сбудется.

— Вы охотник до красавиц из потустороннего мира?

— До сигирийских охотник!

Боже мой, как сжималось сердце у Анны! От обычной застольной трепотни. Она не понимала, почему бы ей не подойти к этим милым людям, почему бы не поговорить, почему бы всех их не пригласить к себе?... У нее кружилась голова от того, как эти люди улыбаются, как брали ножи и вилки, как ели суп. От того, что они—чужие и далекие друг другу, собирались в поездку, небось, со всех концов Союза,—были теперь как одна семья.

«Поеду с ними!»—сразу решила Анна.—До Сигирии хотя бы...»

Ей снились березы. Будто идет она влажной ложбиной. Купыры дуют! Вода в копытцах ржавая, но кашки медом истекают, пчелы гудят, колокольчики холодными головками к ногам босым льнут, и бело, бело от берез. Белый свет оттого и бел, что березы. Кинулась Анна из ложбинки, чтоб прижаться щекою к стволу, а березы и разбежались. Сыниска ее, Васенька, на пальму, как бельчонок, бегом-бегом и орех кокосовый подает. Муж орех взял, верхушку отрезал, кусочек льда в кокосовое молоко положил: «Пей!» Прильнула и чует—не утолить жажды. Не утолить?

Проснулась.

«Что это делается со мной?»

К детям побежала, в спальню.

«Детей в последние дни только спящими и вижу. И завтра опять — в Сигирию».

— Нет, поеду! — сказала она себе. — Обязательно.

Сердце — вещун. Анна знала: что-то должно произойти с нею, боль должна разрешиться, может быть, новой болью.

Поехала. Прячась за машинами, поехала за автобусом русских.

Сигирия — потерявшаяся столица Шри Ланки. Английский майор Фербе отыскал ее в 1831 году, через полторы тысячи лет после внезапного восхода и столь же внезапного заката.

Сигирия — львиная скала, скала царей и царской беды. И на тихой Шри Ланке, где человек человеку улыбается, где просят, а не отнимают, любили власть и ради власти готовы были на любое злодеяние. Имя такому злодеянию — Кассапа. Ради короны Кассапа замуравал отца, но ему пришлось покинуть старую столицу, чтобы не смотреть в глаза подданных.

Сигирия, подобно кулаку бойца, занесена над ласковой зелено-голубой долиной. Кассапа укрылся на горе. Построил здесь дворец и с высоты взирал на сады и пруды, на копошившуюся в ногах жизнь.

Уж не самим ли богом почитал себя владыка Сигирии? А чтоб не сомневались, скала, подпирающая дворец, была покрыта росписью. Прекрасные женщины — чем выше, тем прекрасней — показывали недоступную смертному дорогу вверх.

Ради этих красавиц, которым тоже полторы тысячи лет, и ехали в Сигирию со всей земли. Уцелели только те, которые были на самом верху, под козырьком скалы. Все остальные исчезли, как исчезло время Кассапы и его столицы. Он погиб, сражаясь с братом. Повел войска в атаку, но слон его споткнулся и повернул обратно. Все войско, ненавидевшее своего черного правителя, кинулось бежать. В отчаянии Кассапа схватил кинжалом собственное горло.

Не все гиды рассказывают это. Далеко не все. Сами не знают, а если и знают, то, любя свою ласковую Шри Ланку, не хотят омрачать настроение приехавшим за красотой еще одной страстью.

Туристов после дальней дороги не повели сразу к скале, а благообразно накормили в дорожном ресторане. Перед обедом любители экзотики кинулись в лавчонки. Вертели деревянные маски ракшас, эбонитовых слонов. Появились укротители змей. Открыли две корзины, выпустили полтора метра полосатых кобр. Заиграли на своих пузатеньких дудочках. Змеи стали танцевать, раздули глазастые свои щечки. После представления нашлись охотники купить «волшебную флейту». Купившие, хоть люди немолодые, тотчас попробовали поиграть. А кто-то даже попытался уговорить укротителя дать ему подрессировать змею. Женщины из группы разволновались, подхватили охотника острых ощущений под руки и увели в ресторан.

Анна не стала обедать. Пошла на Сигирию, потому что русских тоже привезут туда после обеда.

Она привела свою «Соно» под гору на стоянку, вышла из машины, прошла мимо масок и заклинателей змей, все время чувствуя на себе вежливые и недоуменные взгляды. Она была в сари, но ведь златовласая, белая! Анна подошла к женщине, продававшей бетель, купила порцию, поблагодарила по-сингалски и, привычно обграв рот жвачкой, как истая сингалка, пошла знакомой дорогой на скалу.

Анна по несколько раз в году приезжала в Сигирию.

За ней кто-то увязался, на ходу начиная самостоятельную лекцию о Кассапе, о брате его Моггалане, о несчастном их отце царе Дхатусене.

— Благодарю вас! — Анна, не оборачиваясь, продолжила рассказ незваного гида. Своему племяннику, командующему войсками, Мигане, король Дхатусена отдал в жены дочь. Однажды Мигана поколотил склочницу-жену, обидевшую его мать. Королевская дочь прибежала к папе. Папа рассердился и приказал сжечь свекровь, которая доводилась ему родной сестрой.

Гид растаял. Анна осталась одна. Туристов сегодня было мало, а может, еще не успели нагреть.

Она села на каменный трон, выдолбленный посреди макушки огромного камня. Здесь король Сигирии якобы вершил суд над своими подданными.

— Что ж, — сказала себе Анна, — я готова выслушать приговор.

Она закрыла глаза. Тепло. Тянул верховой ветерок. Кричали обезьяны.

— Почему я здесь?

О, если бы она могла дать ответ — не кому-то, а самой себе.

Она жила в подмосковном городе, закончила школу, пошла работать на придельную фабрику. Потом девчонки сманили на лето в проводники, на поезда дальнего следования. Она увидела во Владивостоке Тихий океан. Ей говорили, что это не океан, что это всего лишь бухта... Но для Анны и бухта была океаном. Постояла она на берегу, подышала морем и ужаснулась. Как же это так? Могла бы жизнь прожить и океана не увидеть? Работа проводника — не для женщины, не для счастливой женщины. Анна вернулась на фабрику, сдала экзамены в вечерний институт. А зимой, в студенческие каникулы, поехали они на концерт в Московский университет. Там Анна и встретила со своим будущим мужем.

Не понравился бы — не пошла бы замуж. Притянул тихий сингалец, как магнит. А по весне решать надо было: ехать или остаться соломенной вдовой. Муж такие сказки про свой остров рассказывал — решила. Махнула на все рукой: «Погляжу, а там как получится». Поглядела, подивилась, натосковалась, а назад уже как ехать: под сердцем ребенок, люди все к ней с лаской, понимают, что тяжело северному человеку в стране вечного лета. Для русского доброта — крепче всякой тюрьмы. Хлопнуть дверью — все равно что на хлеб плюнуть.

И прошло десять лет.

...Анна задремала, что ли? Русские ватагой по ступеням поднимаются. Лица у многих красные, особенно носы, подгорели на высоком солнышке Шри Ланки.

Постояли. Послушали гида.

Проворные молодые ребята пропустили группу вперед, посидели, не разговаривая, на троне — Анна уже на другое место перешла, — послушали тишину, прикинули что-то, перевели на свой русский лад и шумно ринулись на гору, к сигирийским дамам.

По железным лесенкам — они напоминали Анне лестницы «морозовских» рабочих казарм — над жуткой пропастью прошла группа к росписям.

Эти блистательные дамы, одетые в тончайшие одежды, которые не скрывали красоту тела, были написаны полторы тысячи лет назад. Никто теперь не знает, кто они, эти дамы: придворные танцовщицы, любимые женщины короля или асапы — жительницы рая. Но они сияли красотой...

Дальше путь шел к львиной когтистой лапе, огромной, вырубленной из скалы, а потом надо было карабкаться на вершину скалы, где и стоял дворец. Анна опередила русских. Пожилые люди остались внизу, а на дворец полезли трое проворных.

— Ух, ты! — воскликнул плотный, как камень, рыжий, кудрявый. — Ух, ты!

И они втроем глянули на юг и на север, на запад и на восток. И, нагледевшись, посмотрели друг на друга.

— Да-а!

И может, только теперь заметили, что не одни, что возле царских бань, пониже дворца, сидит на камне женщина. Красивая, златовласая, а как будто не столько заморскую старину, сколько их разглядывает.

— Немка, небось! — сказал один из троих. — Какой-нибудь недобитый фашист рванул в тропики... А дочка, глядишь, и слыхом не слыживала, что были гестапо, концлагеря.

— Перестань! — сказали ему. — Может быть, понимает по-русски...

— Держи карман шире!

— А ну, хватит, ребята, — рассердился рыжий, кудрявый. — Поглядим лучше еще маленько.

С криком по верхушкам деревьев далеко внизу неслась — почти как летела — стая обезьян. Прямо перед дворцом прекрасная поляна, с кущами больших деревьев, зеленая.

— Смотрите, ничего нет, а следы и теперь не стерлись! — воскликнул рыжий.

Он показал, и они тоже увидели. Когда-то под скалой сияли водами круглые пруды, рассекали зелень прямые золотистые дороги, кучерявились прямоугольные сады.

— Хлопчики, уходим! — крикнули снизу.

— Одному удивляюсь, — сказал рыжий, — я все это видел. Все это. Только где?

Он повел рукой по горизонту: по лесам, долинам, по аккуратным, почти парковым шапочкам гор, по всей этой вздымающейся, как на дрожжах, зеленой жизни.

Они еще раз повернулись туда и сюда, сбегали с холма-дворца и, не оглядываясь, стали спускаться с опасной кручи. Рыжий, правда, глянул напоследок еще раз, но снизу, она это знала, ему было видно только небо...

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Анна сидела лицом к лесу. Возвращались убежавшие обезьяны. Ночами они хозяева остатков дворца Кассапы.

Как знать, может быть, обезьяны тоже что-то помнят. Свое, но о тех же временах. Люди уходили из Сигирии на целую тысячу лет, обезьяны были верны руинам царства.

Анне было покойно. Она не пошла вослед за своими. Ее даже не обидели слова про немку.

Да ведь и то, с чего бы русскому человеку, который без родины болен, на Цейлоне жить? Женщине?

Анна поднялась на холм-дворец.
— Ух ты!—крикнула она.—Ух ты!

И заплакала. Господи, какая же красота дышала под солнцем, какая великая красота! Она плакала оттого, что родные русские люди все поняли, не оскорбили прекрасного каким-нибудь «потрясающе», что они увезут эту красоту в душе, будут беречь, как драгоценность.

И она возгордилась, что—русская, что кровь от крови понятливого, совестливого народа, не болтающего попусту, но впитывающего все самое драгоценное в жизни для себя и своего потомства. Это «для себя»—тоже русское. Для себя—это не для брюха: чем бы можно поживиться здесь? Для себя—для сердца, для совершенства души своей.

Анна долго еще в одиночестве была на развалинах дворца. Она дождалась, когда весело покатыл по сияющей под солнцем дороге автобус русских. Она помахала ему платком. Удивилась, что платком машет, по-старороссийски, потом спустилась со скалы, села в «Сою» и поехала, не превышая сотни, в Коломбо.

И опять она застала детей своих спящими. Села на краешек постели, глядела на их безмятежный сон и не могла наглядеться.

По синим жилкам Индрушки и Васеньки, по синим, хоть разные—белая и темный—бежала удивительная кровь: сингальская и русская. Случись такое тысячу лет назад, пошла бы по миру легенда о любви короля и заморской королевы, об их удивительных детях.

Но земной шар теперь совсем маленький, сказочным королевствам нет на нем больше места. Зато есть хорошая правда жизни: полюбили два человека друг друга и вопреки природе, богам, пространству, границам сошлись и родили детей.

А детям будут дороги оба народа, народ матери и народ отца.
В спальню вошел муж, взял Анну за руку, и они пошли пить самый прекрасный в мире чай. Муж ни о чем ее не расспрашивал. Она сказала сама:
— Годика через два ребятишки подрастут—надо повезти их на мою родину.
— Они должны поиграть в снежки, как играла их мама,—улыбнулся муж.
— И чтоб на санках покатались! С горок! Чтоб дух захватило.

Ночью во сне Анна проваливалась в горячую бездонную яму. От ужаса она собралась в комочек и падала все стремительней, стремительней. И ведь знала: чтоб затормозить падение, нужно распластаться, но страх был сильнее смерти... До смерти же было недалеко. Жар пронизывал до костей, дыхание было потеряно, сознание проваливалось—так ей чудилось. Она поняла: спасение в одном—проснуться.

Проснулась, села и сразу вдруг вспомнила.

— Они улетают сегодня ночью.

Метнулась к туалетному столику, зажгла ночник. До отлета чуть меньше часа. Пятьдесят четыре минуты. Они уже на аэродроме. Проходят таможенный досмотр. Одеваться! По привычке—гребенкой по волосам, но тотчас бросила гребень. Господи, до красоты ли?.. И спохватилась: «А как же? Нет, без красоты нельзя! Они должны запомнить меня, мое лицо!»

Анна села на корточки, выглядывая в полумраке на темном ковре темный гребень.

Чтоб хоть как-то сэкономить время, шаря рукой по полу, другой принялась стаскивать ночную рубашку.

Гребень нашелся. Она стояла перед зеркалом и глазами злой колдуньи разглядывала себя.

«Хороша! Хороша!»—твердила она в полуистерике.—«Да что же это я стою?» Анна принялась расчесывать волосы, искать ленту, надела туфли. Скинула. Стала натягивать чулки. Зачем чулки—в жару, ночью? Все-таки натянула. И вдруг, придя в необычайное спокойствие, принялась прищипывать и застегивать все пуговицы, «молнии» и заколки.

Ее потянуло в детскую, но она не позволила себе войти. Постояла у двери, силясь услышать дыхание детей. Открыла спальню мужа. Муж лежал лицом вниз. Анна плотно притворила дверь, постояла, послушала и, ступая на носки, вышла в сад, в теплую густую мокроту тропической страны.

Все еще в оледенении недоброго своего спокойствия она выехала на улицы Коломбо. Поехала крадучись, прижимаясь к тротуарам. И сама не знала, почему. Мелькнули часы. Анна сравнила время на электрических часах машины, поглядела на ручные. Что ж, ей хотелось опоздать. Но и попрощаться. И чтоб они запомнили ее лицо. Чтоб они запомнили! Чтоб они рассказали... Но вот что они должны были рассказать? Кому?

Анна рванула машину за крылья, требуя полета. Машина полетела, дорожные огни слились в огненные полосы.

Взгляд на часы—поздно, но скорости не сбавила.

Когда машина подкатила к аэродрому, самолет, задирая носом небо, выпрыгивал из земных тягот. И выпрыгнул и пошел над океаном. Анна пустила машину вслед за ним, к океану. А когда ехать было некуда, выскочила из автомобиля и побежала. Сбросила туфли на ходу, но вслед за дорогой оборвалась сама земля. Океан пополз к ее ногам, кутая колени, бедра, грудь в голубую нежную пену. Она даже поплыла, взмахнула раз-другой руками, но ее тотчас хлопнуло волной. Перевернуло, потащило, кинуло на отмель. Анна привстала, но ее опять толкнуло волной. Но теперь она послушалась, отошла чуть подальше. У самой кромки прибоя легла навзничь. И зарыдала.

Вода перекачивалась через нее, но не могла—такая же теплая, как ночь,—остудить ее крика. Анна кричала. Сама не знала, что. Потом села. Вся она была мокрая. Мокрыми, липкими от соли ладонями вытерла лицо, но слезы текли и текли, сами по себе. Текли и текли. Она зачем-то лизнула ладонь. Ладонь была соленая. И губы были соленые. И вода, прибежавшая к ней, была соленая.

— Господи!—горячо прошептала Анна.—Я наплакала океан!

ПРОЩУ СЛОВА!

Опубликованное в № 18 журнала «Смена» за 1976 год письмо Геннадия Абрамова «Невеселое веселье» вызвало большой поток читательских откликов. Часть писем была опубликована в № 1 за этот год. Сегодня мы завершаем дискуссию.

"НЕВЕСЕЛОЕ ВЕСЕЛЬЕ"

ГЛАВНОЕ — ВОСПИТАНИЕ

Плохое воспитание обходится обществу гораздо дороже, чем плохое образование. К тому же, как известно, «учиться никогда не поздно», а вот воспитывать человека, как утверждает старая поговорка, лучше, пока он «поперек лавки спит», то есть воспитывать надо с молодых ногтей, но на всю жизнь. Вот я и предлагаю поговорить о Воспитании (заглавная буква здесь не случайна).

Меня беспокоит отсутствие у некоторой части нашей молодежи твердых убеждений. Есть и другие «грехи»: хулиганство, неуважение к чужому труду вообще и к физическому в частности (отсюда и стремление хоть как-нибудь «образоваться»), эгоизм и иногда откровенное хамство. А неуважение к женщине, к любви? Неумеренное употребление водки?

Повторяю, это касается части молодежи, но молодежи-то нашей! Очевидно, плохо воспитанной.

Попробуем разобраться. Согласитесь: в юном возрасте в человеке созревает стержень его характера — основа его дальнейших убеждений и поступков. Воспитывают человека примеры, которые он видит в семье, на улице, в школе. Воспитывают буквально все. Но «где тонко, там и рвется» (когда-нибудь). Значит, с точки зрения воспитания, есть еще три важные темы для разговора: 1) неблагополучные семьи, 2) бесконтрольные улицы, 3) плохие школы. Семьи и улицы — понятно. Поясню, что я имею в виду под словами «плохие школы». Это школы, которым хватает десяти лет, чтобы взрастить юных эрудитов, но которым не хватает десяти лет, чтобы воспитать из детей граждан, достойных Родины, научить их Добrote и Порядочности. А все (или многое) зависит от того: кто он — учитель? Воспитатель или «репетитор»?

Самое страшное то, что отсутствие внутренней порядочности оборачивается злом и равнодушием. Пора задуматься об этом всерьез. Нужно не только «перекраивать» школьные программы, но доверять педагогическую деятельность только самым воспитанным людям общества. В этом я убежден.

С уважением, Сергей В., рабочий, 25 лет, г. Шатура, Московская область

В ЧЕМ КОРЕНЬ ЗЛА

Г. Абрамов рассказал неприятную историю из жизни современной молодежи. Картина в целом не типична для нашей действительности, но мимо подобных фактов проходить нельзя.

Корень всех бед, на мой взгляд, — в серьезных изъянах воспитательной работы в школе, техникуме, институте. Имя этому недугу — формализм. Основным объектом воспитания в школе служат тихие, прилежные девочки. Именно из их среды потом избираются пионервожатые, старосты групп, редакторы стенгазет, организаторы самодеятельности. Именно они — главные помощники классных руководителей в подготовке многочисленных общественных мероприятий. А ребятам что остается? Ребята шумною, безликою толпой заполняют коридоры, подворотни домов, стадионы. Среди них редко найдешь хороших организаторов, они как бы самоустранились, действуя по принципу: «Вперед не лезь». Главная забота комсомольских организаций всех учебных заведений — своевременный сбор членских взносов, ликвидация доек, формальное проведение комсомольских собраний и текущих кампаний. Среди молодежных вожakov мало умелых организаторов комсомольской работы, мало лекторов, культмассовиков.

А ведь зажигает тот, кто сам горит. Нужно покончить с формализмом, побольше вовлечь в общественную работу шумных и не особенно покладистых ребят, научить их готовить и проводить ком-

сомольские собрания, культурно-массовые мероприятия.

Много лет я наблюдаю за подготовкой и проведением торжественных вечеров в техникуме. Все они похожи друг на друга, как две капли воды. В организации этих вечеров первую скрипку играют Леночки и Светочки. А ребята, как правило, со скучными физиономиями шатаются по коридорам, не зная, чем себя занять. Некоторые из них выслушивают доклад, выступления дежурных ораторов (которые говорят, как правило, по бумажке) и, чувствуя, что художественная часть никаких сюрпризов для них не преподнесет, что там будет все давно знакомое, а значит, скучное, начинают организовывать другое «веселье»: они снаряжают шустрых хлопцев в ближайший гастроном за красным вином. Потом собираются в темном уголке, быстро опустошают содержимое бутылки и... После этого может произойти все что угодно.

Вот это и есть результат формализма в воспитательной работе.

Т. ПАСЫНОК,
преподаватель истории Липецкого
металлургического техникума

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЩАНЕ

Мои знакомые и друзья, читавшие письмо инженера Геннадия Абрамова, сходились на том, что описанный случай — опасное «развлечение» мещан. Литература, для чтения которой у мещанина Петра «давно уже не было ни одного свободного вечера», поведаст об этом каждому, у кого найдется время почитать. Не будем ходить далеко за примером — не будем отсылать читателя к Альберу Камю с его экзистенциализмом. Вспомним всего лишь барина Троекурова из повести «Дубровский». Он ведь тоже развлекался тем, что оставлял своего гостя с медведем наедине. Троекуров был мещанином не по происхождению, а по духу своему. Есть что-то общее с ним и у наших «героев», решивших «попугать» прохожих.

Что привело специалистов с высшим образованием к мысли поразвлечься так жутко?

Ответ на этот вопрос действительно не так уж легко найти. Но все мы были согласны в одном: название истоков этого беспутства — мещанство. Оно живуче, оно скрывается под масками «передовиков» или благополучных людей с дипломами инженеров и врачей, философов и филологов...

И не виноваты ли в этом многие из нас? Обсуждая письмо, напечатанное в «Смене», мы говорили о разном, например, об «антраша» Леночки, которая невесту куда поехала с незнакомыми мужчинами только, видимо, ради этого «антраша». Как, в какие годы, при каких условиях мы допустили в свои ряды мещанство? Мы отдаем все, чтобы сделать людей высокообразованными и высокосоциальными, не жалея на это, как говорится, ни сил, ни средств. Но порою забываем посмотреть глазами коммуниста на соседа, что сидит рядом за праздничным столом, на знакомого, который расшибается в лепешку, чтобы достать «модерновую» люстру, забываем одернуть тех, кто погряз только в заботах об «импортном», кто незаметно стал мещанином.

А надо помнить всегда, даже в ежедневной суете, вот эти слова, которые на XXV съезде КПСС сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев: «Необходимо, однако, чтобы рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей. Иначе мы можем получить рецидивы мещанской, мелкобуржуазной психологии. Этого нельзя упускать из виду».

А. ТЕРЯЕВ,
геолог, ветеран Великой Отечественной войны,
Армянская ССР,
Туманянский район

БОЙСЯ РАВНОДУШНЫХ!

Статьей Геннадия Абрамова ваш журнал начал нужный разговор на очень важную и болезненную тему. Мне хочется рассказать об одном случае, происшедшем в Горьком летом прошлого года. Воскресным днем в парке культуры и отдыха автозавода на летней эстраде шел концерт симфонического оркестра. Вдруг со стоном лопнули струны скрипки, на которой играла женщина. Люди, а их были сотни возле эстрады, не сразу осознали, что случилось. Скрипачка держала в поднятой руке разбитую скрипку. Из глаз ее текли слезы. А у ног лежал большой камень, разбивший скрипку. От толпы зрителей с довольным гогогом отходили несколько парней, один из которых поднял руку на музыку. Руку с камнем. Ни один из множества мужчин (я хочу подчеркнуть это слово) не остановил хулиганов. Они ушли безнаказанно. Повторяю: это произошло днем. В воскресенье. В парке крупнейшего рабочего района города Горького. В газете «Горьковский рабочий» была напечатана статья «Почему застонала скрипка». Я не был в тот день в парке. И не знаю, как бы поступил, окажись там. Вероятно, так же, как и все. Вот она, простая и страшная мораль: как все. Стадная, а не коллективная мораль, — она еще так живуча в нас.

Мне кажется, в данном случае гораздо важнее проанализировать (смоделировать!) чувства и поступки не тех подонков (их единицы, и они не страшны), а сотен окружающих. Бруно Ясенский написал: «Не бойся врагов, в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей, в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных, ибо с их молчаливого согласия процветает на земле предательство и убийство».

В. НОВИКОВ

ПРОАНАЛИЗИРУЙ СВОЕ «Я»

Ситуация, которая описана в письме инженера Г. Абрамова, относится к числу нестандартных, необычных. В повседневной жизни с такими случаями, по-моему, редко приходится сталкиваться. Но некоторые черты характеров главных «героев» письма покажутся многим людям знакомыми. Осуждение чужих вкусов и привычек, неблагоприятность (вдобавок осознаваемая!) по отношению к искренне принимающим тебя в своем доме людям, пренебрежение интересами и отдыхом других — эти неблагоприятные черты все еще встречаются. В то же время молодые люди обладают и нормальными, положительными качествами: они интересуются литературой, живописью, имеют свои представления о красоте, об интересном и скучном, размышляют, нормально относятся к работе и, судя по всему, отнюдь не являются «прожигателями жизни и папиных денег».

Но вот с определенного момента эти, в общем-то, обычные люди буквально перерождаются на наших глазах. Они оказываются способными на действия и эмоции, выходящие за рамки представлений о поведении советского гражданина: нападение на прохожих, откровенная жестокость, любование собой и своей «игрой» и совершенно патологическое наслаждение человеческим страхом. Вот эта ненормальная реакция на обычный набор обстоятельств (скажу на вечеринке, отсутствие гитары, отказ жильцов дома удовлетворить их просьбу, употребление алкоголя) и поражает меня больше всего.

К сожалению, поскольку в рассказе Г. Абрамова нет никаких сведений о том, как происходил процесс нравственного формирования личности его героев, как протекала их жизнь в семье, в школе, в институте, каким образом строились их взаимоотношения с другими людьми, ответить на вопросы редакции и самого автора очень сложно, если не невозможно. Приходится домысливать «модель» Г. Абрамова, вводить в нее новые параметры.

Слово «образование» я понимаю как комплекс мер обучения и воспитания. И то и другое объединяется восприятием информации, но какое различие в структуре процессов! Сложнее — последний! А вот ему-то в системе образования отводится более скромное место.

Мой «рецепт»: дайте человеку почувствовать свою необходимость обществу — и мы станем выше на одну ступень счастья.

И. ВИННИЧЕНКО,
слесарь-инструментальщик,
г. Волжский

Мне кажется, что жестокость, агрессивность, равнодушие объясняются не отсутствием умения отдышаться и не недостаточной загруженностью на производстве, а иными причинами. Личность формируется в семье. Здесь закладываются основы характера, приобретаются навыки общения с другими людьми, вырабатывается отношение к окружающему миру и его ценностям. Может быть, родители этих парней не были достаточно внимательными и заботливыми по отношению к своим детям, безответственно, не задумываясь, подходили к их воспитанию? Сколько раз мне приходилось видеть взрослых и интеллигентных людей, которые наглядно демонстрируют своим детям две модели поведения, две модели своей личности — одну для дома, для «своих», вторую — для работы, для коллег и знакомых. Это на первый взгляд кажется безобидным, но на самом деле постепенно деформирует детские души. Может быть, родители «героев» проявляли равнодушие к делам и заботам других людей? Отсюда и крайности в поведении их детей. Вспомним описанный эпизод, непосредственно предшествовавший выходу в темный переулок, — поиски гитары. Молодые люди, не задумываясь, обошли 40 квартир. А допустимо ли причинять беспокойство, даже пустяковое, незнакомым людям только потому, что тебе захотелось попеть под гитару? Можно ли отрывать от дел несколько десятков утомленных людей? Наши «герои» об этом не подумали, напротив, они и оскорбились и обозлились.

Мне кажется, что в процессе воспитания необходимо постоянно подчеркивать значение таких ценностей, как человеческая личность и результаты ее труда, причем с самого раннего возраста внушать детям уважение к людям, проявляя к окружающим постоянное внимание.

Конечно, «герои» Абрамова заслуживают осуждения. Иначе и быть не может. Но я думаю, что те читатели «Смены», которые заинтересовались материалом, должны лишней раз задуматься над собственным поведением, проанализировать свое «я»: не скрывается ли и во мне червячок равнодушия, все ли я делаю для того, чтобы не огорчать людей, меня окружающих, являюсь ли я примером для своих детей всегда, каждую минуту — даже в тяжелых и сложных ситуациях, не закрываю ли я глаза на то, что происходит с другими, готов ли помочь, если моя помощь нужна?

Г. МИСЮЛИНА, инженер связи,
Москва

ИНТЕЛЛИГЕНТ ЛИ ЧЕЛОВЕК С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ?

Мы прочли историю трех скужающих оболтусов с дипломами (извините, но другого определения их личностям не нашли) и от души возмутились.

Отсутствие воспитания в человеке диплом не заменит. Воспитание чувств в детях: такта, уважения к ближнему, сострадания — начинается в семье. И тем плодотворнее оно будет, чем порядочнее сама семья. Мне приходилось за свою жизнь встречаться с людьми и деревенскими и городскими. Запомнились

Завершая обсуждение письма инженера Г. Абрамова «Невеселое веселье», редакция журнала «Смена» предоставляет слово юристам. Ученые дают оценку описанному случаю с точки зрения правовых норм и государственного законодательства.

ПЕРЕСТУПИВ ЧЕРТУ...

Когда приходится бывать на местах преступлений — диких, бессмысленных, кровавых, поражающих своей жестокостью, — каждый раз появляется мысль: нет, человек этого сделать не мог, это какие-то двуногие звери, нелюди... Ниточка розыска приводит к виновным, и оказывается, что они как будто вполне нормальны, без каиновой печати на лбу да и вообще внешне не отличаются от других людей.

Так почему же совершаются преступления? Действительно, почему 25-летний биофизик пытается проникнуть в таинства работы мозга и разрешить загадки живой клетки, молодой врач изучает закономерности функционирования человеческого организма, философ увлеченно вникает в проблему существования человека как личности, а в то же самое время их сверстники, «раздавив» бутылку водки на троих, отправляются на поиски «приключений», положив в карман нож, чтобы при случае, не задумываясь над «высокими материями», ткнуть острым железом податливое человеческое тело?

Решиться на преступление первый раз трудно. Этому препятствует предыдущее воспитание (пусть недостаточное, но все же!), положительное влияние

семьи и не шибко грамотные и многодетные, но где царил исключительная внимательность к людям, огромный такт в обращении с ближним. Встречались семьи обеспеченные и даже очень обеспеченные, в которых росло по одному ребенку, но прекрасно воспитанному. Знаю много семей так называемых неблагополучных, где отцы горькие пьяницы, а дети хорошие: добрые, ласковые, внимательные. Чем же объяснить это? Конечно же, хорошим воспитанием в детстве. Со мной в одной квартире жила соседка, у нее было двое детей, мальчик и девочка, а муж — пропойца. Жили они не бедно, но и особых излишеств не было. Меня всегда удивляла эта женщина-мать. Дети у нее шумливые, веселые, развитые, но всегда и во всем знали границы. Днем, когда все соседи на работе, она разрешала детям шумные игры, возню, топот и сама пела и плясала с ними. Но только наставал вечер и возвращались люди с работы, мать говорила: «Теперь — тишина! Набегались, нашумелись и хватит. Мы живем не одни. Люди пришли с работы. Они устали». И дети примолкали. Они выросли на наших глазах, окончили институты, завели свои семьи. Меня всегда умиляла способность матери и детей радоваться любой покупке: будь то мебель или просто портфель. Мы жили вместе больше восемнадцати лет, и за все эти годы я не слышала, чтобы мать взорвалась или наказала бы детей. С мужем эта женщина не «выясняла отношений» при детях, но без них так беспощадно расправлялась с ним, что он был тише воды, ниже травы. Дети всегда говорили: «У других матери пьяных отцов боятся, а у нас отец боится маму».

Воспитывать в будущих взрослых людях хорошие качества поведения и характера надо с пеленок, это известно всем. Школа, общество, коллектив только дополняют то, что заложено в детстве. Примеров мужества, героизма, воли, находчивости, честности, верности нам, советским людям, не занимать. Примеров бесконечное множество, но на них и нужно воспитывать детей. Но не обойтись и без других примеров — своих, родительских. Не воровать, не обманывать, не предавать — вот залог хорошего в детях. Нужна большая, ежедневная работа с детьми. Это трудно, но необходимо.

К. ВОРОНКОВА, Ангарск,
Иркутская обл.

НАУЧИТЬ ЛЮДЕЙ ОТДЫХАТЬ

Прежде всего следует бороться с пьянством, учить людей отдыхать. Торжества надо организовывать, заботясь не только о «процветании» стола, но и о том, в первую очередь, чем занять гостей. Может быть, пригласить интересного человека, при встрече с которым приглашенные непременно получили бы пользу, вернее, добрый урок служения людям. Раньше любое торжество носило характер действия, и приготовление к нему пробуждало в людях творческую активность. Почему бы не сделать хороший сценарий к новоселью, описанному Г. Абрамовым? Тогда бы никому не пришлось мрачно скучать, и молодежь вышла бы на улицу с добром к людям.

К. МУРАТОВА,
Иваново

окружающей жизни, сдерживающие механизмы, изначально заложенные в каждом человеческом существе, и, наконец, страх перед наказанием.

Конечно, если бы этот барьер был видимым, материальным или хотя бы четко выраженным, многие, возможно, и удержались бы от опрометчивого шага. Но суть в том, что между честной и преступной жизнью лежит широкая полоса так называемой «пограничной» зоны, включающая непорядочность, аморальный, антиобщественный образ жизни, пьянство и другие формы поведения, еще не наказуемого в уголовном порядке, но уже не одобряемого нормами этики, нравственности и морали. И тот, кто забрел в эту «пограничную» зону, может опомниться уже тогда, когда незримая роковая черта окажется позади.

Есть два фактора, соотношение которых в значительной степени влияет на характер поведения человека. Первый и основной — принципы и убеждения, направленность социальной ориентации, внутренняя готовность действовать определенным образом в той или иной ситуации, или, говоря словами психологов, установка личности.

Но есть еще одна категория людей, у которых твердая установка отсутствует, принципы и убеждения не сформированы, аморфны, представления о добре и зле, хорошем и плохом, похвальном и постыдном перемешаны, находятся в хаотическом состоянии, и своя позиция по отношению к этим социальным ценностям не определена. По существу, эти люди асоциальны. Их поведение определяется не столько внутренними качествами, сколько ситуативными моментами или воздействием окружающих, то есть внешними влияниями. Эти внешние влияния и

есть второй фактор, определяющий характер поведения человека.

Большинство из тех, кто блуждает в зоне предпреступного поведения, как раз относятся к категории людей, не имеющих твердого нравственного стержня и устойчивых убеждений, поэтому особый интерес представляет их групповая психология, групповая мораль, та точка на шкале нравственных ценностей, от которой ведут они свой отсчет.

Коль нет своих четких принципов и убеждений, легко воспринимаются и впитываются взгляды чужие. Недаром у этой категории людей естественная потребность в общении приобретает уродливую форму «стадного инстинкта». И кучкуются в подъездах, подворотнях, около винных магазинов похожие друг на друга личности, с одинаково помпезными лицами и заплывшими глазами. Если один из них затеет бессмысленную драку с прохожим, остальные вмешаются и будут с остервенением избивать свою жертву, даже не зная, кого и за что они калечат в настоящий момент...

Компания — преступная группа — шайка — банда... Даже чисто звуковая разница слов, составляющих первое и последнее звено этой цепочки, оглушает. А между тем высокий порог существует только между первыми двумя видами сотворившего, дальнейшая эволюция протекает незаметно, как бы сама собой, ибо не встречает каких-либо препятствий. Происходит простое накопление негативных качеств, которые, достигнув определенного уровня, переводят преступное сообщество в следующую по степени общественной опасности категорию.

Следственная практика знает много случаев, когда

Продолжение на 27-й стр.

Максим ЗВЕРЕВ
Фото Игоря КОНСТАНТИНОВА

ЯСТРЕБИНАЯ ОХОТА

В село Чилик, Алма-Атинской области, я приехал осенью, чтобы познакомиться с известным охотником, который, правда, не пользуется ни ружьем, ни капканами. Село располагается в зоне заповедника, и охота там разрешена только с ловчими птицами.

Саманный домик охотника ничем не отличался от других домов в этом селе. Плоская крыша из камыша, поверху затертого глиной, такие же стены и забор. Встретить меня вышел сам хозяин — пожилой черноусый казах.

— Милости прошу, заходите! — Он приветливо пригласил в дом. — Как раз к чаю.

Наклонившись в низенькой двери, вошли в комнату с гладким глинобитным полом. Семья сидела около круглого столика на крошечных ножках. Рядом на полу шипел самовар. Хозяйка налила всем крепкого чая в фарфоровые пиалы и добавила молока.

За чаем с баурсаками (кусочками теста, сваренного в масле) выяснилось, что Монаков теперь один во всем Чилике охотится с ловчими птицами. Научился он этому древнему искусству от отца. Сейчас у него в хозяйстве есть выученные ястреб и сокол — по-казахски коршыга и ительга.

— Птенцов из гнезда не беру, а ловлю взрослых, хотя их учить труднее, — рассказывал охотник. — Зато потом на охоте они способнее, так как на воле сами научились ловить.

Во дворе у Монакова построен длинный крытый сарай с маленькими окнами. Здесь в почти не освещенном помещении в разных углах сидели на привязи крупная самка ястреба-тетеревятника и сокол-балобан. Каждая птица сиде-

ла на обрубке дерева, обитом войлоком, а сверху сукном. К этим седлам за колечки были привязаны шнурки, сплывавшие лапы птиц. Желтыми глазами ястребиха смотрела на руки хозяина — не зло, а скорее с жадностью, — ожидая корма. Перья голубей и галок валялись на полу около седел. Черноглазый балобан тоже оживился и потянулся к Монакову.

— Готовлю их к охоте, собираюсь к вечеру съездить, три дня в полсыта кормил, а со вчерашней ночи ничего не давал. Сытые ловить не будут. Который вперед погадку¹ выбросит, с тем и поеду... Хотите со мной?

Я, конечно, тотчас согласился.

— Полюбопытствуйте, а то мало кто знает теперь такую охоту.

Мы вернулись в дом, и за чашкой чая охотник стал открывать свои секреты обучения охоте пойманных им хищников.

— В том сарае и учу. На голову кожаный клубочек надеваю, чтобы ничего не видел, и сутки не разрешаю спать. Потом даю мясо из рук. Если дичится и не берет пищу, повторяю все то же на вторые сутки. А бывает, и трое суток приходится с ним не спать. Тут уж вся семья помогает. У каждого хищника свой характер: один быстрее привыкает, с другим долго приходится возиться. Особенно балобаны упрямые. Их труднее ястребов обучать. Ну, а когда птица привыкнет ко мне, здесь же, в сарае, учу на добычу бросаться и на руку садиться. Потом выношу на улицу, сначала на веревочке, чтобы не улетел. Сынишка волочет за собой на длинной веревке

чучело зайца, а я пускаю и смотрю, как он на добычу реагирует.

Дом охотника своей задней стеной выходит прямо в степь. Здесь около высокого карагача была привязана приманка — живой пестрый голубь. Над ним вкруговую на тонких палочках, воткнутых неглубоко в землю, висела сеть, по-казахски называемая куш-туром.

— Осенью, когда пролет идет, вот в эту сеть и ловлю хищников, — поясняет охотник. — Каждое утро кормлю голубя, а вечером прихожу, проверяю, не «клюнул» ли кто на эту приманку. Чаще всего молодые самцы попадают, а мне самку ястреба надо, она крупнее самца да и много сильнее его. Отец самками даже каракурюков ловил — так у нас джейранов называют.

Охотник медленно обошел карагач, поправил кое-где колышки, на которых висела сеть, и продолжил свой рассказ:

— Моя коршыга, что в сарае сейчас сидит, совсем старая сделалась. Еще от отца досталась да и у меня уже лет десять живет. Нужно ей замену искать... Однако пойду коня запрягать, пора на охоту.

За село выехали на арбе: два огромных колеса в рост человека и между ними небольшая площадка. Мы с Монаковым уместились спереди, свесив ноги между оглоблями, сзади лежал крапчатый сеттер. Охотник правил лошадей, а я держал ястреба, вцепившегося когтями в толстую рукавицу, натянутую почти до самого моего плеча. На голове птицы плотно сидел кожаный клубочек, закрывавший ей глаза и острый клюв.

Через полчаса наша повозка остановилась перед густыми зарослями полыни. Привязав лошадь к карагачу, охотник взял у меня ястреба, и мы вошли в заросли.

Собака сразу бросилась вперед и шагах в десяти от нас подняла двух фазанов. Но охотник не обратил на них никакого внимания и, увидев мое удивление, сказал:

— Пускать хищника надо, когда точно знаешь, что сейчас из-под собаки вылетит птица, а эти случайные, неожиданные.

Вскоре сеттер замер в стойке, трясаясь от волнения. Охотник быстро подбежал к собаке, снял клубочек с головы ястреба, высоко поднял руку и крикнул:

— Взять!

Собака бросилась вперед. Яркий фазан-петух с шумом и криком свечой взмыл в небо и полетел над нами. Взмахнув широкими сильными крыльями, серой тенью за ним метнулся ястреб. Через несколько секунд великолепным броском пернатый хищник настиг добычу, с лета ударил фазана в спину, послышался глухой шлепок, обе птицы комом упали в заросли, а в воздухе поплыло облачко перьев и пуха.

Охотник подбежал, не без труда отобрал у ястреба уже мертвого фазана. Хищник алчно озирался по сторонам, встряхивал крыльями и успокоился только после того, как Монаков ловко надел ему на голову клубочек.

Фазанов собака больше не находила, хотя усердно носилась по степи. Мы приближались к густым зарослям чингиля.

— Там искать! — показал сеттеру охотник. — Постоянно в них днюют петухи.

Собака послушно побежала к кустам. Вдруг она на всем ходу остановилась и замерла, неловко повернувшись боком к невысокому кусту.

Мы быстро подошли. Охотник снял с

¹ Погадка — скапливающиеся в желудке хищной птицы перья и шерсть.

ястреба клубочек, поднял руку и опять крикнул:

— Взять!

Едва собака сорвалась с места, как в кустах послышался легкий шорох и на бешеной скорости к зарослям чингиля помчался заяц. Пернатый хищник взмыл над зарослями и, трепеща крыльями, завис с опущенным клювом почти на одном месте. Вдруг он сложил крылья и камнем упал на кусты. В тот же миг оттуда раздалось верещание раненого зайца.

Под вечер, когда мы уже возвращались в село, собака подняла еще одного фазана. Этот оказался проворным и успел отлететь от нас на значительное расстояние. Я заметил, что ястреб как-то неохотно взлетел с руки охотника, долго набирал высоту, но все же настиг свою жертву и повторил бросок, как и в первый раз.

— Совсем состарилась моя коршунга,— с жалостью в голосе приговаривал охотник, усаживая ястреба к себе на руку.— Больше двух фазанов с ней не беру, а тут еще заяц. Заметили, как долго гналась за вторым петухом? Едва его не упустила, потому и упала с фазаном вон как далеко. Пока добежал, она посела, значит, больше ловить не будет. А вот с соколом-балобаном верхом приходится охотиться, иначе не добежишь— где упадет, там успеет и поевсть. Хотел сегодня его взять на охоту, он молодой и сильный, да вот погадку не сбросил. Завтра с ним поведем.

Прощаясь, охотник подарил мне тех двух фазанов, и теперь на моем рабочем столе стоит чучело красноперого петуха как напоминание о древнем, но неумирающем искусстве— охоте с ловчими птицами.

С ЛОВЧЕЙ ПТИЦЕЙ В СТЕПЬ...

ПРИМАНКА ДЛЯ ХИЩНИКА.

ТЕПЕРЬ УЖЕ ЯСТРЕБ ДОБЫЧУ НЕ УПУСТИТ.

**ЕСТЬ О ЧЕМ ПОГОВОРИТЬ
СТАРОМУ И МОЛОДОМУ
ОХОТНИКАМ.**

В село Кутулик, на родину Вампилова, я попал после его смерти, в нынешнем марте. Сухие тесовые и шиферные крыши, сухие серо-черные гармошки палисадников, вытаявшая желтая трава вокруг уличных тополей и вокруг школьных акаций — стоял ранневесенний, голодный еще день, несколько обескураживающий своей голизной и неуютностью. В Кутулик надо было приезжать летом — это я знал от Вампилова, — когда древние аларские степи млеют в зеленой дымке, когда проселочные дороги исполнены таинственной, зовущей грусти, когда отеческие улицы сладко горчат полынью и оставшейся ромашкой.

Однажды в июле мы совсем было собрались с Вампиловым в Кутулик и со сдержанным нетерпением уже предвкушали рыбацкие зорьки на песчаном берегу Алят, медлительные разговоры у костра, вечерние чаепития у кого-нибудь из давних товарищей — прямо в палисаднике, среди подсолнухов и черемух. Но что-то помешало нашей поездке — теперь не помню. Поэтому и пришлось ехать в Кутулик не в том июле, а в нынешнем марте. Там проходили первые вампиловские чтения, собрание его школьных учителей, товарищей детства, Иркутских писателей, университетских однокашников, а также других почитателей вампиловского дара.

На время чтений из школы в районный клуб был перенесен мемориальный

уголок Вампилова, вместивший обилие театральных афиш с дарственными автографами артистов и режиссеров, письменные воспоминания его учителей и школьных товарищей, фотографии Вампилова школьных лет. До этого я никогда не видел их.

Совсем маленький — первоклассник или второклассник — остриженный наголо, с вытирающим упрямым лбом, с сердитыми, недоверчивыми глазами; чуть постарше, в кепке-москвичке, сдвинутой на затылок, в компании шпанистых райцентровских сверстников — у всех такие настырно-остренькие улыбочки; десятиклассник, уже со своими черными, пушкинскими кудрями надо лбом, с сосредоточенно сощуренными глазами и, должно быть, с первой, подчеркнуто независимой папирсой в зубах, — я долго рассматривал эти новыцветшие фотографии, с какою-то волнующей, бесхитростной неожиданностью приблизившие ко мне мальчика Саню Вампилова, его провинциальные, кутуликские дни.

Думаю, в предлагаемых ниже «Прогулках по Кутулику», написанных незадолго до гибели, грустно и ясно проступает улыбка писателя, всегда сопровождавшая его устные возвращения в Кутулик.

Вячеслав ШУГАЕВ

Александр ВАМПИЛОВ

ПРОГУЛКИ ПО КУТУЛИКУ

ПРОГУЛКА ПЕРВАЯ. СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ

В Кутулике, возможно, вы никогда не бывали, но из окна вагона вы видели его наверняка. Если вы едете на запад, через полчаса после Черемхова справа вы увидите гладкую, выжженную солнцем гору, а под ней небольшое, чахлое болотце; потом на горе появится автомобильная дорога и на той стороне дороги — березы; несколько их мелькнет и перед самым вагонным окном, и болотце сделается узким лужком, разрисованным руслом высыхающей речки. От дороги гора отойдет дальше, снизится и превратится в сосновый лес, темной стеной стоящий в километре от железной дороги. И тогда вы увидите Кутулик: на пригорке старые избы с огородами, выше — новый забор с будкой посередине — стадион, старую школу, выглядывающую из акаций, горстку берез и сосен за серым забором — сад, за ним — несколько новых деревянных домов в два этажа, потом снова два двухэтажных дома, каменных, побеленных, возвышающихся над избами и выделяющихся среди них своей белизной, — райком и Дом культуры, потом чайная, одноэтажная, но тоже белая и потому хорошо видимая издалека.

Что дальше? Мосты, переулки, бегущие вниз с пригорка: Больничный, Цыганский, Косой; улица Первомайская у блокпоста, выходящая прямо к полотну: еще два-три заметных строения — каменные и побеленные — комбинат бытового обслуживания и церковь, переоборудованная в кинотеатр. Дальше — Бараба: избы, палисадники, огороды. И вот уже снова сосновый лес и автомобильная дорога, та самая, которую мы видели перед Кутуликом, — Московский тракт.

Таков внешний вид Кутулика, и, если добавить сюда то, что по дороге останется от вас по левую руку: лес, а в нем островками строения — больница, заготскот, нефтебаза и станция, — портрет выйдет достаточно определенный, и в нем, думаю я, без особого труда можно различить лицо райцентра. Деревянный, пыльный, с огородами, со стадом частных коров, но с гостиницей, милицией и стадионом, Кутулик от деревни отстал и к городу не пристал. Словом, райцентр с головы до пят.

Райцентр, похожий на все райцентры России, но на всю Россию все-таки один-единственный.

В Кутулике у меня прошли детство и школьные годы.

Вышло так, что давно уж я здесь не живу, а приезжаю сюда, получается, редко и ненадолго. Вот и сейчас: не был три года, а приехал на неделю.

После школы, помню, уезжал я без сожаления, рвался в город, но все же, когда был студентом, приезжал сюда чаще — каждое лето. Затем друзей и знакомых я находил здесь все меньше и меньше, почти все мои сверстники давно разбегались по городам, иные, что постарше или помоложе, меня уже забыли, иные сами изменились до неузнаваемости, и вот уже поневоле я чувствую и сознаю здесь свое одиночество.

Но, отдаленный, не чаще ли я стал возвращаться сюда в своих мыслях?

Я вылез из кабины попутной машины возле школьного сада, прямо против своего бывшего дома. Было шесть вечера, еще жарко, но на траве уже не так, как в машине и на тракте. Через старые ворота я вошел в большой двор, по углам которого стояло четыре дома. Двор был пуст, только куры копошились в дальнем его углу и у крыльца с перилами мотоцикл мерцал на солнце бежевыми крыльями и тусклыми от пыли ободами. Этот двор назывался «школьная ограда», а в домах, где в каждом было по два, по три крыльца и по столько же квартир, всегда жили учителя, истопники, уборщики.

Еще из нашей машины я заметил, что огород у нашего дома разгорожен и растут в нем, как мне показалось, лишь пырей и крапива. Так оно и было. Но из машины я не заметил главного: двери и окна были заколочены. В доме никто не жил.

Я к нему подошел, на крайнем окне доска была оторвана, из щели потянуло на меня осенним, почти лесным запахом плесени. Я зашел с другой стороны, со стороны огорода, и остановился возле своих окон. Здесь по-прежнему стояла одна старая лиственница, и, помню я, от этого, от ее тени в одной из наших комнат всегда было немного темней. Лиственница жива, за нее все еще можно привязать бельевую веревку, можно забраться по ней на крышу, и серы, наверное, еще можно наковырять.

А барак и в самом деле отслужил свое. Построен он из толстых лиственничных бревен, но так давно, что не только бревна прогнили, но прогнила уже и тесовая обшивка, сделанная много позже. Правда, обшивка вся уже рассыпается и внизу и сверху, а бревна гнилые только внизу, у земли, а наверху они еще хоть куда,

ядренные и годные, пожалуй, и для новой постройки. Когда-то в этом бараке был пересыльный пункт, и здесь ночевали этапные по дороге в Александровский централ. Значит, в этом доме у них был один из последних ночлегов в пути.

Нет, никаких решеток и даже следов от них я никогда не видел. Видимо, был в свое время барак переоборудован, я помню его уже покрытым тесом и крашенным в цвет желтых березовых листьев. На моей памяти в нем жили учителя.

Я представил себе летний вечер, каким он был здесь лет двадцать назад: открытые настежь окна, в доме движение и голоса, горшки гераней, выставленные на завалинку, большую огуречную грядку, маки, подсолнухи в дальнем конце огорода, изгородь из осиновых тычечек, в воздухе видимое глазами струящееся от нагретой изгороди тепло и жужжание пчел.

Сейчас я стоял как раз на том месте, где в это время мы разводили тогда небольшой огонек. На солнце он был бледный, и, если не было дыма, с другого конца огорода его можно было и не разглядеть. Из кирпичей была устроена простенькая тига, и ужин готовился тут, чтобы ночью в комнатах не было жарко, и дров сюда надо было меньше, хватало щепок, которые мы, ребяташки, собирали у новой в те времена школы. Из комнат слышен был голос матери, по-учительски громкий и отчетливый, или репродуктор, круглый, черный, из огорода казавшийся дырой в белой стене, распевал: «Где ж вы, где ж вы, очи карие...».

А сейчас окна заколочены, и от них меня отделяет густая метровая крапива. Можно было обойти ее, оторвать от окна пару досок и заглянуть внутрь, но мне не захотелось. Я снова вышел в большой двор и уселся там на скамейке соседнего дома. Захотелось увидеть кого-нибудь из знакомых, но я решил никуда не заходить, а подождать, пока кто-нибудь появится.

Долго никого не было. Прошел поезд, из школьного сада налетел ветерок, дохнул черемухой и исчез. Отсюда была видна дальняя Берестениковская гора, по ней, как струйка желтого дыма, поднималась к горизонту дорога. Ее вид взволновал меня, как в детстве, когда эта дорога казалась мне бесконечной и обещала множество чудес. Передо мной, за железной дорогой, тянулась другая гора, Иванова, сплошь укрытая сосной и березой. Продолговатые рябые облака стояли над ней высоко и неподвижно.

Все кругом было настолько привычно, что мне на мгновение показалось, что я вовсе отсюда не уезжал.

Нет, что и говорить, нигде на свете небо не бывает таким ясным, и нигде, если долгая непогода, оно не томит так своей безысходностью. Травы пахнут здесь сильнее, чем где-либо, и нигде и никогда я не видел дороги заманчивей этой вот, что по дальней горе вьется среди берез и пашен.

В газетах да и в журналах мне попадались стихотворные и прозаические высказывания о том, что землю можно любить всю сразу — от Карельского перешейка до Курильской гряды, все реки, леса, тундры, города и деревни будто бы возможно любить одинаково. Тут, как мне кажется, что-то не то. Как, например, мне любить Курильскую грядку, если я ее никогда не видел?

Наконец скрипнула дверь, из соседнего дома вышла маленькая черноволосая женщина с ведром в руке. Я узнал ее сразу, поднялся и пошел к ней навстречу. Это была тетя Зина, давнишняя школьная уборщица. Я рос на ее глазах, мы рядом жили. Она заметила, что я к ней иду, остановилась и, заслонясь от солнца ладонью, смотрела на меня. Мне показалось, что она совсем не изменилась, а когда я видел ее последний раз — лет семь назад или десять? «А, — сказала она и назвала меня именем моего брата, хотя, я думаю, она меня узнала, а спутала лишь имена, — давно приехал?» Она говорила, слегка подергивая головой, — это у нее всегда было — быстро и таким тоном, как будто мы с ней виделись не далее как вчера. Вблизи я разглядел: нет, сильно постарела, конечно, постарела. Да ведь и лет ей сейчас много, пожалуй. Мы успели сказать всего несколько слов, когда на тракте вдруг раздался грохот.

Тетя Зина встрепенулась и, снова прикрыв ладонью глаза, стала смотреть на ворота. Я оглянулся и увидел, как с мягкой дороги, расплескивая воду, на тракт въехала водовозная бочка. Тащила ее понурая клячонка, а впереди, задом едва касаясь бочки, мостился старик водовоз. Бочка загремела по тракту дальше, в ограду не заехала.

«Куда это он? — заволновалась тетя Зина. — Куда он, черт полосатый?»

Я хотел возобновить разговор, но из этого мало что вышло. Бочка с водой не шла у нее из головы. Я сказал ей, что, дескать, я пока пошел, а буду еще здесь и, стало быть, еще увидимся. И направился в школу. Тетя Зина успела мне сказать, что там сейчас идут последние экзамены.

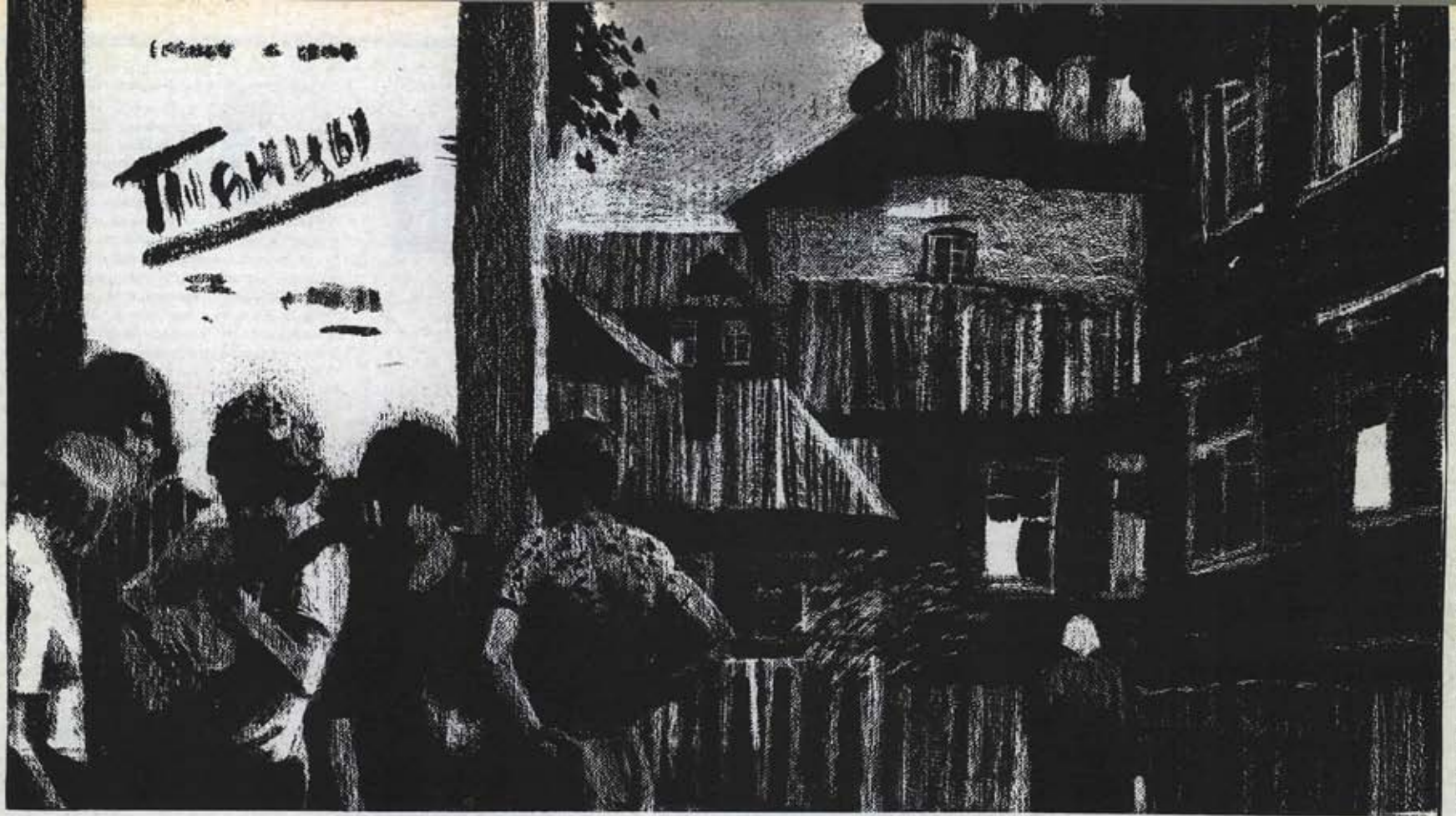

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

ПРОГУЛКА ВТОРАЯ. ПО АСФАЛЬТУ

Кутулик подросток и похорошел. Появилась совсем новая улица, за школьным садом достраивается несколько двухэтажных жилых домов. За райкомом разбили новый сквер, у стадиона тоже сквер, на главной улице подрастают молодые тополя. Вырастить их было не просто, тополя высаживались здесь много раз, и много раз ничего не выходило. То стадо их вытаптывало, то козы уничтожали, то еще что-нибудь с ними случалось. Вообще-то в сибирских селах нет привычки сажать деревья на улицах. Объясняется это отчасти тем, что поначалу сибирские деревни со всех сторон окружены были лесом, — какие еще нужны были деревья? Избы украшались лишь небольшими палисадниками с черемухой, рябиной, кустами малины, и было хорошо. Но впоследствии, когда лес вокруг постепенно был вырублен и на его месте появились поля и покотинны, села обнажились, и вид их сделался и унылым и легкомысленным каким-то. Палисадники с кустарниками уже не спасают эти села ни от пыли, ни от беспризорности вида.

Итак, в Кутулике зашумели тополя. Тут же, на главной улице, произошла перемена, которой кутуличане придают немалое значение. Старые тротуары исчезли, и заменил их асфальт, этот пресловутый синоним всего городского, этот первейший признак сближения города и деревни. По мне хороший деревянный тротуар лучше, но в Кутулике тротуар был старый, часто прерывался, асфальт к тому же практичнее, так что... Словом, асфальт так асфальт, не в том дело.

Сегодня суббота, прохожие, как я замечаю, одеты чисто, нарядно. Все девушки — модницы. Да что девушки, а парни? Они одеты в белые рубахи и в эти свои повсеместные испанские штаны с широченной опушкой, узкие в коленях и разогнанные книзу до ширины флотских брюк. Когда несколько таких ребят молча стоят где-нибудь возле чайной, то кажется, что они собрались сюда, чтобы сплясать болеро, и ждут только, когда ударят кастаньеты и гитара. Гитара, впрочем, тут, при них, но носят они ее с собой больше для антуражу или для того, чтобы, копируя нынешних менестрелей, которые поют теперь по радио, стучать пятерней по неизменным трем аккордам. «Парня в горы зови, тыни... там поймешь кто такой». Словом, парни — модники, как везде сейчас. Волосы они здесь, правда, еще не красят, но, кто знает, и это, быть может, привьется впоследствии. Надо заметить, что ребята эти не бездельники какие-нибудь, а служащие, десятиклассники, студенты на каникулах, механизаторы даже. Теперь мода такая, и они, так сказать, на уровне.

В этот день испанские штаны небольшими группами шествовали по направлению к стадиону. Оказывается, там второй день шли районные футбольные состязания.

Стадион, теперь ороженный, с приличным полем, со скамейками для зрителей, в былые времена был горбатым пустырем с одними лишь футбольными воротами. И на этом пустыре, помню, несколько лет подряд сражались одни и те же, единственные в районе команды Кутулика и шахтерского поселка Забитуй. Спортивной организации в Кутулике тогда еще не существовало, почти все игроки учились в средней школе; то же и забитуйцы, которые, бывало, добирались до места встречи на попутных машинах, пешком, а то и на товарных поездах. Поезда в те времена таскали паровозы, и на подъеме, где они замедляли ход, футбольная команда десантом высаживалась в Кутулике. Играли, бывало, часами, до изнеможения, до темноты. Ну, вот, например, победоносная поездка кутуликской команды в Зиму. В двух словах было так. Один зиминский парнишка, который случайно оказался в Кутулике, посмотрел, как пинают мяч кутуликские форварды, попинал вместе с ними, а потом от собственного имени предложил им встречу на зиминском поле. Предложение было принято, и назавтра кутуличане сели в поезд и отправились добывать себе спортивную славу в Зиму, за девяносто километров. Ехали они без билета, и всю дорогу до самой Зимы команда вместо разминки бегала от контролеров по вагонам и по крышам вагонов. Тот парнишка исправно ждал их в Зиме на станции, матч состоялся, и кутуличане выиграли.

Позже появились спортивное общество, спортивные деятели, бутсы, и команда стала разезжать на машинах. Но в районе все так же было две команды.

Я вошел на стадион и удивился: никак не думал, что в Кутулике столько почитателей футбола. Они заняли небольшую трибунку, все скамейки, сидели на траве, на заборе, тучами стояли за воротами. Их было много, но еще больше меня поразило количество болельщиков. По всем углам стадиона, вдоль заборов они стояли табор к табору, отделяясь друг от друга лишь цветом маек: сиреневые, белые, красные, желтые и т. д. Мне кажется, их было больше, чем болельщиков.

На районные соревнования съехалось что-то около пятнадцати команд, а игры продолжались три дня. Команды прибыли чуть ли не из каждого колхоза. На поле шла игра и, надо заметить, весьма приличная игра. Сражались две колхозные команды. Команде, которая когда-то ездил в Зиму, такая игра и во сне не снилась. Я прислушался к разговорам болельщиков, разговоры оказались квалифицированные, с упоминанием новейших тактик, Сандерленда, Эйсебио. Положительно в Кутулик пришла золотая футбольная эра.

Но тут я вспомнил городские футбольные ажиотажи, ночные бдения у телевизоров, москвичей, которые по вечерам собираются у стен стадиона «Динамо» и, сбившись в кучу, до поздней ночи, а то и до утра гудят, как отроивший улей. Да, да, я вспомнил этих полупомешанных и от удивления перешел к размышлению.

В Кутулике теперь тоже смотрят телевизор, а значит, видели и Милан и Сандерленд, и тоже, стало быть, на уровне. Телевизоров пока еще здесь немного, но вот узнал я, что в районной библиотеке, например, установили телевизор. Для общего пользования. Работники библиотеки не без удовольствия рассказывают, что в дни, когда передается футбольный матч, у них бывает много посетителей. Удовольствие библиотекарей напоминает мне удовольствие драматических актеров, концертирующих на своих подмостках с представлениями типа «Зримой песни». Увы, в кутуликскую библиотеку в футбольные дни идут не читатели, но болельщики, ровно так же, как в драматический театр в дни «Зримой песни» устремляются отнюдь не почитатели драмы, но куда более многочисленные приверженцы эстрады и мюзик-холла.

А тут показали мне команду, которая в этом соревновании должна была защищать честь самого Кутулика. Ребята, все молодые, интересные, окружили какую-то девушку и беседуют с нею все разом. Потом вижу — нет, не беседуют, а скорее спорят, горячатся, а весьма строгого вида девушка горячится тоже и отчаянно жестикулирует. Затем они по одному, по двое уходят куда-то с решительным видом. Один из них проходил мимо меня, и я видел, как он сплюнул даже, и слышал, как он весьма решительным образом выразился. А девушка все что-то доказывала тем, остальным. Я решил выяснить, в чем дело.

Строгого вида девушка оказалась секретарем райкома комсомола. Она уговаривала кутуликских футболистов принять участие в состязании. Они отказывались. Природа конфликта заключалась в том, что хозяйка поля не получила денег, которые они хотели получить. Приезжие команды выдали деньги на пропитание в районной чайной, это понятно. Кутуличане, проживая в самом Кутулике, столовались, естественно, дома. Но они тоже требовали деньги на пропитание. Это отдавало уже высоким футбольным классом. Хотя многие из них долго упорствовали, игра все-таки состоялась, хозяйка поля проиграла и по всем правилам футбольной борьбы из дальнейших состязаний выбыла.

Болельщики, разумеется, были недовольны своей командой, но со стадиона не уходили. Были здесь и шум, и свист, и буфет с пивом, и конфликты разного рода — словом, все, что полагается. Был тут и фатальный, неизбежный почти в таких обстоятельствах дядя Вася, человек в суконых зимних ботинках, немолодой, небритый, нетрезвый, но существующий для увеселения публики. На беговую дорожку между полем и скамейками он выходил, как на манеж. Раскачиваясь и спотыкаясь отчасти по естественным причинам, отчасти для того, чтобы нравиться публике, он комментировал матч, философствовал, свернословил. Его выводили, но через некоторое время он появлялся снова. И публике он нравился, она его слушала и наблюдала за ним с удовольствием.

Кутулик на три дня погрузился в золотой футбольный бред, а финальная игра была назначена даже на четвертый день, на понедельник.

По вечерам после игр колхозные футболисты облачались в испанские штаны и большими компаниями бродили по главной улице.

ЗЕЛЕНЫЙ АРХИПЕЛАГ

За окнами — Лондон. Автобус замер. Не качнувшись. Как будто и не тормозил шофер, пропускающая поток транспорта. Гид не замирает ни на мгновение. Немолодая леди серьезно относится к делу: она рассказывает, рассказывает и рассказывает. Запас информации неисчерпаем — за окнами Лондон.

На углу — маленький сквер. Решетка. Калитка на замке. Гид поясняет: «Ключ от сквера получают жители близлежащих домов, кто вносит определенную плату. Например, пятнадцать фунтов в год... Это закрытый сквер. А парки у нас для публики открыты...»

Автобус плавно отчаливает. За окнами Лондон.

Блистательный, величественный, уверенный в себе. Столица величайшей из существовавших империй. Бывшей империи.

Исторический Лондон. Лондон Тюдоров и викторианский Лондон. Город, где родился рабочий класс и где Маркс писал «Капитал» — «Библию рабочего класса». Город, где Ленин редактировал «Искру» и где большевики проводили свой Пятый съезд.

ДЕМОНСТРАЦИЯ НА ОКСФОРДСТРИТ.

УЛИЦАЯ ТООРЛА

Индустриальный, портовый Лондон. Лондон театральный. Лондон банков. Лондон музеев.

И парков. Зеленый Лондон.

Путеводитель Кука («Томас Кук и сын, лимитед», популярнейшая туристическая компания в мире) наряду, скажем, с разделами «Лондон исторический» и «Лондон ночью» имеет и раздел «Парки Лондона». Корреспондент «Правды» Олег Орестов, многие годы работавший в столице Англии, пишет: «Обилие зелени в Лондоне поражает».

Реклама утверждает, что если и есть хотя бы одна особенность, отличающая Лондон от других европейских столиц, то это количество зелени в центре города. Похоже, что на этот раз реклама, «продающая» туристам достопримечательности столицы, не преувеличивает.

Зеленые пятна на карте города сливаются в зеленую цепь, и архипелаг этот всегда на пути — его не минуешь, куда бы ты ни направлялся. Незапыленная зелень парков. Яркая, свежая даже глухой осенней порой. По лужайкам можно бродить сколько душе угодно, можно бегать, прыгать, на них можно даже валяться, и газоны легко справляются с нашествиями жаждущих общения с природой — им все равно, и вечерняя свежесть травы, выдержавшей полчища посетителей, ничуть не уступает утренней, только что проснувшейся после ночного безлюдья.

Этим парки похожи один на другой. Можно, разумеется, без усилий обнаружить и другие общие черты, но сейчас мне хотелось бы припомнить иное — чем различаются лондонские парки.

Центр города. Здесь около Букингемского дворца как бы скрепленные общей точкой — памятником королеве Виктории — почти сливаются три парка: Королевский, Сент-Джеймс-парк и Грин-парк.

Наше путешествие начинается в Сент-Джеймс-парке, славящемся своими кустарниковыми аллеями. Когда-то, четыре с лишним века назад, во времена Генриха Восьмого, здесь были топики, болотистые места, их осушили, разбили парк, и теперь в парке прижились олени, а крошечные острова на озере стали птичьими заповедниками.

А рядом, за неширокой улицей и Мемориалом Виктории, — Грин-парк, задуманный Карлом Вторым как дополнение к Сент-Джеймс-парку. Эта тихая пристань, где не слышно шума транспорта, представляет собой треугольник, две одинаково длинные стороны которого значительно превосходят третью. Две улицы — Пикадилли и Конституиш-хилл — образуют острый угол, обращенный на запад, и в этом углу высятся Триумфальная ар-

ка, воздвигнутая в честь герцога Веллингтонского.

И снова едва вы, покинув Грин-парк, пересечете улицу, вас встретит новый парк. Пожалуй, самый известный — Гайд-парк. Чем знаменит он в первую очередь? Громадным озером, протяженность которого приближается к миле? Или своими несравненными лужайками и просторными рощами, где можно бродить целыми днями? Впрочем, ответ иной. Гайд-парк — это, конечно же, прежде всего «спикерс-корнер» — «уголок ораторов», где по субботам и воскресеньям с утра и до поздней ночи выступают все кому не лень. Говорят, что раз в году здесь можно услышать и такого человека, которому действительно есть что сказать. «Уголок ораторов», который Дэвид Фрост и Энтони Джей определили в книге «Англия — с любовью» как «убежище патентованных эксцентриков», несомненно, одна из самых остроумных и нахальных подделок под демократию.

А дальше, по ту сторону озера, Гайд-парк переходит в Кенсингтон-гарденс, крупнейший детский парк Лондона. В Круглом пруду ребяташки пускают игрушечные кораблики (люди постарше помнят, что когда-то Британию величали «владычицей морей»). Ближе к Гайд-парку стоит памятник Питеру Пэну, мальчугану, который никогда не взрослеет, одному из любимых литературных героев английской детворы.

Если от «уголка ораторов» пройти триста — четыреста метров по главной торговой улице города Оксфорд-стрит и затем свернуть налево, на Бейкер-стрит, где жил Шерлок Холмс, то спустя несколько минут вы попадете в Ридженс-парк. Двести пятьдесят гектаров этого зеленого острова, бывшего некогда местом королевской охоты, предлагают все многообразие развлечений — пруд для детей и озеро для взрослых, где можно не только плыть на лодках, но и скользить на яхтах под парусами. Есть здесь и открытый театр, вьюные и вишневые аллеи, игровые площадки и беговые дорожки и, наконец, на северной оконечности парка — зоосад. Здесь же птичьи вольеры лорда Сноудона.

Ричмонд-парк — крупнейший из королевских парков. По его аллеям бродят королевские олени и лани. Как и в Сент-Джеймс-парке, есть птичий заповедник. Баттерси-парк расположен к югу от главной зеленой цепи города, на другом берегу Темзы. Пожалуй, это самый веселый парк. Посетителей привлекает великое множество аттракционов, и именно в Баттерси-парке проводятся карнавалы.

Мы пропустили многие парки и зеленые скверы, не столь знаменитые и не столь большие. Мы не заглянули в Кеннингтон-парк и миновали Холланд-парк, не побывали и в Арчибишоп-парке: наш маршрут был проложен только через главные острова зеленого архипелага.

Флора безразлична к социальной географии, но социальная география, где улицы или квартал указывают на социальное положение человека, имеет самое непосредственное отношение к флоре, и потому тщетны попытки найти зеленые острова в Ист-Энде, рабочем районе Лондона. Тяжелый воздух этой части столицы отделяют от «легких» города мили узких улиц, на которых нет ни громадных королевских парков, ни маленьких частных скверов.

Пропасть между богатыми и бедными, между этими (по определению Дизраэли, лидера британских консерваторов конца прошлого века) «двумя нациями» Англии не сокращается, но увеличивается. И, право же, Лондон королевских парков далек от рабочих окраин столицы, как другая планета.

Маршруты Кука проходят в стороне от этих мест.

Владимир КАРПЕЦ

Пиросманашвили Деревья

Когда карачохели и духанцик
Застольную во здравие поют,
Друзья, лаваш на стол!
Играй, шарманщик:
Художника навечно продают.

Художника расливочно в придачу.
Еще один расписан погребок.
Стакан вина — последняя удача.
Сошедший в мир неумолимый бог.

В духанах пьют вино.
Цветет Мтацминда.
По Головинской шарит конный строй.
Так где же суть?
И где же это видно,
Чтобы клеенка спорила с зарей?

Ты гол,
Ты ниц,
Ты, в общем, даже трезвый.
И дело проторело, как всегда.
Но ты творец,
И ты богаче Креза,
И над тобой не властвует беда.

У родника косуля с олененком.
Днявись и смейся, дюжий ротозей:
Ведь голод и безмолье на клеенке
Предстали кутежом пяти князей.

В стакане кахетинское танцует,
Майдан татарский сказки говорит,
Кинто взасос красавицу целует,
А твой огонь по-прежнему горит.

И ты один.
Над полночью тифлисской
Такая сокровеннейшая тишь...
Но погоди:
Весь мир предстанет близким.
И ты войдешь и в Лондон и в Париж.

И пусть потом твой мир в миры чужие
Экзотикой восточною войдет.
Не верь:
Ты высший царь.
Цари земные
Лишь временны — и царство их пройдет.

Притихла потревоженная конка.
В подвале спит ночной тифлисский вор.
Раскрашенная заревом клеенка
Ведет с эпохой равный разговор.

Всю ночь сентябрь умирал,
А поутру, увеселя глянецом,
Он перелески озарял
Своими чахоточным румянцем.

Его знобило и трясло,
И в перепад температуры
Его, как в обморок, несло —
Недвижный, горестный и хмурый.

То вдруг затихнет и во сне
Чуть забормочет в память лета,
А то в отверстой тишине
Прозреет изморозью света.

Ему открыты все пути,
Все перепутья и дороги,
Лети, последний лист, лети
Березам и дубам под ноги!

Деревья не ведают наших забот,
не требуют выгод, соблазнов и льгот.

Они неприкаяны среди суеты,
когда на прощанье роняют листья.

Прильни до пришествия лучшей поры
к пластам почерневшей шершавой коры.

А если деревья застыли во сне,
то снова воскреснут они по весне.

В ущелье полдень нависает
Горячим полумраком скал.
И горная река босая
Бежит сквозь каменный оскал.

Который час? Который месяц?
Который век среди лесов?
Река неудержимо месит
Столетний оползень часов.

Их нет. Они остановились.
И мне рассказывает лес
О том, что горы с небом сплелись
И сосны с вышиной небес.

И свет лучей, на травы павший,
Навеки к скалам пригвожден,
И я, Антей, к земле припавший,
От бега бурь освобожден.

И в ожиданье звездопада,
До ночи трогая леса,
В дубах цитируют цикады
На память птичий голоса.

Краски

Зурабу
ЦЕРЕТЕЛИ

По воле рока или человека,
Как завещали горы и цветы,
Художник разложил палитру века —
И заиграли красками холсты.

Творец природы, Грузией рожденный,
Тебе за все назначена цена
По высшей мерке, не по уцененной,
Ведь краски — это значит глубина.

Они — в руках играющее дело,
Когда выходит на грузинский пир
Твой желтый мир, твой красный мир,
твой белый,
Твой многоцветный,
в детство впавший мир.

Светитесь, краски, лейтесь, словно звуки,
Над красочной землею без прикрас:
У мастера для вас душа и руки,
И боль, и труд, и целостность — для вас.

Для вас к камням склонилось в озаренье
Художника смущенное чело,
Чтоб мир светился красками прозренья
Вонзавствующей серости назло.

Рисунок Светланы ШИЛОВОЙ

ПРОГУЛКИ ПО КУТУЛИКУ

ПРОГУЛКА ТРЕТЬЯ. НОЧНАЯ

Новый Дом культуры — солидное каменное здание с большим залом, фойе, изрядным количеством комнат, в нем свободно поместился бы целый театр. Я отправился туда в первый же вечер и попал на концерт. Зал был набит битком. На сцене молодая, красиво одетая женщина исполняла народные песни. Аккомпанировали ей на баянах два парня. Пела она славно, а парни-аккомпаниаторы время от времени радостно улыбались. И я пожалел, что в эту минуту нет здесь со мной кого-нибудь чужого, незнакомца, кому я мог сейчас сказать: «Ну, каково у нас, в Кутулике?.. Вот так». Но человека такого рядом не было, и я молчал, полностью разделяя благоговейное внимание зрителей. Певица спела на «бис», раскланялась и удалилась. Потом вышел конференсье с довольно приличными манерами и объявил новую певицу с эстрадным квинтетом. «И квинтет имеется, — подумал я с удовольствием, — ничего себе, развернулись ребята».

И действительно, на сцене появились ребята, здоровые, как на подбор, и все с радостными улыбками. Неужели учителя, подумал я. Или агрономы? Они ударили какой-то мотив, и на сцену быстро вышла певица лет тридцати пяти, ярчайшая блондинка, полная, в коротком платье. Она с такой отвагой изображала семнадцатилетнюю девочку, что в голове у меня мелькнуло сомнение — кутуликская ли это программа? Квинтет прибавил духу, и понеслось.

— Гуси! Гуси! — вскрикивала певица, взмахивая полными белыми руками.

— Га! Га! Га! — откликался ей весь квинтет, радостно улыбаясь.

— Есть хотите? — спрашивала она у музыкантов лукавым голосом и обращалась к ним в этот момент.

— Да! Да! Да! — били музыканты.

Нет, не Кутулик, подумал я теперь уже с некоторым облегчением.

«Чей концерт?» — спросил я соседа. «Из Читы», — ответил он. Ага, подумал я, гастролеры. Песня мне показалась неоправданно длинной, давно уже все было ясно, а они все продолжали:

— Есть хотите?

— Конечно!

Действительно, это была развлекательная читинская эстрада. Далее был жонглер, эквилибристы, чтец-декламатор и прочее. Было тут и «парня в горы зови, тяни».

В Кутулике квинтета не оказалось. Оказались лишь танцы в фойе, радиоба, баян. Больше ничего.

На танцы народу в клуб собирается немного, да и, правду сказать, танцы скучные. На баяне играет сам художественный руководитель Дома культуры, молодой симпатичный человек. Едва ли справедливо одного его упрекать в том, что в Кутулике нет квинтета, драмкружка и многого другого, что могло бы быть при районном клубе. Но, по-моему, есть смысл привести здесь одно, как мне кажется, весьма характерное суждение молодого художественного руководителя. Появившись в Кутулике недавно и, очевидно, совершенно справедливо требуя для себя квартиру, он, как мне рассказали, в объяснениях с начальством нажимал главным образом на то обстоятельство, что не имеет в его положении квартиры несолидно. Как видите, обычные и печально однообразные в таком деле доводы «негде жить, невозможно работать» в данном случае уступили место аргументу новому, куда более «тонкому» и «возвышенному» — несолидно. Этот аргумент, если принять во внимание, что так много не хватает повсюду квартир, чтобы в них просто-напросто жить, аргумент с первого взгляда вроде бы комичный. Но, как подумаешь, смеяться, получается, тут вовсе нечему. Выходит, не смеяться надо, а даже наоборот, надо печалиться, что пришел такой аргумент в голову молодому симпатичному специалисту.

Но вернемся на танцы. Я думаю, что самые страстные поклонники танцев — это как раз те, кто, присутствуя на танцах, в танцах не участвуют. Встретить их можно почти всюду, есть они и в Кутуликском клубе.

Ростом уже немаленькие, но по-детски еще худые и угловатые, они стоят у выхода из фойе, разговаривают между собой и занимаются как бы больше всего друг другом, своей компанией, тем самым явно выказывая равнодушие к танцам. Вы там, дескать, давайте шаркайте, протирайте сколько влезет полы, они казенные, а мы тут малость постоим, поговорим, у нас дела поважнее. На самом деле не думают они ни о чем, кроме танцев, и ничего, кроме танцев, не видят. Взгляды, которые бросают они как бы вскользь на сидящих вдоль стены девочек, выдаю их с головы до пят. Воображение их кипит, нервы напряжены, в головах бродят угрюмые, недетские мысли. Драма, которую переживает эта компания, называется несовершеннолетие.

Бывают у них, наверное, и свои танцы — в школе, на именинах, но танцы в Доме культуры, о, это совсем другое. Это взрослые танцы. Здесь, в ярко освещенном зале, собрался народ разный: девочки из сельхозучилища, юные, но уже довольно самостоятельные, в коротких юбках, вольно причесанные, сидящие вдоль зала чинно, неприступно, но, несомненно, в ожидании интересных и значительных знакомств; молодые специалистки, модные, чуть чопорные, но полностью уже самостоятельные; две молодые женщины, заехавшие в Кутулик в гости, веселые, свободные, ярко накрашенные, в одинаковых белых юбках — уже окончательно самостоятельные, дачницы, как я их назвал про себя. Словом, здесь возможности, тайны, надежды и все, что так привлекает сюда этих ребят, смиренно толпящихся у входа. И если кто-нибудь — самый отчаянный из них — подойдет, наконец, к женщине и пригласит ее танцевать и если она ему не откажет, как они будут ему завидовать и как будут скрывать свою зависть!

Они несколько раз куда-то исчезали, но к концу танцев снова собрались все у дверей. Танцевать никто из них так и не напустился. А вот уже балетист оборвал вальс, поднялся и вдруг заиграл в бешеном темпе фокстрот, «вышибаловку», как раньше тут говорили, — это означало, что танцы окончены. Подростки вышли первыми. Ну вот, подумал я, еще один вечер закончился для них разочарованием. Они, думал я, разошлись, и каждый свою тайную досаду несет сейчас домой, где родители, возможно, будут удивляться: где, интересно, сынок так долго проходил и почему он вернулся такой злой? Так думал я, но, увы, заблуждался.

Было темно, дхота не проходила, и чувствовалось, что облака над головой низкие и тяжелые. Собирался дождь. Я шел в гостиницу, передо мной в темноте шли две девушки в большой компании парней. В девушках по белеющим в темноте юбкам я опознал дачниц, парни были скрыты мраком ночи. Невольно я слышал их разговоры. Судя по разговорам, молодые люди еще не были с девушками знакомы. Однако беседу они затеяли такую непринужденную, что бойкие дачницы, чувствуя, дрогнули и смутились. В выражениях ребята не

стеснялись себя совершенно. Их виды на ближайшее будущее оказались настолько дерзкими и высказаны были так прямолинейно, что девушки замолчали и прибавили шагу. Они явно побаивались. Парни не отставали.

В это время компания оказалась под фонарем, который сиротливо покачивался на столбе против отделения милиции. Девочки пробежали бегом, парни под фонарем остановились, и неожиданно я узнал в них тех самых подростков, которые все танцы смирно простояли у дверей.

Да, по домам они не разошлись, и переживания, которые я приписывал им в своих мыслях, на самом деле были не такими уж страшными и вовсе не тайными. Я думал об одном, эти оказались другими. Словом, драмы не вышло, вышел фарс да и притом весьма скверный.

Я узнал, что по ночам здесь иногда пошаливают, нет, нет да кого-нибудь отработают, а из разговоров с работниками милиции, суда и прокуратуры выяснилось, что изрядную часть хлопот суду и милиции создают молодые люди, в особенности лица рождения пятидесятого — пятьдесят четвертого годов.

При сем обращает на себя внимание то обстоятельство, что учащаются случаи преступлений, совершаемых без явных на то мотивов. То есть бывает так, что воруют, например, не с целью наживы и обогащения, но больше как бы для развлечения, а хулиганят порой как-то особенно бессмысленно. Иные проступки не сразу объяснишь, и бывает, что они с трудом поддаются определению суда. В моем блокноте есть такие факты.

Здесь шумело дело о хулиганстве, бесчинстве и воровстве, учиненных пятью черемховскими школьниками в деревне Табарсук, что находится неподалеку от Кутулика. Вот это дело кратце. В ночь под новый, 1968 год два пятиклассника, два семиклассника и студент первого курса горного техникума из Черемхова прибыли поездом в Кутулик, а по прибытии пешком направились в деревню Табарсук. В Табарсуке они забрались в пустую школу, где учинили ряд бессмысленных безобразий, часть из которых непристойна и не подлежит описанию. Кроме того, они разбили там патефонные пластинки, разбросали и растоптали ногами приготовленные для школьного утренняя новгородские завтраки. Затем ограбили дом председателя и колхозника Вязьмина и ушли в село Большая Ерма, где снова устроились в школе. В Большой Ерме они топили печь классными журналами и тетрадями.

В подробностях это новгородное приключение удивляет не так грабежами, как цинизмом его юных участников. По сравнению с циничностью некоторых их проделок, не причинивших, кстати, никакого материального ущерба ни обществу, ни частным лицам, грабежи и воровство, то есть все материальные издержки этой истории, какими крупными бы они ни были, кажутся мне сущими пустяками...

Именно тут мои заметки подходят, как мне кажется, к логическому концу.

ПРОГУЛКА ПОСЛЕДНЯЯ

Происшествие в Табарсуке характерно также одной любопытной деталью, которой, как мне показалось, кутуличане придают явно преувеличенное значение. На стенах, в которых бесчинствовали хулиганы, они оставляли сакраментальную надпись: «Фантомас». И вот это обстоятельство для многих почему-то делалось объяснением всей этой истории и чуть ли не причиной ее. Ну да, говорили, показывают детям безнравственные заграничные фильмы, пожалуйте вам — результаты.

Вот как получается. Легко, весело и просто. Нет сомнения, что подобная мысль — родная дочь глупости и равнодушия, и появилась она специально для успокоения совести. Если не было бы этого забавного фильма, все в Табарсуке случилось бы в точности так, как случилось, разве только на стене вместо Фантомаса хулиганы написали бы что-нибудь попроще.

Дело не в Фантомасе. Фантомас — капля в море причин, из которых являются иногда дикие, порой жутковатые следствия. Поиски ответов на вопросы, как это могло случиться и кто в этом виноват, идут, как правило, по маршруту: родители — школа — улица. Комиссия идет к родителям, от родителей в школу, из школы на улицу, а на улице, естественно, разводит руками. Тут наша комиссия сталкивается с некоей неопределенностью, которую невозможно ни општрафовать, ни дать ей выговор, ни поставить на вид, — словом, неопределенность эту, называемую иногда средой, никак нельзя привлечь к ответственности.

Нельзя? Но почему нельзя? Можно. Ведь среда — это мы сами. Мы, взятые все вместе. А если так, то разве не среда каждый из нас в отдельности? Да, выходит, среда — это то, как каждый из нас работает, ест, пьет, что каждый из нас любит и чего не любит, во что верит и чему не верит, и, значит, каждый может спросить самого себя со всей строгостью: что в моей жизни, в моих мыслях, в моих поступках есть такого, что дурно отражается на других людях?

Спросите: ответить на этот вопрос, а потом жить по-новому? Как просто! Как легко на словах и как нелегко на деле.

Да, задать себе такой вопрос — не штука, ответить на него труднее, потому что в этом случае уже надо понимать, что хорошо и что плохо. Но какая сила нужна, чтобы от ответов и вопросов перейти к действию. Какая для этого нужна совесть, какая вера в лучшее, какое чувство справедливости, словом, сколько для этого нужно всего того, что называем мы духовным богатством человека!

Такого примерно рода мыслям предавался я, уезжая из Кутулика.

У блокпоста, в конце Первомайской улицы, мы, несколько пассажиров, расселись на траве в ожидании электрички. Нас было четверо. Полная, поминутно стонущая и охающая бабка, возвращающаяся в Черемхово из гостей, две девочки, направляющиеся в Ингарск подавать в техникум документы, и я. Было два часа дня — самая жара, все сидели молча и думали каждый о своем. Бабка одной рукой обнимала зеленое эмалированное ведро, из которого торчали луковые перья и хвосты редиски. Электричка запаздывала, ожидание становилось томительным, но тут неожиданно нас развлекли вертолеты. Они появились из-за березового перелеска и летели над полотном, прямо над нами. Сначала пролетело три, потом еще три, потом еще и так — пятнадцать вертолетов. Тени их одна за другой прыгали по крышам Первомайской улицы, и от этого казалось, что дома и сама улица тоже пришли в движение. Бабка как-то украдкой перекрестила себя, а потом, совсем уже чуть заметно, одним почти движением, — тройку вертолетов.

Да, продолжал я свои размышления, конечно, прежде всего человеку нужны еда, одежда и крыша над головой. Но не хлебом единым жив человек, гласит старинная истина. Истинной она была в старину, истинной она остается и по сей день. И особенное значение она, на мой взгляд, приобретает сейчас, когда крыши наши становятся поновей, еда посытнее, одежда покрасивее.

Пришла электричка, и мы уехали.

ПРОШУ СЛОВА!

Начало на 19-й стр.

вполне благополучная компания, разгоряченная алкоголем, под влиянием инициатора, желающего «встряхнуть», «развлечься», впадает в дикое озорство, перерастающее в преступление, ничем не обусловленное и вроде бы даже неожиданное для данного контингента...

И вот запретная черта позади. Что же дальше? Угрызения совести, борьба с собой, душевные метания, самоочищение? Да, если наступила расплата. А если удалось ее избежать? Тогда раскаяние наступит редко.

Возьмем группу, о которой написал Г. Абрамов. В принципе это то же самое — аморфность жизненных принципов и в силу этого отсутствие сдерживающих начал, готовность следовать за всяким, кто возьмет на себя роль «вожака». Добавьте к этому винные пары, затрудняющие самоконтроль.

Взрослые, образованные люди от скуки решили провести эксперимент над незнакомыми людьми, у каждого из которых свои дела, заботы, надежды, беды и радости, своя семья. В этом эксперименте прохожим отведена роль подопытного материала, а себе они уготовили роль «исследователей».

Вызывая в людях страх — чувство в общем-то противоестественное, но в данной ситуации вполне объяснимое, с учетом времени, обстановки и соотношения сил, — троица упивалась и объединялась их страхом; унижение страхом было способом самовозвышения.

И не были помехой этому инженерные дипломы и образованность, примерное поведение в «урочные» часы. Можно было по-прежнему считать себя хорошим человеком, «активно участвующим в общественно-производственной жизни». Для этого ведь надо так мало: приходиться вовремя на работу, не пьянствовать в рабочее время, аккуратно платить членские взносы, посещать собрания... Внутреннее перерождение человека в его характеристике не отражается, поэтому, когда читаешь уголовные дела, контраст между характеристиками виновного и его деяниями настолько разительен, что он представляется перевертышем, оборотнем, который днем не отличается от обычных людей, а ночью принимает совершенно иной, жуткий облик.

Описанное Г. Абрамовым — только модель, предполагаемый вариант, один из многих возможных. В этой модели мы видим расклевывшихся «героев». А как обстоит дело в действительности?

Ведь существует реальная опасность, что назавтра у троицы включится подсознательный защитный механизм, и происшедшее вчера покажется просто безобидной глупостью: дескать, мало ли что сделаешь по пьянке...

Это характерно для определенной категории людей. Совершивший три разбойных нападения некий Демиденко, ознакомившись с юридической квалификацией своих действий, вполне искренне рассмеялся: «Это я, что ли, разбойник? Ну и придумали! Разбойники — это которые на инкассаторов с автоматом. А я так... Подумаешь, снял часы. А ножик держал для испуга, разве б стал им резать?»

Бывает, даже многократно судимые, как говорится, «отпетые», особо опасные рецидивисты тоже не считают себя «настоящими преступниками», а просто несчастными людьми, жизнь которых не удалась. Но все-таки тот свой самый первый шаг они помнят и втайне жалеют о нем.

И было бы хорошо, если бы над этим задумались те, кто вплотную подошел к черте, отделяющей нормальную человеческую жизнь от другой жизни, противоестественной и страшной.

**Д. КОРЕЦКИЙ, старший научный сотрудник
Центральной северокавказской научно-исследовательской криминалистической лаборатории
Министерства юстиции РСФСР,
Ростов-на-Дону**

ПРЕСТУПЛЕНИЮ — НАКАЗАНИЕ!

Письмо инженера Геннадия Абрамова «Невеселое веселье», опубликованное в рубрике «Прошу слова», не напрасно заинтересовало читателей. Его содержание дало хороший повод поразмышлять об острых и сложных вопросах, касающихся каждого из нас. Мы

не случайно употребили глагол «размышлять», к этому нас призывает редколлегия журнала, а главное — те случаи антиобщественного, аморального поведения, сталкиваясь с которыми приходится чаще, чем хочется.

Нужно полностью разделить искреннее возмущение читателей, осудивших «героев» из письма Г. Абрамова. Судя по их действиям, они не просто заблудшие и невоспитанные люди, совершившие бестактный поступок, а преступники. (Суд, конечно, должен был бы выяснить и ряд дополнительных обстоятельств, которые могли бы повлиять на квалификацию преступления и меру наказания.) Окружив человека на тропинке, где в тот момент не было прохожих, толкая его и не давая пройти, эти трое парней создали ситуацию, в которой реальной стала и угроза большего физического насилия, то есть, как говорят в таких случаях юристы, применили психическое насилие. Один из соучастников незаконно завладел чужим имуществом — часами, очками и деньгами — и отбросил их в кусты, то есть распорядился ими, выражаясь языком юриспруденции, как своими собственными. Все это в целом и составляет преступление, предусмотренное статьей 145 УК РСФСР — открытое похищение личного имущества граждан (грабеж). В данном случае это преступление совершено еще и по предварительному сговору группой лиц и соединено с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего, — ответственность за него повышается и предусматривается частью второй статьи 145 УК РСФСР. Наказывается это преступление лишением свободы на срок до семи лет.

Сложнее обстоит дело со вторым эпизодом. Здесь развитие событий было прервано ударом второго остановленного мужчины. Но мы видим, что и в этом случае их ход мог привести к одному из преступлений, именуемых преступлениями против жизни и здоровья личности, либо к уголовно наказуемому хулиганству.

О юридической оценке действий трех лиц следует помнить непременно. Многие же читатели, рассуждая об их поступке, меняют акценты и переводят содеянное в разряд чисто этических, моральных проступков. Но черное — это черное, и во всех случаях личностности на интересы государства, общества, личности следует называть только так, как их называет закон. А закон четко отделяет преступление от правонарушения, а правонарушение — от нарушения норм морали и нравственности.

Вполне справедливо в центре внимания читателей оказался вопрос: как все это происходит, что приводит людей к такому поведению?

Подчас нас раздражает нелогичность происходящего, бессмысленность тех или иных действий окружающих нас людей. Хотелось бы найти понятные истоки поведения, объяснить его какими-то отрицательными внешними факторами, внешними условиями жизни, в особенности теми, которые нам почему-то глубоко несимпатичны. В общем, такие объяснения нередко оказываются верными и достаточными, но иногда они подводят нас. Попытки объяснить хулиганское поведение молодого человека его модной одеждой или высоким жизненным уровнем, а отсталые взгляды — интересом к жизни спортсменов или артистов, — эти попытки оказываются неубедительными. Научный подход к делу не позволяет видеть причины преступности и иного антиобщественного поведения только в таких внешних признаках.

Данные многих исследований позволяют нам сказать, что истоки антиобщественного поведения молодежи в настоящее время следует искать в социально-психологическом инфантилизме личности, в отсутствии навыков социального поведения, психологической нетренированности человека. Если взять приведенный Г. Абрамовым случай, то можно легко видеть, как «шатало» его героев. Их поступки совершались просто так, необдуманно, без осознания последствий. Привести к друзьям незнакомую девушку, не подумав, как будут себя чувствовать и друзья и девушка, пойти просить гитару, бездумно поносить в мыслях своих друзей — все это какой-то нерегулируемый поток сознания, двигательных актов, действий с неясными целями. Совершенно не исключено, что герои письма Г. Абрамова могли натворить и что-нибудь похлеще. Механизмы человеческого интеллекта здесь просто не включались.

Типично ли это? Увы, да. Наряду со сравнительно редкими подготовленными преступлениями исследования фиксируют гораздо более высокий процент преступлений бездумных, бессмысленных, не вызванных какими-либо существенными причинами. Давайте обратимся к фактам. По выборочным данным криминологов, сумма ущерба от каждой кражи, совершенной подростками, не превышает 10 рублей. Около 40—45 процентов тяжких преступлений против личности приходится на дни отдыха и зарплата, а на селе значительная часть преступлений совершается и в дни религиозных праздников. Типичность происходящего, описанного Г. Абрамовым, подтверждается и тем, что, по данным криминологического обследова-

ния, в 25 процентах случаев грабежей и разбойных нападений похищенное имущество вообще не реализовывалось. Преступники его просто бросали. Во всех этих фактах трудно усмотреть осознанное, обдуманное поведение.

Всякий поступок человека требует определенного осмысления. Во многих ситуациях оценка собственных намерений, их дозволенности или недозволенности совершается автоматически. В нормальных условиях человек привыкает поступать правильно. Советский ученый-криминолог В. Н. Кудрявцев пишет, что «развитие собственной личности требует энергии, трудолюбия, умения и не является столь уж легким делом». Вот эта сторона проблемы нередко нами игнорируется. Молодые люди не тренируют свои способности принимать собственные правильные решения, охотно подчиняются чужим, а в ситуации, требующей самостоятельности, оказываются беспомощными. Нетренированный интеллект у таких людей выключается или работает лишь на «два-три хода» вперед, перерабатывая крайне ограниченный объем информации.

Даже обычный здравый смысл показывает и подсказывает, что преступление элементарно невыгодно тому, кто его совершает. Разоблачение обычно наступает довольно быстро, наказания предусмотрены законом достаточно суровые. Исследования механизма принятия решения о совершении убийства и разбойных нападений показали, что в каждом случае преступник мог найти правомерный, то есть непроступный, выход из положения, в котором он оказался (например, в момент ссоры, вспышки ревности и т. п.).

Разумеется, преодоление социального инфантилизма — задача не простая. Жизнь — это не шахматная доска, и научиться делать правильные ходы здесь сложнее. Но много пути нет. Общество развитого социализма представляет широкий простор для развития личности. Наша задача — научиться использовать эти возможности.

Что же следует делать, чтобы не повторялись случаи, подобные описанному? Здесь нет ответа, который был бы пригоден для всех случаев жизни. Журнал «Смена» потому и поступил правильно, опубликовав письмо Г. Абрамова, что сейчас нужны совместные размышления, учитывающие особенности отдельных случаев, конкретных людей, размышления, основанные на богатом коллективном опыте. Наука, в частности советская криминология, может дать исходные положения для решения вопроса, выработать правильные пути подхода к нему, обеспечить информацией «к размышлению», но в реальной жизни, в каждом конкретном случае человек принимает решения самостоятельно.

Вместе с тем, проявляя взаимную терпимость в вопросах, решение которых не затрагивает наши принципы и нормы коммунистической морали, мы, видимо, сегодня должны сделать особый упор на взаимное воспитание ответственности за свои поступки, суждения и поведение в целом. Конечно, здесь важную роль может сыграть пропаганда права, а также восполнение пробелов гуманитарного образования и т. п. И все же никакие мероприятия сами по себе не окажутся достаточными, так как нельзя постоянно рассчитывать на внешние силы: на кого-то, кто разъяснит, обучит, наставит.

Следует вести дело к тому, чтобы молодой человек всегда и везде помнил, что он несет ответственность перед собой, товарищами, обществом за все сказанное и сделанное, что в любом случае каждый имеет возможность обдумать свое поведение и согласовать его с интересами общества и своими. Нужно требовать, чтобы человек учился задумываться, а не заданен ли он своим поступком интересы других людей и общества в целом.

Для этого необходимо шире использовать возможности нашего неформального социального контроля, чаще анализировать житейские ситуации с позиций соответствия наших поступков понятиям чести, долга, совести, закона. Конечно, если кому-то не нравятся конкретные современные поэты, то, пожалуй, с этим надо примириться. Но там, где доказывают, что «Жигули» важнее Пушкина, есть необходимость научить человека думать. Видимо, можно примириться и с длиной волос, если они чисто вымыты, но там, где человек склонен к сплетням, клевете, бездумному повторению чуждых нам «идеок», тоже есть основания для взаимно полезного разговора.

Молодежь в нашей стране обеспечена необходимой помощью и поддержкой. Марксистско-ленинская наука, опыт старшего поколения, примеры высокоморального поведения делают задачу преодоления социально-психологического инфантилизма вполне реальной. Но именно на этой основе труд по самосовершенствованию становится и все более необходимым и все более эффективным.

А. ЖАЛИНСКИЙ, кандидат юридических наук, доцент ВНИИ МВД СССР

**О. ДУБОВИК, кандидат юридических наук
Института государства и права АН СССР**

МНОГОТОЧИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУДЬБЫ

Судьба свела меня с этим человеком за несколько часов до его смерти. Ах, если бы знать... Мы говорили по делу, не стремясь преодолеть барьера одних деловых отношений, речь шла о публикации в «Смене» повести «Фамильная реликвия»; о том, что и как надо бы доделать в рукописи, но доделывала повесть уже вдова писателя...

Почему мы всегда так заняты, куда-то спешим, поглощены заботами, которые не дают приблизиться друг к другу, ведь это так просто — приблизиться: люди же говорят меж собой, — что за беда, будто незнакомые, — люди же!.. Признаться откровенно, без реверансов задним — и запоздалым! — числом, короткий наш разговор с Анатолием Александровичем Жареновым склонил чашу весов в его пользу. Повесть нравилась, правда, требовала доработки, к тому же автора в журнале не видели в лицо, прислал он рукопись по почте с краткой запиской — как-то уже отвыкли мы от такого, — не настаивал ни на чем, не требовал и, скажем так, беспокойного отношения не создавал... Разговор наш тот начался вяловато, но вдруг в какой-то миг стало стыдно: вот человек, который ничего не требует, он просто написал хорошую повесть, нужны доделки, — что ж в том необычного? Я умолк, слушал человека, которого видел впервые, и услышал достоинство, увидел серьезность, увидел прямоту...

Пусть простит меня читатель за подробности нашей первой и единственной встречи. Пусть не осудит строго — не мало ли прав у меня, чтобы предвзвешивать публикацию его повести. Наверняка наберется немало людей, знавших Анатолия Александровича как следует. Но я берусь за это предисловие не из нескромности. Из чувства долга. Из чувства долга перед хорошим человеком и талантливым писателем. Надобно снять шляпу перед одним из тех скромных российских писателей, что живут вдали от столицы, работают кропотливо и совестно, приумножая достоинства отечественной словесности, не суетятся, не говорят громкоголосо о себе и от этого ничуть хуже не становятся, не становятся меньше, значительней.

Анатолий Александрович всего-навсего пять лет проработал на должности профессионала, в 1971 году вступив в члены Союза писателей. Опубликовал роман «Яблоко Немезиды», повести «Частный случай» и «Обратная теорема», еще один роман — «Парадокс великого Пта». Вот все, что увидело свет при его жизни. «Фамильную реликвию» публиковала вдова... Словом, Анатолий Александрович был вроде бы приверженцем детектива. Тому доказательство и повесть «Выстрел из прошлого».

Но вот что интересно. Детективы Жаренова написаны так, будто они вовсе и не детективы. Его книги серьезные, реалистичные, его интересуют характеры, их исследование... Его интересует социальная сфера, в которой живут его герои. После смерти Анатолия Александровича, неожиданной, происшедшей в поезде по дороге домой, в городок Новозыбков, я много раз мысленно пытался воссоздать его психологический и творческий портрет и всякий раз испытывал чувство неудовлетворенности. Что-то не сходилось. Не получалось из Жаренова только «детективчика» при всем уважении к этому жанру. Что-то оставалось в тени.

Потом я получила письмо от Софьи Иосифовны Пащковой, вдове писателя, в котором прочел очень важные строки. «Возможно, в литературе, — написала мне Софья Иосифовна, — точнее, в тех жанрах, в которых он работал, не раскрылись полностью его способности... В последние годы он настойчиво думал о социальном романе. Судьбы тех, кто пришел с войны, их ответственность перед невернувшимися и живущими, перед собой — вот что его волновало».

Это письмо послужило ключиком к моему пониманию личности Анатолия Александровича Жаренова. И я призываю читателя, после того, как он перевернет последнюю страницу «Выстрела из прошлого», обратить взгляд в туманную — теперь навсегда — даль несбывшихся замыслов писателя.

В Жаренове категории «человек» и «писатель» были слиты воедино и сплавлены намертво. Никаких раздвоений.

И здесь я, человек, не знавший Анатолия Александровича в быту, хочу предоставить слово его вдове, которая по моей просьбе специально для этого предисловия написала несколько строк. Сама Софья Иосифовна, а я с ней полностью согласен, называет их, несомненно, субъективными. Хочу лишь только заметить, что субъективность — весьма достойное человека свойство.

«Главные черты характера — скромность и порядочность, предельная честность и в мелочах и в самом серьезном. Если пообещает — непременно сдает. Но чаще делал, не давая обещаний.

Был он человеком несколько замкнутым, немногословным. На сближение с людьми шел трудно. Поэтому обычно в новом коллективе к нему поначалу относились настороженно. А по прошествии времени за ним неизменно устанавливалась репутация самого порядочного человека. Так было всюду, где мы с ним работали.

Анатолий Александрович был человеком широко, а бы сказала, энциклопедически образованным. Главным содержанием жизни его всегда была работа. А последнее время вообще работал без отдыха — словно чувствовал, что ему мало отмерено...

Был он гостеприимен, щедр. Охотно шел на помощь людям. Но сам старался не быть никому обязанным, никого ничем не обременял. Это было его незыблемым правилом и в личной жизни и в деловых отношениях.

При всей своей деликатности, мягкости (он многое умел людям прощать) был он не только принципиальным в истинном, высоком смысле этого слова, но и отважным. Он мог, если был убежден, что прав, выступить на собрании и сказать прямо, без уверток, что он думает по самому «скользкому» вопросу, не заботясь о том, что его точка зрения противоречит иным взглядам. Говорил всегда кратко, четко, определено. И при этом никакой крикливости, аффектации. Спокойно, доказательно, аргументированно. Был непримиримым противником демагогии.

Он остро чувствовал чужую боль. Любил животных. Бродячие псы всегда получали от него подачки под нашими окнами. У нас был Барс — восточноевропейская овчарка. После кумки — осложнение — начались припадки. Болел девять месяцев. Все наши старания вылечить ни к чему не привели. Барса разбил паралич. Три дня он лежал в столовой, не мог умереть, мы только переворачивали его с боку на бок да промывали пасть. А Анатолий Александрович сидел в спальне, и зубы у него подергивались. Барс был членом нашей семьи.

Неприятная черта характера — упрямство. Совершенно непреодолимое. Но где кончалась верность своим жизненным установкам и где начиналось упрямство, я так и не разобралась.

На этом можно и оборвать. Поставить точку. Но точку поставить невозможно. Даже закончившаяся жизнь хорошего человека имеет продолжение в других — в его близких, в данном случае — в его читателях.

Поэтому вместо точки я ставлю многоточие. Анатолий Александрович Жаренов был фронтовиком. Прошел войну от «а» до «я» — с 1941 до 1945 года. Человек, прошедший войну и взявший перо, чтобы сказать свое слово, не может сказать его всуе.

Слово это звучит, оно с нами.

В нем и заключено многоточие человеческой судьбы...

Альберт ЛИХАНОВ

Анатолий ЖАРЕНОВ

ПОВЕСТЬ

ВЫСТРЕЛ ИЗ ПРОШЛОГО

1. КЛЮЧЬЯ

Он вошел в дом и закрыл за собой дверь. Щелкнул замок. Человек постоял минуту, прислушиваясь к тишине, потом медленным, усталым движением снял плащ, сбросил тяжелые мокрые ботинки и сунул ноги в войлочные тапочки. Шагнул в кухню, рука машинально потянулась к выключателю, но он тут же отвел ее. Вышел в прихожую, принес толстый пакет, перетянутый резинкой, и положил его на пол возле печки. Подошел к окну, задернул поплотнее шторы. Чиркнула спичка. Сухая лучина вспыхнула сразу. Он поглядел на разгорающуюся пламя, вынул из белого шкафчика бутылку и рюмку. Наполнив ее, погрел в ладонях и медленно выпил. Затем придвинул табуретку к пылающему ночному зеву и взял за пакет.

Резинка первой полетела в огонь. Человек развернул пакет. На свет появилась рукопись. В глазах запылали буквы, складываясь в слова: «Когда-то, сотни тысяч лет назад, вся территория нашего края была покрыта ледниками...» Он не стал вчитываться в текст, снял верхний лист и отправил его в огонь.

Бумага вспыхнула, свернулась в черный невесомый комочек, который мгновенно раскалился докрасна и распался в серый прах, в золу, в ничто. За первым листком последовал второй, за ним третий, четвертый, пятый... Горела бумага. И вместе с ней горели мосты в прошлое; горело то, что невозможно было забыть, то, что хотелось стереть, уничтожить, развеять по ветру; то, что мешало жить... Бумажные мосты легко жечь...

Отца уже не было, когда Славка проснулся. Поглядел на часы и даже присвистнул — десять. И ложился вроде не поздно — не было еще двенадцати, когда вернулся из клуба. На столе ждал ужин, дверь отцовской комнаты была закрыта — знак, чтобы его не тревожили. Славка без особого аппетита уничтожил холодную яичницу, запил ее молоком и завалился в постель. Хотел было почитать Франса, но толстый зеленый томик быстро вывалился из рук. «Скучновато писал мастер слова, — лениво подумал Леснев-младший, гася свет, — а может, не в нем дело, не в мастере слова, а во мне... Во всяком случае, Люська, подбрось я ей эту мыслешку, непременно сказала бы, что дело во мне: она любит меня воспитывать...»

Люськой зовет ее Леснев-младший потому, что ей это нравится. Людочку она терпеть не может — слишком сладко, а Люся, по ее мнению, звучит чересчур сухо. Вчера, впрочем, он величал ее Людмилой Павловной. Вчера они немного поцупались. Повод был ничтожный, но Люська что-то вообразила, и они расстались, как любит выражаться Славка, без вздохов, поцелуев и молитв. В таких случаях в причинах разобраться невозможно, решил он и не стал доискиваться, откуда что пошло. Говорили о Сашке. Люська восторгалась его целеустремленностью, а Славка, кажется, не к месту засмеялся. Ну, и задымил костерок.

Раздумывая, вставать или еще поваляться, Славка следил за солнечным зайчиком, который тихонько подбирался к посуде в буфете. Потом сбросил одеяло и прошлепал босиком в кухню. У отца приличный домик, но кое-каких удобств недостает. Нылка, хоть и украшена городскими светильниками, похожими на очковых змей, вставших на хвост, поселок в основном деревянный, одноэтажный. Историю свою Нылка ведет со времен николаевского раскола. Сюда, в леса, бежали приверженцы протопопа Аввакума, спасаясь от преследований официальной церкви. Здесь они решили укрыться

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

от нововведений ученого патриарха, замкнуться в своей вере, обычаях и обрядах, наивно полагая, что изоляция от внешнего мира поможет уберечь их, сохранить в неприкосновенности. Но, прожив несколько сот лет, как любит выражаться Люська, в духовном инбридинге, старожилы за последние десятилетия крепко изменились. Попадают, правда, еще здесь благообразные старички в чудных картузах. По праздникам они бьют поклоны в молельной, а по субботам парятся до седьмого пота в курных банях на огородах. Есть и такие, что едят только из персональной посуды, но и эти могикане успели привыкнуть к телевизору и не умеют обходиться без электричества.

«Из-за Сашки поцапались, вот еще...» — досадливо поморщился Славка, вспомнив вчерашнюю размолвку с Люськой.

В прошлом году Сашка копался в раскольничьих книгах, которыми с помощью межбиблиотечного абонеента его снабжала Люська. А нынче увлекся чем-то другим, но чем именно — непонятно. Чудной он парень, Сашка Мямлин. У родителей приличная квартира в Калуге, а он, как приехал после культ-просветучилища в Нылку, так и застрял тут. Должность незавидная — заведующий Домом культуры, образования явный недостаток, живет в развалюшке у глухой бабки на краю поселка — и доволен. В двадцать семь можно бы и поумнее быть и о перспективе подумать. Где-то я его, впрочем, понимаю, рассуждал Леснев-младший, может, поэтому и тянет меня иногда к нему. А вот батя мой с некоторых пор Сашку не одобряет. Перешел ему дорогу Сашка, увел у бати из-под носа Анечку Спицыну, брюнеточку-экономисточку с сушильного завода. Батя ей шоколадки и цветочки дарил, с работы до дома за три километра провожал и совсем было этой весной собрался предложение сделать, а Анечка вдруг свою любовную лодку к Сашке погнала. И батя совершенно испортился. Пять лет после смерти матери жил спокойно, а теперь... Да что тут говорить — скрутила старичка безответная любовь не хуже подагры.

Вот с такими мыслями вышел Леснев-младший из дома. На крыльце сохли отцовские ботинки. Рядом стояли резиновые сапоги. Славка вдел в них ноги и сходил в конец двора к деревянной будочке, предназначенной для известных нужд. Потом потолковал через забор с соседом. Тот ладил машину, именуемую в просторечии тачкой. Покурили и поговорили о тачке. Этот механизм был нужен соседу для транспортировки сена из стога, который возвышался за огородом. А сено требовалось корове, которая, как выяснилось, сжирает массу корма, а молока дает мало.

У соседа были свои трудности, у Славки — студента-медика — свои. И он подумал, что с удовольствием одолжил бы у соседа тачку, чтобы погрузить на нее свои трудности и отвезти куда-нибудь подальше. Да вот не поместятся они, пожалуй, на тележку, надо понадежнее транспорт искать. Такой причем, чтобы на этом возке и для Люськи место нашлось. Если говорить честно, Славка, в общем-то, из-за нее, Люськи, в Нылку приехал. И в прошлом году из-за нее приезжал и в позапрошлом. Отец к его наездам стал с некоторых пор относиться довольно прохладно. Сначала Славка не понимал почему. Потом сообразил, что целится Леснев-старший сына молодой мачехой обеспечить и одновременно опасается. Задумай Славка в Нылке осесть и на Люську жениться, отцу пришлось бы потесниться, а ему это совсем ни к чему, он планировал все хоромы целиком в распоряжение Анечки предоставить. Нынче даже сделал крупный шаг по пути устранения противоречий между городом и деревней — переоборудовал кладовку в ванную комнату. Стенки выложил белым кафелем, в кухне установил водогрейную колонку, сделал слив местного значения, словом, благоустроился. Реконструкцию Леснев-старший производил, конечно, не столько для себя, сколько для Анечки. Но она пренебрегла.

Летом и ближе к осени Нылка пахнет уксусом. И стар и млад по утрам вооружаются лубяными корзинами и бегут в лес, обступивший поселок со всех сторон. Возвращаются нагруженные рыжкими лисичками, ядреными белыми, блестящими влажными маслтами. В середине дня вся эта масса грибов валится в котлы на грибоварочных пунктах. Вот тогда-то и поднимается над Нылкой уксусный дух.

В детстве Славка любил ходить в лес. Потом появились другие интересы. Но в это ясное, теплое утро ему вдруг захотелось пробежаться по старым местам. Прикинул, кого пригласить в компаньоны, и остановился на Сашке. Днем ему в Доме культуры делать нечего. Ну, а если не удастся уговорить, можно сходить и одному, не заблудится. Корзину решил не брать, чтобы не смешить Нылку: здесь за грибами выходят затемно. Нашел кошелку и двинулся по длинной улице. Торопиться особенно было некуда, и Славка минут пять поболтал о том о сем с

сослуживцем отца — кассиром сушильного завода Выходцевым. Стариком орудовал миниатюрными граблями в палисаднике перед домом. Увидев Леснева-младшего, он аккуратно повесил грабли на штaketник. Потолковали о цветах, о погоде, о болезнях. Старик больше нажимал на болезни, пожаловался на почки, которые ослабли, и еще на что-то, но Славка особенно не прислушивался и не запомнил всего перечня выходцевских хворей. Поинтересовался только, почему Евгений Васильевич не на работе, не вышел ли часом на пенсию. Но тот сообщил, что до пенсии ему трубить еще целый год, а сейчас он просто в отпуске.

Он снова взялся за грабельки, а парень пошел дальше и до самого Сашкиного жилища больше ни с кем не разговаривал. Дал только сигарету Грише-дурачку. Этому мужику около сорока. В юности из него вышел бы классный баскетболист, да вот... Не может Гриша ни читать, ни писать, ни слова выговаривать. Возили его когда-то по больницам, потом отступились. Так и остался Гриша поселковым дурачком. Бродит, высматривает, где люди собираются яму копать: и уж если высмотрит, от этого места его никакими силами не прогнать. Встанет около ямы столбом, смотрит, и лицо у него в это время делается каким-то просветленным. Слово ждет, что вот вынут люди сейчас из ямы что-то такое, что позарез Грише необходимо, без чего жизнь не в жизнь. Нылкинцам его поведение не сильно нравится, потому что Гриша ни один похороны не пропускает. А кому приятно, когда человек, хоть и знает все, что он не в себе, ухмыляется, стоя над разверстой могилой? И прогнать его невозможно — мужик сразу звереет, а кулаки у него подпрыгивают, свяжешься — поплачешь.

В разное время разные люди пытались как-то объяснить Гришину странность. Но объяснения не доказательства, предполагать можно что угодно, а истина все равно оставалась наглухо запечатанной в Гришиной голове. Если она есть, конечно, эта истина. Сашка считает, что есть. Он не был бы Сашкой, если бы думал иначе или хотя бы жил в ладу с логикой. Но у него с этой особой, по мнению Славки, сильно запутанные отношения. Недели две назад Леснев-младший застал его за странным занятием. Сашка накопал ямок на бакинском подворье, накидал в них разных предметов, вплоть до ассигнаций, прикрыл все это землей, позвал Гришу и стал извлекать добро из ямы. Гриша, ясное дело, радовался, потом что-то на своем тарабарском языке лопотал, заглядывал в ямки, но к вещам, которые появились на свет, относился с явным безразличием. Он несколько оживился, когда Сашка выкопал собачью цепочку. Гриша схватил ее, накинул Саше на шею, поплясал вокруг изумленного парня, а потом... В общем, этот психологический эксперимент чуть не закончился генеральным побоищем: не будь Славки рядом, Гриша, пожалуй, задушил бы Сашку этой цепочкой. «Мне казалось, в Нылке только один дурак», — сказал Леснев-младший, когда они присели на завалинку отдышаться. — «Что это за идиотские опыты?» Мямлин долго молчал, потом сказал: «Ты этого не поймешь». «А ты, ты-то сам понимаешь?» Сашка вздохнул, покачал головой. «Очень мало», — признался он. — «И я тебя попрошу: не говори никому об этом опыте. Мне кажется...» «Что кажется?» — спросил Леснев. «Да нет, ничего. — Он улыбнулся каким-то своим мыслям. — Может, я ошибаюсь, может, тут что-то другое». «Но чего ты доби-вался?» Мямлин удивился: «Как, то есть, чего? Хотел узнать, можно ли с Гришей поговорить». «Ну и как, — осведомился Леснев, — узнал?» Сашка помолчал, потом задумчиво произнес: «Поторопился я, надо было другую цепочку взять». На этом и ушла эта содержательная беседа молодых людей. Однако Славка дал слово никому не говорить о том, чему пришлось быть свидетелем. Но в голову эта картинка запала. Да и кому такое не западет в голову? В тот день, правда, Лесневу-младшему все это представлялось очередным Сашкиным «бзиком», не больше. Потом он стал думать иначе.

Глуховатая бабка дремала на солнышке, сидя на крыльце своей хаты. Славка поставил кошелку на землю и спросил, дома ли квартирант. Осведомляться пришлось во весь голос, но бабка только потрясла головой, повязанной двумя ситцевыми платками, и сердито сказала, что Сашка с ночи не показывался. Парень поинтересовался, как нужно понимать эту загадочную фразу, и после серии наводящих вопросов выяснил, что нынешней ночью в бакинском доме произошло некое непонятное событие. Часов у бабки нет, поэтому сказать, когда квартирант возвратился, она не могла. Она спала на своей половине, слышать ничего не слышала, поскольку давно туга на ухо, однако о том, что ночью Сашка приходил домой, знала. О его появлении бабку всегда извещали половицы. Доски колебались, и в такт шагам квартиранта колебалась бабкина кровать, хоть Сашка и старался ступать

поаккуратнее и раздевался в темноте, чтобы не тревожить хозяйку.

В эту ночь он, едва войдя в дом, включил электричество. Бабка заявила, что парень был пьян и не иначе, как в стельку, потому что учудил такую штуку, за которую голову оторвать — и то мало. Когда бабка встала утром и собралась идти к корове, то обнаружила, что дверь комнаты не открывается. Подумала было, что «нутряной замок» сломался — такое случалось, но вскоре сообразила, что дело не в замке, что просто Сашка задвинул щеколду со стороны своей комнаты, оставив бабке лишь один выход — через окно. Она долго стучала в дверь скалкой — квартирант не отзывался. Спустив на парня всех чертей, обитающих в пекле, бабка полезла в окно. Она намеревалась устроить ему веселенькое пробуждение, но из этого ничего не вышло: Сашки в доме не оказалось.

Возле крыльца подсохла лужа. Она напомнила Лесневу-младшему о том, что ночью шел дождь. Напрашивалось разумное объяснение: Саша гулял с Анечкой, и дождь загнал влюбленных под крышу. Что касается щеколды, то тут раздумывать было не о чем. Сашка довольно рассеянный субъект, он просто забыл отодвинуть щеколду. А если учесть Анечку, которая была рядом и, так сказать, усугубляла своим присутствием эту рассеянность, то оставалось лишь посочувствовать бабке, содравшей кожу на руке, и отправиться в лес.

Вместо этого Славка обошел бабку и поднялся на крыльцо. Что толкнуло его зайти в дом, он потом никак объяснить не мог. Пошел — и все. Постоял какое-то время на пороге, затем шагнул в комнату. Все здесь вроде выглядело как всегда. Над кроватью висели фотографии. Снимков было много, но все на один сюжет — кругом лес, а в центре Анечка. На столе в обычном беспорядке валялись книги, на подоконнике стояла коричневая кастрюлька, накрытая листком бумаги. В углу синел старенький плащ. Нового нигде не было видно. Оглядевшись, Славка заметил, что исчезло и зеленое нейлоновое пальто, которое Сашка за неимением платяного шкафа держал в том же углу под занавеской. Занавеска была на месте, а пальто не просматривалось. Заглянуть под кровать было секундным делом. Красного клетчатого чемодана, в котором Сашка хранил свою нехитрую движимость, будто и не было там никогда.

— Что же это такое? — пробормотал Славка растерянно, глядя на бабку, стоявшую безмолвно в двери.

Бабка вопроса не услышала.

— Говорят, английская королева нашими грибами интересуется, — сообщил Миша Востриков. Он выговаривал слова медленно, по-деревенски. Они выкатывались из его рта, словно ядра, округлые, весомые, гладкие. А выпуклые коричневые глаза внимательно оцупывали лицо собеседника, проверяя реакцию. Собеседник, гость — следователь Степан Николаевич Кириллов — был занят обсасыванием куриной ножки, поэтому к сообщению о вкусах английской королевы отнесся равнодушно. Да и далеко от Нылки жила королева и к теме разговора следователя с участковым инспектором никакого отношения не имела. Следователя интересовало совсем другое: он хотел знать, что говорят в Нылке о Мямлине.

— Разное болтают, — сказал участковому. — С Анютой эту историю связывают. Только я думаю, что это разговор нелепый.

— Что за Анюта?

— Экономистом она на сушильном. Любовь у Мямлина с ней будто бы расстроилась.

Кириллов положил обглоданную косточку на тарелку. Мишина жена протянула накрахмаленный рушник. Но вытирать жирные пальцы об эту хрустящую белизну следователю показалось святотатством, и он, не обращая внимания на протестующие возгласы хозяйки, пошел в кухню. Намыливая руки, подумал, что, может быть, и не такой уж нелепый этот разговор о поссорившихся влюбленных. Правда, они с Мишей еще не успели ни о чем толком поговорить: гостеприимный участковому потащил Кириллова от автобусной остановки к столу, а за столом беседа завертелась вокруг грибов. Впрочем, пока дошло до грибов, Мишина жена, как выяснилось, учительница, успела немало рассказать о Нылке: о лесах, каких нигде нет; о цветах, которые только здесь и растут; о соловьях, которые поют в Нылке совсем не так, как в других местах. Говорила она так, что все время хотелось спросить словами чеховского Жигалова: «А тигры у вас в Нылке есть?» И я бы несколько не удивился, услышав положительный ответ. — подумал Кириллов с усмешкой. Уж очень горячо нахваливала Наталья Ивановна поселок, в котором родилась и выросла.

Так и катался мячиком застольный разговор о том о сем, пока Миша не подкатил его к Анюте, а от Анюты возвратившийся из кухни Кириллов погнался

его дальше, к обстоятельствам, сопутствовавшим таинственному исчезновению заведующего Нылкинским Домом культуры Мямлина сбежал. К этой мысли склонился Миша. Он уже переговорил с Анютой и с ее подругами, допросил приятелей Мямлина, и стала перед ним вырисовываться некая версия.

— Анюта в тот день, — сказал он, — ключей от сейфа, не того... Ну, в общем, в сумке своей не обнаружила. А накануне она кассу у Выходцева приняла. Старик в отпуск пошел. В ящике на ночь деньги оставались. Могло, допустим, ограбление готовиться? Молодежь нынче неустойчивая.

— Почему оставались деньги?

— Порядок у них такой, — сказал Миша. — Для Леснева Андрея Сылыча, глабуха ихнего, инструкции вроде и не существует. По правилам обязаны зарплату в один день выдавать. А они процедуру растягивают. В первый день зарплату выдают, а на другой грибовары приходят: им на пунктах наличность нужна. На ночь тысячи три обычно остается.

— Значит, это система?

— И соблазн, — вздохнул Миша.

Наталья Ивановна внесла розовые чашки и стала расставлять чайную посуду, прислушиваясь к разговору. Кириллову показалось, что она хочет что-то сказать, но она лишь молча поправила сбившуюся скатерть и вышла из комнаты. Следователь проводил ее взглядом, отметил уверенную походку и подумал, что эта женщина знает себе цену. «А может, это профессиональное, — мелькнула мысль. — Когда двадцать или тридцать пар глаз смотрят тебе в спину, поневоле научишься не просто ходить, а выступать».

Миша тем временем продолжал рассуждать:

— Говорит, ключи потеряла. А ведь, если подумать, трудновато их из сумки выронить. Три ключа на кольце: упадут — зазвенят. Дырок в сумке у Анютки не отмечено. А около нее в тот вечер один Мямлин наблюдался. Плохого, конечно, я про Александра ничего сказать не могу. Но бывает всякое.

Это «всякое» и ложилось в основание версии, простой и ясной. Мямлин выкрал ключи у Анюты, чтобы передать их некоему сообщнику. Но неожиданно устыдился или испугался и второго шага к преступлению не сделал. Ключи он гипотетическому сообщнику не отдал, и ограбление, таким образом, не состоялось. А сам Мямлин решил бежать, поскольку опасался мести сообщника. Да и совесть его, наверно, замучила.

Изложив все это, Миша вытащил из кармана пачку «Явы», вытряхнул сигарету и, неторопливо размяв ее в пальцах, зажег. Наталья Ивановна, заметив, что муж положил спичку на чайное блюдце, поморщилась, поставила перед ним пепельницу. Потом протянула саркастически:

— Вот уж не думала...

Миша на своей версии не настаивал. Не было намеков на то, что кто-то собирался покуситься на кассу сушильного завода. Да и Мямлин, как выяснилось после горячей защитительной речи Натальи Ивановны, не видел знакомств с подозрительными личностями и вообще не был способен на преступные действия. Мальчик он тихий, скромный, сказала Наталья Ивановна, увлекается краеведением, кажется, даже мечтает написать историю поселка. В этом Кириллов убедился, когда посидел в тесном кабинетике директора Дома культуры под плакатом, призывавшим вступать в ряды ДОСААФ, и изучил содержимое мямлинского письменного стола. Три ящика были заполнены репертуарными сборниками. Их следователь оставил без внимания. Четвертый был набит старыми журналами и вырезками из газет. Тенденция в общем-то была ясна. На увлечение парня краеведением, кстати, указывали и книги в квартире Мямлина. А здесь, в кабинете, в верхнем ящике стола еще лежал листок бумаги с несколькими строками машинописного текста. Под заголовком «Времена далекой старины» шла фраза: «Когда-то, сотни тысяч лет назад, вся территория нашего края была покрыта ледниками». После точки снова следовало «Когда», и на этом текст обрывался. Видимо, два «когда» подряд не понравились автору, и он выдернул лист из машинки. Больше в столе не было ничего, если не считать тонкой собачьей цепочки: Кириллов показал ее Мише. Тот пожал плечами, и они вышли из клуба. Предстоял разговор с Анютой. Жила она на хуторе, который здесь назывался по-эстонски — мьзгой. Ударение Миша ставил на последнем слоге. Кириллов попытался было его поправить, но участковому засмеялся и сказал, что все нылкинцы произносят «Мьзá». Откуда взялась эта Мьза в старообрядческом поселке, ни Миша, ни его жена не знали.

Дорога на Мьзу начиналась сразу за сушильным заводом и пролегла через сосновый лесок. Справа тянулось болотце, слева возвышались бугры, похожие на огромные муравейники. Болотце было покрыто кустарником. Бугры густо заросли сосняком. По этой дорожке Мямлин провозжал Анюту домой,

по этой дорожке он возвратился и в ту ночь, чтобы забрать чемодан и скрыться в неизвестном направлении.

Сушильный заводик работал, но в конторе был выходной. Заводом, впрочем, это предприятие можно было назвать лишь с большой натяжкой. Это было старое, приземистое, длинное здание, окруженное потемневшими от времени сараями. Сушили здесь лук и грибы, картофель и морковь, поэтому пахло от завода, как от кастрюли с грибным супом. Контора — одноэтажный дом барачного типа — выходила фасадом, на дорогу. У крыльца стоял велосипед. А на крыльце сидел пожилой мужичок с бородкой клинышком. На поясе у него висела кобура, а в руке мужичок держал стакан с чаем. Завидев участкового с незнакомцем, он накрыл стакан блюдечком, ловко перевернул и поставил рядом с собой. И Кириллову вспомнился базар в Баку, горки зелени на прилавках и около них — опрокинутые таким же манером стаканы с чаем.

— Нифонтов, — сказал Миша, когда они отошли от конторы.

Нифонтов был последним, кто видел Мямлина в ту ночь. По времени, таким образом, получалось, что Мямлин ушел с квартиры где-то после двух часов. Но куда ушел Мямлин, было совершенно непонятно. Кассирша на вокзале, знавшая всех нилькинских жителей наперечет, сказала Мише, что парень ни ночью, ни утром билета не покупал. Такие же сведения поступили и с автобусной станции. Таксисты, ночевавшие в поселке, пассажира с красным клетчатый чемоданом не видели. Это, конечно, еще ни о чем не говорит — уехать из Нылки можно было и на попутном грузовике и на частной машине. Не обязательно было и самому покупать билет. Смуцало другое. Непостижимой казалась сама неожиданность и поспешность отъезда. Кириллов еще не вник как следует в дело, возбужденное через две недели после загадочного исчезновения Мямлина. К следователю поступил официальный запрос из Нальского управления культуры. 12 августа Мямлин должен был выступать на семинаре в Нальске с докладом об опыте внедрения в жизнь новых советских обрядов в Нилькинском Доме культуры. Но в Нальск он не приехал. На семинаре не был. Когда в Нальске стало известно, что Мямлина нет и в Нылке, послали запрос его родителям в Калугу. Ответ оттуда пришел не сразу. Квартира была на замке, а родители вместе с младшим братом Сашки, двенадцатилетним Антоном, отдыхали в деревне под Угличем. Как выяснилось, ни в Калугу, ни в деревню под Угличем Мямлин не приезжал. Родители Сашки прислали в Нальск телеграмму с требованием выяснить, что случилось с их сыном. Последнее письмо они получили от него за три дня до отъезда из дому. В нем сын сообщал, что отпуск ему дают в конце августа и он приедет домой. Поэтому Мямлины быстро отправились в деревню, чтобы к приезду сына быть дома.

Вот, пожалуй, и все, что знал Степан Николаевич Кириллов об этом деле, выезжая в Нылку. Очень немного было ему известно и о самом Мямлине. Но по мере накопления фактов и сведений он все меньше и меньше верил в предположение о бегстве. Не в Мишину версию о несостоявшемся ограблении, а в сам факт отъезда. Не на поспешное бегство указывали данные, имевшиеся в распоряжении следствия, а на поспешную инсценировку этого самого бегства.

И все-таки Степан Николаевич — следователь опытный и в годах — едва не попал на крючок...

Да, тигров в Нылке не было, но другие, не менее свирепые звери водились. Множественное число тут, конечно, ни при чем — зверь был, по-видимому, один, однако он так ловко запутал следы, что у охотников стало двоиться в глазах. Он все учел: и ситуацию, и обстоятельства, и поведение заинтересованных лиц, и даже психологию следователя. У него было два месяца, чтобы все учесть и продумать. Шестидесять дней он размышлял, как сделать ЭТО. Но логика подвела его. Он пытался предугадать, как развернутся события после того, как он сделает ЭТО. И предугадал почти все.

Почти...

— А вот и Мыза наша.

Миша поддел ногой сосновую шишку, валявшуюся на дороге. Лес расступился. Впереди, метрах в трехстах, виднелся двухэтажный дом из красного кирпича. Вокруг него домики поменьше. От опушки леса до Мызы простиралось картофельное поле. За домами текла неширокая речка.

— Курорт, — сказал Миша. — До войны тут детдом размещался. Теперь рабочие с сушильного живот. Народ новый. Из старожил только Спицыны, как присохла.

В его голосе прозвучала какая-то странная нотка.

— А в чем дело? — поинтересовался Кириллов.

— Не любят в Нылке Спицыных. «Иродовым племенем» зовут. Теперь, конечно, не так, стари-

ки поумирали, а молодым ни к чему. Но поселок ведь. Если что прилипнет — считай, навечно. Родительские грехи и детям и внукам долго отыграваться.

— Были грехи?

— Не библейские, конечно, не в том масштабе. Да и Ирод юбку носил. Погубила, говорят, Анюткина бабка детишек из этого вот детдома. Над семейством с тех пор и повисло проклятье.

— Как же это?

— Эвакуация была, — хмуро откликнулся Миша. — Ребят с Мызы почти всех увезли. Осталась группа малолеток. И бабенка эта с ними — заведовала она тогда детдомом. К утру им должны были furgончик подать. А потом, недели через две, партизанский связной обнаружил мертвых детишек в лесничковой избушке. Отсюда километров тридцать. Завезла, видно, и бросила. Были вроде свидетели, которые видели, как она их по той дороге везла. Сама будто бы за шофера сидела. А в Нылку уже немцы входили. После войны по округе слух прошел: видели эту женщину где-то на юге. Ну, а как там на самом деле было, знает, наверное, одна она. Ели жива, конечно.

— Искали ее?

— Было дело. Да тем и кончилось, — ответил Миша и двинулся вперед. Картофельное поле осталось позади. Теперь они пересекли просторный двор. Здесь шла обычная воскресная жизнь. На веревках, протянутых между деревьями, сушилось белье. Откуда-то из-за угла, скрытого от взоров простынями и пододеяльниками, доносился стук костяшек домино. На скамейке у детской песочницы сидела женщина. Одна с книгой, другая проворно шевелила спицами, остальные без дела. Но все — и та, что держала в руках книгу, и та, что со спицами, — проводили внимательным взглядом участкового инспектора и незнакомца, пока они не нырнули в узкую щель между двумя сараями. Щель эта вывела их к крыльцу аккуратного бревенчатого домика с резными оконными наличниками.

Дверь открыла Анюта. Родителей дома не было. Она предложила гостям стулья, а сама села на диван. В комнате было тесновато, от мебели веяло стариной. Здесь стояли два комода, красный и черный. На черном лежали раковинки, стеклянные шарики и какие-то стеклянные же брусочки. На красном центральное место в композиции из разных безделушек занимал портрет молодой женщины, в чертах лица которой угадывалось сходство с Анюткой. «Мать», — решила Кириллов. Но, бросив взгляд на Мишу, понял, что ошибся. И еще он понял, что Спицыны в вину бабки не верят и что, по всей видимости, между этим семейством и старожилками Нылки существуют некие сложные взаимоотношения.

Анюта оказалась девичьей молчаливой. Держалась она спокойно, настолько, насколько можно быть спокойной в такой ситуации. Была она красива, эта полненькая смугляночка. Она понимала, что красива, но она «не высовывалась», как образно выразился Миша, когда они вышли от Спицыных. Беседа с ней затянулась, но ничего нового Анюта не сказала. Она недоумевала — и только. Но она часто — Кириллову показало даже, что чересчур часто, — повторяла одну и ту же фразу: «Мне он ничего не сказал». В этом назойливом рефрене он уловил некий подтекст, до которого так и не сумел добраться. Он заходил с флангов и с тыла, но всюду наталкивался на глухую стену, от которой вопросы отскакивали, как целлулоидные шарики. Не то она сожалела о чем-то, не то укоряла Мямлина, который должен был сказать ей нечто важное, но вот не сказал — то ли забыл, то ли не захотел.

Ничего не сказал... Ушел и исчез в августовской ночи. А пришел два месяца назад, в начале июня. Тоже было воскресенье. Пришел на Мызу, походил вокруг каменного дома, зачем-то по стене ладонью похлопал. Анюта с книжкой на скамейке возле песочницы сидела. Мямлин подошел к ней, поздоровался, присел рядом. «Хорошо у вас тут», — сказал. Разговорились, потом в кино вместе пошли. Был он в тот вечер рассеян, словно думал о чем-то своем, на Анютинь вопросы отвечал невпопад. Она даже обиделась. Но вскоре все изменилось, все пошло ладом, как у всех, как всегда, как в хороших снях поется. За Анюткой в те дни главбух Андрей Сильч Леснев ухаживал. Но, узнав про Мямлина, отошел бухгалтер в тень, ступешался. Заслонил его Мямлин, на второй план отодвинул. И вдруг ушел. Не сказал ничего, не написал ничего.

Странно, если подумать...

Если подумать о сложных отношениях семьи Спицыных с нилькинскими старожилками.

Ничего не сказал...

«А может, спрашивал Мямлин?» — подумал Кириллов.

— Анна Семеновна, один деликатный вопрос: Мямлин когда-нибудь интересовался прошлым вашей семьи?

— Нет.

— Не было разговоров на эту тему?

— Нет, никогда...

Люська лежала на спине, запрокинув лицо к небу, грызла травинку и следила за бегущими облаками. При этом она каким-то образом ухитрялась следить и за Славкой, потому что стоило ему взглянуть на нее, Люська тут же это уловила и села, прислонившись к теплому срубу колодца.

Место у колодца — их самое любимое место на нифонтовском дворе. Когда Славка приходит, Люська вытаскивает из сараюшки старое одеяло, и они ложатся загорать. Между делом они обсуждают кое-какие проблемы личного характера.

Она села, а Славка встал и взялся двумя руками за тяжелое позеленевшее ведро.

— Смотри не простудись, — предупредила Люська. — Папа до сих пор кашляет.

— Как это его угораздило в такую жару?

— Так же вот, как и тебя. — Она выплюнула травинку и дернула парня за ногу. — Сядь. Ты был у следователя?

Леснев-младший был у следователя. Когда он туда шел, то думал, что его будут расспрашивать о Сашке. Но с самого начала разговор повернулся на сто восемьдесят градусов, и каким-то странным образом персона самого Славки выдвинулась на первый план. Ему это активно не понравилось. А когда Кириллов стал осторожно подбираться к Люське, он вообще вышел из себя и наговорил ерунды.

— Ну что же ты? — сказала Люська. — О чем вы говорили?

— Обо всем понемногу. Официально зарегистрировано, что я не был на Луне, не играю в футбол и не люблю глупых вопросов.

— Я давно говорила, что ты отрицательный тип.

— Подожди денек. Он тебе еще не прислал повестки?

— Мне?

Люська округлила глаза. У нее очень интересные глаза. Серые и еще с темным ободком вокруг радужной. Редкие глаза. Неземные какие-то.

— Тебе, — кивнул он.

— Но что я ему могу рассказать о Саше?

— А он тебя про него и не спросит. Его, по-моему, интригует твое инопланетное происхождение.

— Что?

На ее «что» у Славки не было ответа. Ему как-то не приходило в голову поинтересоваться, откуда, собственно, взялась в поселке Люська. Он считал ее коренной жительницей Нылки. Дом Нифонтовых был для него домом Нифонтовых, а старик Нифонтов стариком Нифонтовым. Все это — и дом и старик — существовало для него изначально. И дом и старик в его сознании составляли неразрывное целое с Нылкой. В доме жила Люська. Она тоже была неразрывно связана с Нылкой. И еще с библиотекой, в которой работала. Три года назад он, приехав на каникулы к отцу, забрал от нечего делать в библиотеку и увидел серые космические глаза... Он их и раньше видел — учился с Люськой в одной школе. Но она шла на два класса позади, и тогда ее глаза не казались ему космическими. А в библиотеке вдруг показались. Конечно, если бы они виделись почаще, он бы, наверное, и знал о ней побольше. И не ошеломили бы его вопросы Кириллова, очень, между прочим, аккуратные вопросы, замаскированные, правда, рядовым человеческим любопытством, но совсем не простые, если попытаться поглубже вникнуть в них, проанализировать.

— Вот уж не думал, что ты девочка с тайной, — сказал Леснев-младший Люське.

Она как будто не удивилась. Сидела в каком-то странном оцепенении, вперив взгляд в пространство, словно решала некую сложную задачу, а решение не давалось, ускользало.

— В самом деле, Люська, — продолжал он. — Почему я никогда не видел фотографии твоей матери? Или старик прячет их в сумке?

— Их нет, — сказала она. — Все сгорело.

— Расскажи.

— Если бы я знала! — сказала Люська. — Папа не любит вспоминать это: мама погибла во время пожара, а меня успели спасти. Вот и все. Было мне тогда полтора года.

— Это было здесь?

— В Баку. Здесь жила папина мать. Мы и приехали.

Она снова замолчала. Теперь надолго. Потом тряхнула головой и пробормотала:

— Невероятно.

— Что? — спросил он машинально.

Люська посмотрела на парня как на незнакомца и сказала:

— Понимаешь, Славка, я, наверное, действительно девочка с тайной. Саша тоже хотел посмотреть мамину фотографию.

Продолжение следует.

Рисунок Владимира СПЕЛЬНИКОВА

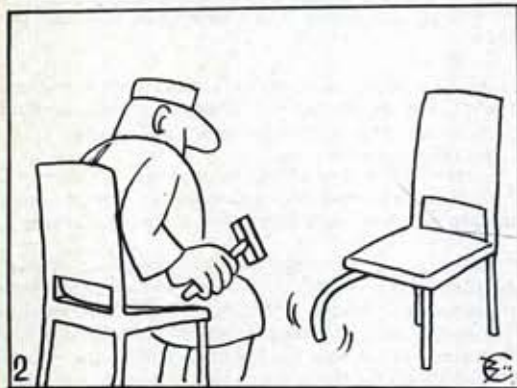
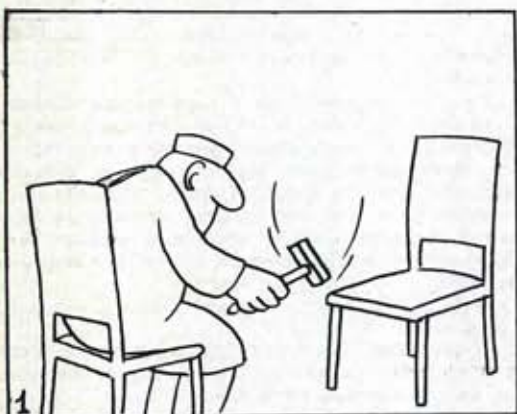
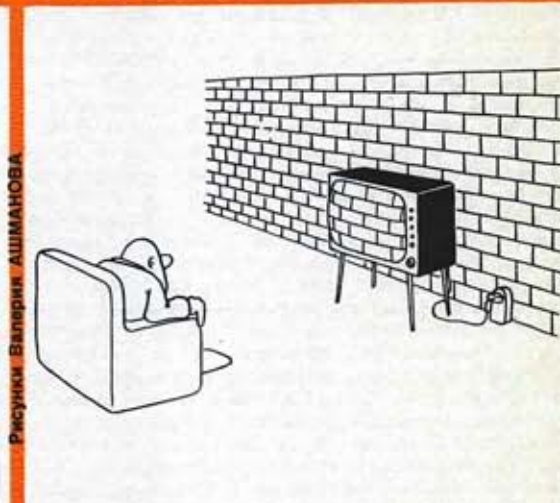

Рисунок Андрея ДМИТРИЕВА

Рисунки Валерия АШМАНОВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

19 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА
ЧЕТВЕРТЫЙ ТУР
СМЕНЫ

(Начало см. в №№ 1, 2, 4 и 5 журнала)

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

Какой план действий позволяет черным добиться успеха? (5 баллов.)

КАК ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ?

1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—b5 f7—f5. Каково

наименование этой дебютной системы? (1 балл.)

ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

Белые начинают и дают мат в три хода. (5 баллов.)

Открытки на вопросы четвертого раздела высылайте в адрес нашей редакции не позднее 10 мая 1977 года. Не забывайте четко указывать свой олимпиадный регистрационный номер.

Напоминаем, что в восьмом, заключительном разделе будет предложено провести классификационные турниры начинающих шахматистов. Выполнением этого задания рекомендуем заняться досрочно: вовлечь в соревнования большее число новичков легче до наступления лета. Таблицы же результатов и иные итоговые материалы по организованным вами турнирам вы пошлете нам в письме на последний тур.

АТАКУЕТ ВИЦЕ-ЧЕМПИОН

Не раз в последние годы мы писали о шахматном даровании Юрия Балашова. Впервые мы поведали о нем читателям, когда он еще школьником в зауральском Шадринске начал заниматься в знаменитой очно-заочной юношеской шахматной школе М. М. Ботвинника. Встречались за это время у Балашова периоды больших удач, случались и досадные спады. Но одно было ясно — он неумолимо шел вперед: талант, помноженный на упорный труд и на волевой характер, привел его в высшее шахматное общество. Недавно Юрий завоевал серебряную медаль в турнире сильнейших советских шахматистов. Уступил он только одному сопернику — чемпиону мира Анатолию Карпову. Быть вторым в крупнейшей шахматной державе — немалая честь. И хочется думать, что 27-летний москвич Балашов сумеет закрепить достигнутый крупный успех и еще не раз порадует многочисленных почитателей своего шахматного таланта новыми творческими и спортивными взлетами.

Вот как замечательно играл он на последнем всесоюзном чемпионате. Всего два коротких фрагмента, но они не оставят равнодушными ценителей шахмат.

Перед вами позиция 16-го хода черных из партии Балашова, игравшего белыми с гроссмейстером из Омска Виталием Цешковским. Эффективной комбинацией, связанной с жертвой коня за две пешки,

Балашов вскрывает подступы к неприятельскому королю и энергичными ходами подвергает его опасным угрозам.

16. Ke5:f7! f8:f7 17. Lf1:f7 Kpg8:f7 18. Kc3:e4 Fd8—e7 19. Ce2—d3 Cc8—f5. 20. Fd1—f3 Kh5—f6 21. Ke4—g5+ Kpf7—e8 22. La1—e1! Cf5:d3 23. c2:d3 Kb8—d7 24. d5—d6! Kd7—e5 25. Ff3—f1 Fe7:d6 26. d3—d4 Fd6—a6.

Отражая опасную атаку противника, черные вынуждены расстаться с благоприобретенной легкой фигурой. И хотя они добиваются размена ферзей, возникающее окончание явно в пользу белых.

27. d4:e5 Fa6:f1+ 28. Le1:f1 Kf6—d5 29. Ce3—d4 La8—c8 30. Kg5—e4! Cg7—f8 31. Cd4:a7 Lc8—a8 32. Lf1—d1! La8:a7 33. Ld1:d5 La7:a2 34. Ld5—b5!

Элегантно и высокотехнично реализует преимущество в эндшпиле ученик Ботвинника.

34. ... La2—a7 35. Ke4—f6+ Kpe8—f7 36. Kf6:h7 Cf8—e7 37. Kpg1—f2 b7—b6 38. Kpf2—f3! и вскоре черные сдались.

На этой диаграмме изображена острая ситуация, возникшая после 22-го хода черных партии Балашова (у него были белые) против московского гроссмейстера Бориса Гулько. Серией тонких маневров белые выигрывают пешку и активизируются на ферзевом фланге.

23. Ce3—d2! a7—a5 24. Cd2:b4+ a5:b4 25. Cb3:c2 Lc8:c2 26. Fg3—b3! Fd7—c7 27. Fb3:b4+ Kpf8—g8 28. a2—a4 Lc2—c4 29. Fb3—b5! Kpg8—f8 30. Kf4—e2 Ld8—d5 31. Fb5—b3 Kpf8—e8 32. Ld1—b1!

Виртуозное маневрирование белых фигур оставляет сильное впечатление. Ресурсы обороны черных вскоре будут исчерпаны.

32. ... Ld5—d8 33. Lf1—d1 Lc4—c2 34. Lb1—c1 Ld8—c8 35. Lc1:c2 Fc7:c2 36. Fb3—b5+!, и черные капитулировали.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18/II 1977 г. А 09224. Подписано к печати 3/III 1977 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 752. Заказ № 240. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

НЕ ОСТУДИ СВОЕ СЕРДЦЕ, СЫНОК!

Слова Владимира ЛАЗАРЕВА

Музыка Владимира МИГУЛИ

История

Музыкальная партитура песни «Не остуди свое сердце, сынок!». Включает вокальную партию с русскими и транслитерированными словами, а также фортепианный аккомпанемент. Музыка написана в тональности Bm, метр 4/4. Слова: «История. Это - река, которая в полночь...»

Есть городок на огромной планете—
Ночью над речкой четыре огня.
Это отсюда давно на рассвете
Ты проводила в дорогу меня.
Вижу тебя побледневшей и строгой,
Скорбные руки и белый платок.
Тихо сказала ты мне на дорогу:
«Не остуди свое сердце, сынок!»

Припев:

Тихо река мне тогда повторила,
Чистое поле вдали повторило,
Веткой береза качнув, повторила:
«Не остуди свое сердце, сынок!»

Эти слова позабыл я до срока,
Столько промчалось снегов и дождей,
Столько я встретил на дальних дорогах
Добрых людей и недобрых людей...
Все в этом яростном мире непростом.
Вот уж и мне забелило висок.
Вспомнил я вдруг обжигающе остро:
«Не остуди свое сердце, сынок!»

Припев:

Тихо река мне опять повторяет,
Чистое поле вдали повторяет,
Веткой береза качнув, повторяет:
«Не остуди свое сердце, сынок!»

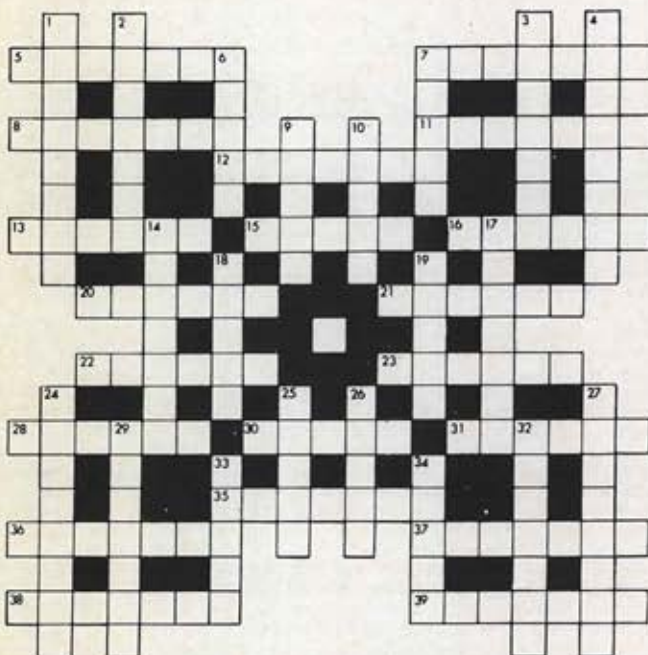
В небо я лез, замерзал я под снегом,
Еле живой выходил из огня,
Вот и зажглась запоздалая нежность,
Словно подснежник, в душе у меня.
Блудный твой сын, твой мальчишка упрямый
Ходит по свету в обмотках дорог.
Ходят по свету слова твои, мама:
«Не остуди свое сердце, сынок!»

Припев:

Тихо река мне опять повторяет,
Чистое поле вдали повторяет,
Веткой береза качнув, повторяет:
«Не остуди свое сердце, сынок!»

КРОССВОРД

Составил А. МАЛЮК,
г. Макаров Сахалинской обл.

По горизонтали:

5. Комсомольская песня первых лет Советской власти. 7. Русский писатель XIX века. 8. Разновидность гармоника. 11. Передвижник, народный художник РСФСР. 12. Антирелигиозная трагедия Вольтера. 13. Литовский пролетарский поэт-революционер. 15. Автор слов песни «Там вдали, за рекой». 16. Писатель, основоположник жанра американской новеллы. 20. Сокращение в тексте драматического произведения. 21. Современная молодежная песня. 22. Советская писательница. 23. Актер, участвующий в сценах без слов. 28. Один из первых пролетарских поэтов России, баснописец. 30. Принадлежность для работы живописца. 31. Стиль, отличительная черта творчества художника, писателя. 35. Рассказ М. Горького. 36. Персонаж романа В. Гюго «Отверженные». 37. Основной труд К. Маркса. 38. Местное наречие, говор. 39. Народный поэт Грузии.

По вертикали:

1. Учительница в романе Н. Островского «Как закалялась сталь». 2. Стенной ковер с вытканной картиной. 3. Русский революционер, писатель, философ. 4. Героиня романа А. Рыбакова. 6. Стяг, полотнище с изображением герба, эмблемы. 7. Семья итальянских мастеров смычковых инструментов. 9. Роман Ф. М. Достоевского. 10. Полезное насекомое, способствующее опылению растений. 14. Трагедия М. Ю. Лермонтова. 17. Заголовок раздела в газете, журнале. 18. Французский писатель, один из героев движения Сопротивления. 19. Один из литературных псевдонимов В. И. Ленина. 24. Помещение для публичных чтений, докладов. 25. Французский философ-материалист, писатель. 26. Стихотворение В. Маяковского. 27. Стилистический оборот в поэтическом произведении. 29. Короткий рассказ. 32. Советский писатель, кинорежиссер. 33. Южное декоративное растение. 34. Бумажный сверток.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 6

По горизонтали:

7. Муниципалитет. 10. Буквист. 11. Светофор. 14. Эплинг. 15. Триолет. 16. Десерт. 17. Астахов. 19. Борец. 20. Кинешма. 24. Нидерланды. 25. Абитуриент. 26. Филармония. 29. Секундомер. 31. Раскова. 32. Шонин. 33. Швартов. 36. Фиалка. 38. Критика. 39. Судеты. 40. Аделаида. 41. Агитатор. 42. Стратификация.

По вертикали:

1. Пудинг. 2. Министр. 3. «Литригоны». 4. «Марсельеза». 5. Шидерты. 6. Рекорд. 8. «Пуритане». 9. Солсбери. 12. Классификация. 13. Применяемость. 18. «Обломов». 21. Игумнов. 22. Анонс. 23. Шипка. 27. Акколада. 28. Яровизация. 29. Стилизация. 30. Отрядное. 34. Скрипач. 35. Барibal. 37. «Азлита». 39. Стадия.

Дебют его был стремительным и для самого художника необычным. Получив диплом Ленинградского института живописи, Андрей Яковлев решительно и надолго простился с родным городом. Холсты и краски не заняли значительного места в его багаже, потому что молодой художник отправился грузчиком на угольные рудники Шпицбергена. Потом он снова ушел в Арктику — зверобоем на ледоколе «Леваневский». Вскоре Чукотка, Таймыр, побережье Ледовитого океана от Мурманска до мыса Дежнева покрылось густым пунктиром его маршрутов.

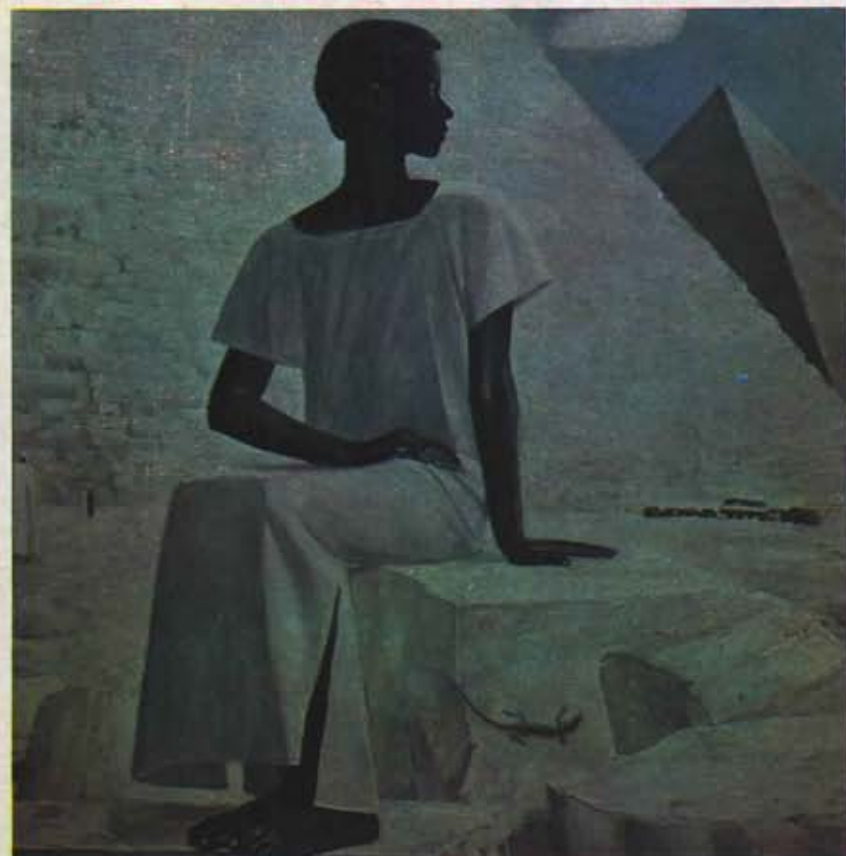
Однажды Андрей сказал, что «на Севере все лишнее заносится снегом». Эти слова, как нам кажется, помогают понять, почему художник так привязан к Арктике, и объясняют многие особенности его живописи — ее поэтический строй и необычную стилистику.

Андрей Яковлев очарован безграничными северными просторами, ослепительным блеском арктического солнца, аскетически строгими ритмами природы и гигантскими массами цветовых соотношений. Однако эта вечная и зримая атрибутика Арктики не ставит предела взгляду художника. Живопись Яковлева как бы очеловечивает традиционное понятие белого безмолвия, открывая в нем второй, я бы сказал, духовный план.

Обратите внимание, как построены композиции его картин: какое бы значительное место ни занимал в картине пейзаж, главным в живописном повествовании остается человек. Художник подчеркивает это энергичным ракурсом, мощной живописной лепкой лица и фигуры, цветовым контрастом или движением. И это сообщает его образам масштабность, а композициям — величественную монументальность.

Алексей АЛЕКСЕЕВ

ОЧАРОВАННЫЙ АРКТИКОЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ОХОТНИКОВ.

ВОСПОМИНАНИЕ.

СЧАСТЛИВАЯ.

